

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Бенедская Ольга Александровна

**Конституционно-правовые основы института третейского суда
в Российской Федерации: проблемы теории и практики**

12.00.02 – «Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор С.А. Авакьян

Москва — 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Конституционно-правовая природа третейского суда: доктринальные и нормативно-правовые основы исследования.....	18
§1. Третейский суд в юрисдикционной системе и предметной сфере конституционного права: эволюционное и компаративистское измерение...	18
§2. Конституционная сущность третейского суда в соотношении с институтами публичной власти и гражданского общества.....	47
§3. Третейский суд сквозь призму конституционного статуса личности.....	73
 Глава 2. Конституционные аспекты правового регулирования третейских судов в Российской Федерации.....	90
§1. Развитие правовой основы третейской защиты: проблемы соотношения государственного регулирования и саморегулирования.....	90
§2. Особенности реализации конституционных принципов правосудия в сфере третейской защиты	111
 Глава 3. Конституционализация развития третейского суда в современных условиях.....	127
§1. Проблемы совершенствования организационной основы третейского суда: в поисках баланса государственного контроля и конкуренции.....	127
§2. Конституционные аспекты повышения эффективности третейского разбирательства и его взаимодействия с государственным правосудием..	141
 Заключение.....	159
Библиографический список.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Цели эффективного обеспечения прав человека и согласия в современном обществе с юридизацией его жизни и нарастанием коллизионности требуют совершенствования институтов урегулирования споров. Образующие юрисдикционную систему, они не исчерпываются публично-властным звеном, а обогащаются неофициальными (общественными) институтами правосудия, зиждущимися на самоорганизации. Меняются само понятие о суде, который, оставаясь главным элементом юрисдикционной системы и основным хранителем высшей ценности прав человека, движется к расширению диспозитивности, убеждению и примирению. Но такие преобразования ограничены природой судебной (государственной) власти. Магистральной тенденцией становится развитие альтернативных способов урегулирования споров и правовой защиты, среди которых третейский суд занимает особое место.

Будучи древнейшим институтом правосудия и прямого общественного решения вопросов права, третейский суд, основанный на конвенциональности, активности и сотрудничестве участников (включая саморегулирование его условий), интегрируется в систему гарантирования прав человека и автономии гражданского общества, обретает сегодня признаки важного элемента правовой государственности. Направленная на расширение доступности, повышение качества и удобства юрисдикционных процедур, третейская защита с характерными для нее независимостью, специализацией и конфиденциальностью может внести весомый вклад в восстановление пошатнувшегося доверия к правосудию.

Вместе с тем процессы так называемой приватизации («децентрализации», «аутсорсинга» и т.п.) современного правосудия воспринимаются неоднозначно, широко дискутируются. Представлению о том, что с ними связаны перспективы более высокой эффективности, гибкости, демократизации и укрепления авторитета правосудия,

возможности разгрузки государственных судов за счет приближенных к обществу способов защиты своих прав противостоит мнение с акцентом на рисках размывания государственного (юрисдикционного) суверенитета и подрыва конституционного равноправия из-за девальвации «всеобщности» суда. Многообразие национальных конституционных моделей, политико-правовых и судебных традиций, в том числе относящихся к правовой культуре разрешения споров, несинхронность исторического развития и связанные с этим различия в юрисдикционных задачах, стоящих перед государством, – все это усложняет осмысление ценностных основ, правового становления и реализации третейской защиты. Накладывает свой отпечаток и то, что третейский суд, являясь атрибутом свободного общества, ограничителем власти и одновременно – объектом правовой политики, подвергается при неустоявшейся демократии порой серьезным авторитарным деформациям в виде опеки, гиперконтроля, централизации, чего не избежала и Россия. Для постсоциалистических стран, испытавших трагизм политизации правосудия, сращенного с карательной системой, укоренение третейского суда как института гражданского общества является вызовом.

При всей дискуссионности вопроса о природе третейского суда и его национальных особенностях несомненно, что этот институт отражает наследие всей правовой цивилизации, обладает общими атрибутивными чертами. Реалии правовых государств с авторитетными третейскими центрами демонстрируют сходство востребованных моделей, основанных на приоритете автономии воли сторон. Под воздействием правовой, экономической глобализации принципы третейской защиты универсализируются в виде обязывающих или ориентирующих стандартов и с учетом растущей значимости интегрируются в конституционное право, которое сегодня становится и правом общества (а не только государства).

Законодательная и правоприменительная деятельность по организации, развитию третейской защиты должна не просто формально соответствовать конституционным требованиям, а опираться на глубинное конституционное

обоснование этого института. Нужно корректно «вписать» третейский суд в систему отношений публичной (судебной) власти и гражданского общества, в механизм реализации и защиты прав человека. В свете роли третейского суда в обществе и государстве его узкоотраслевое восприятие методологически недостаточно. Конституционное право определяет статусные основы третейского суда как элемента юрисдикционной системы, условия и пределы влияния на него всех ветвей власти, проникает в процесс третейской защиты в виде базового стандарта справедливой правовой процедуры, императивов уважения основных прав и соблюдения публичного порядка, через конституционализацию применимого материального права.

В Конституции РФ востребовано имплицитное признание третейского суда, производное от исторических традиций (купеческие, совестные, крестьянско-общинные суды, мировой ряд и т.п.) и постсоциалистического страха вездесущего государства. Актуальные задачи становления третейского суда, связанные с вопросами автономии и правовой безопасности личности, организации правосудия и участия в нем граждан, разделения политической и экономической власти, налаживания общественного самоуправления, требуют системного раскрытия потенциала конституционного регулирования для обеспечения независимости и гарантирования третейского суда. Но в конституционной плоскости проблемы третейской защиты в отечественном праве пока не исследовались.

Динамика российского законодательства свидетельствует о дефектах и коллизиях, влекущих огосударствление третейской защиты, с одной стороны, и слабость нерепрессивных инструментов защиты от произвола в третейской сфере, с другой. Развитие третейского суда утратило четкость ориентиров, удаляется от его конституционной парадигмы как института гражданского общества, что обусловило, в том числе, инициативы и дискуссии о поправках в Конституцию РФ в этой части. В этих условиях разработка конституционной концепции третейского суда ставится приоритетной. Все это определило тему, цели, задачи, структуру и направления исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. До настоящего времени в отечественной юриспруденции не проводились комплексные конституционно-правовые исследования третейского суда, и данная диссертация является первой такой монографией. Хотя проблемам правосудия, суда, судебной власти, судебного гарантирования прав и свобод посвящена обширная литература, анализу сущности третейского суда, в том числе в соотношении с институтами публичной (судебной) власти, гражданского общества и правового статуса личности, не уделялось должного внимания в доктрине российского конституционализма. Единичные исследования, затрагивающие эти вопросы, в научной периодике обнажают эклектичность взглядов. Дефицит конституционно-правового научного осмысления проблематики третейского суда оказывает негативное влияние на законодательную и правоприменительную работу, осложняет формирование долгосрочных приоритетов развития третейской защиты.

Особенности предмета диссертации предопределили обращение к широкому массиву правовых доктрин, относящихся к публично-властным (в сочетании с общественными) и личностным началам правосудия, судебной власти, альтернативным способам урегулирования правовых споров.

Научные представления о правосудии, судебной власти во взаимосвязи с философией конституционализма зародились в эпоху Просвещения в русле естественного права в работах, в частности: Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Т. Джефферсона. Российское конституционное наследие обогатили в этой части, в частности: И.В. Гессен, А.Д. Градовский, А.Ф. Кони, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин, И.Я. Фойницкий.

Фундаментальные проблемы суда, судебной власти, судебной защиты прав в условиях становления демократической правовой государственности России становились предметом исследований Е.Б. Абросимовой, С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, В.И. Анишиной, М.В. Баглая, А.Д. Бойко, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, В.Н. Демидова, В.В. Ершова, В.М.

Жуйкова, В.Д. Зорькина, В.Т. Кабышева, Е.И. Козловой, Г.Н. Комковой, И.А. Кравца, В.А. Кряжкова, О.Е. Кутафина, В.В. Лазарева, В.М. Лебедева, Е.А. Лукашевой, Т.Г. Морщаковой, Э.М. Мурадян, С.Э. Несмеяновой, Т.Н. Нешатаевой, Ж.И. Овсепян, В.А. Ржевского, В.М. Савицкого, Ю.А. Тихомирова, Б.Н. Топорнина, И.А. Умновой (Конюховой), В.Е. Чиркина, С.М. Шахрая, Б.С. Эбзеева, В.В. Яркова. Нормативное содержание права на участие в отправлении правосудия осмыслено в работах Ю.Г. Басина, С.В. Белых, И.О. Боткина, Д.А. Величко, С.В. Водолагина, С.В. Игнатъевой, Т.В. Кашаниной, М.М. Кулыбекова, Э.В. Лядновой, В.Д. Мелыунова, В.П. Мозолина, И.В. Мухачева, И.Н. Плотниковой, О.Р. Рахметуллиной, Г.Ф. Ручкиной, О.В. Тишанской, Д.В. Уткина, Е.В. Эминова и др.

Конституционные аспекты соотношения в сфере правосудия государственных и общественных начал, характеристики конституционной природы альтернативных, включая третейский, способов защиты обсуждались в исследованиях К.В. Арановского, Г.А. Жилина, С.А. Кажлаева, В.И. Крусса, М.И. Клеандрова, А.С. Комарова, А.И. Муранова, Ю.И. Скуратова, Т.Я. Хабриевой, Н.М. Чепурновой, В.Ф. Яковлева.

Предметный анализ третейского суда ведется в основном в контексте цивилистического права и процесса. Нарботанные на отраслевом уровне методологические, концептуальные подходы, поднимающиеся до общетеоретических обобщений в понимании предпосылок, условий возникновения и развития третейского суда, не могут игнорироваться конституционно-правовой наукой. Они важны, поскольку позволяют полнее уяснить и охарактеризовать роль и место третейского суда в юрисдикционной системе, его функциональные и организационные моменты, значимые с позиции влияния на отношения власти, свободы, собственности. В отраслевых доктринах находят отражение, конкретизируются конституционно значимые характеристики третейского суда, и вместе с тем они позволяют уяснить актуальные проблемы конституционализации данных отношений. В этом плане особенно важны диссертационные исследования

Е.А. Виноградовой, Р.Н. Гимазова, Э.Н. Гимазовой, А.И. Зайцева, С.А. Курочкина, М.Ю. Лебедева, М.А. Попова, Г.В. Севастьянова, О.Ю. Скворцова, С.Ж. Соловых, Р.А. Траспова, И.М. Чупахина, Т.В. Шевченко.

Опорой исследования послужили труды по теории права и государства представителей разных школ: Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, А.Б. Венгерова, Д.А. Керимова, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, Л.А. Морозовой, В.С. Нерсисянца, А.В. Полякова, В.А. Четвернина и др.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с организацией и функционированием третейского суда в его взаимоотношениях с институтами публичной (судебной) власти и гражданского общества и обеспечением на этой основе прав человека.

Предметом исследования выступают Конституция РФ, международные правовые акты, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, материалы судебной практики, в которых отражаются конституционно значимые аспекты места и роли третейского суда в юрисдикционной системе, его участия в обеспечении прав человека. Особое внимание уделено практике конституционного правосудия, посредством которой происходит выявление, обоснование, развитие относящихся к пониманию правосудия, судебной власти, третейского суда конституционных начал правовой демократической государственности, гражданского общества, самореализации личности.

Цель исследования в том, чтобы на основе впервые проводимого комплексного конституционно-правового анализа третейского суда в условиях современной государственности предложить научную концепцию, обосновывающую его место и роль в юрисдикционной системе, основания и пределы третейской защиты, обусловленные особенностями соотношения в ее природе публичных и частных начал, и исходя из того сформулировать предложения по повышению ее эффективности на современном этапе конституционного развития России.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать предпосылки, закономерности и тенденции проникновения третейских отношений в предметную сферу современного конституционного права, основные подходы к их конституционному регулированию в сравнительно-правовом измерении;
- обосновать конституционную сущность третейского суда в соотношении с категориями правосудия, суда, судебной системы, судебной и правовой защиты, институтами публичной власти и гражданского общества;
- осмыслить третейский суд с позиции конституционно-правового статуса личности, имея в виду обоснование права на третейскую защиту и проблемы соблюдения других основных прав в ходе ее реализации;
- раскрыть конституционные аспекты правовой основы третейского суда в соотношении государственного регулирования и саморегулирования;
- выявить особенности реализации в третейской сфере конституционных принципов правосудия;
- рассмотреть сквозь призму конституционных начал третейской защиты специфику субъектов, на которых возложено ее организационное обеспечение, проблемы правового регулирования их создания с позиции пределов государственного вмешательства и обеспечения равного (конкурентного) доступа к данной деятельности;
- сформулировать на основе критического анализа законодательной и правоприменительной реализации третейской защиты конституционно обоснованные предложения по ее совершенствованию.

Методологию исследования характеризует прежде всего системный подход, с помощью которого в диссертации раскрываются в целостном, взаимосогласованном виде ценностные, целевые, принципные, функциональные, институционные и иные конституционно значимые характеристики третейского суда, его место и роль в юрисдикционной системе. Системный подход дополняется и усиливается диалектическим методом, позволившим обосновать присущие третейскому суду начала

принадлежности к реализации публично значимых функций и системе гражданской самоорганизации, раскрыть его в коллизионном единстве юрисдикционных, правоприменительных и регулятивных свойств. Благодаря системному методу конституционная природа третейского суда выявляется в общем контексте законодательства и правоприменения. Методологию исследования составляют и иные воспринятые юриспруденцией методы познания, как общенаучные (дедукция и индукция, анализ и синтез, метод обобщения), так и частнонаучные (сравнительно-правовой, историко-правовой, юридико-догматический, метод правового моделирования и др.).

Теоретическая основа исследования определяется сложившимися в юриспруденции и смежных социогуманитарных науках (философии, политологии, социологии) концептуальными подходами и идеями в отношении понимания свободы, власти, самоорганизации, суда, правосудия, государства, гражданского общества и иных значимых для осмысления конституционной сущности третейского суда фундаментальных категорий. В диссертации востребованы научные разработки, раскрывающие условия и тенденции развития современного государства и общества, включая процессы юридизации, глобализации, социализации и децентрализации, поскольку они влияют на состояние юрисдикционных институтов, расширение неофициальных средств урегулирования правовых споров.

Нормативной основой исследования являются Конституция РФ, международно-правовые акты, решения Конституционного Суда РФ, действующее и утратившее силу законодательство Российской Федерации.

Эмпирическую основу исследования составляют правовые документы и материалы, относящиеся к формированию и реализации как в России, так и в зарубежных странах конституционных институтов третейской защиты, включая материалы судебной практики.

Научная новизна исследования заключается в разработке конституционно-правового подхода к третейскому суду как институту гражданского общества, который осуществляет санкционированные законом

родственные правосудию публичные функции по решению споров о праве и тем самым интегрируется на началах организационной обособленности от судебной системы в более широкую юрисдикционную систему государства. Выявлена и обоснована не сводимая к правоприменению сущностная специфика третейского суда, юрисдикционная деятельность которого тесно связана с реализацией примирительных задач и предполагает регулятивную активность в вопросах процессуального и материального плана. В диссертации изложен системный взгляд на находящиеся в единстве конституционные характеристики сущностных, институционных, процедурных и иных аспектов третейского суда, его взаимосвязи с конституционным статусом личности, что позволяет ставить вопрос о формировании основ конституционной теории третейской защиты. Научная новизна диссертации характеризуется и прикладными выводами из теоретических позиций, позволивших по-новому, с конституционно-правовых позиций, критически оценить реалии третейской сферы и предложить объединяемые в конституционную стратегию развития третейского суда решения по преодолению существующих недостатков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Категория третейского суда должна рассматриваться как имеющая в своей основе конституционно-правовой характер. С одной стороны, в условиях бюрократического кризиса современной государственности, усиления юридикации, коллизииности общества и поиска новых форм гражданского участия, включая сферу правосудия, объективно возрастает конституционная ценность третейского суда, призванного обеспечивать самостоятельное решение субъектами гражданского общества правовых споров. Это создает предпосылки для повышения доступности правосудия и укрепления доверия к нему общества, рационализации и экономизации судебной системы за счет снижения нагрузки на государственные суды. С другой стороны, проникновение в третейскую сферу вызвано эволюцией предмета конституционного права, его социальной ориентацией.

Конституционное признание третейского суда не умаляет уникальной роли судебной власти, а обогащает представление о правосудии, которое может иметь и общественный (не публично-властный) характер. Предлагается разграничить судебную и юрисдикционную системы как часть и целое.

2. Третейский суд как конституционная категория представляет собой относящийся к системе гражданского общества и интегрированный в юрисдикционный механизм правового государства институт неофициального правосудия, обеспечивающий посредством общественной власти основанное на конвенциональности и самоорганизации разрешение правовых споров в диспозитивной (саморегулируемой) процедуре, принципиально соответствующей требованиям справедливого судебного разбирательства, в целях восстановления нарушенных прав через достижение примиряющего согласия, рассчитанного на воспроизводство партнерского сотрудничества.

3. Воздействие конституционного права на третейский суд определяется как усилением более общей потребности развития альтернативных юрисдикционных процедур, коррелирующих с расширением самоорганизации современного общества, так и объективной интеграцией третейского суда в отношения свободы, собственности, публичной (судебной) власти, его публично значимыми юрисдикционными функциями. Предпосылки усиления конституционного воздействия связаны с необходимостью ограждения третейского суда от неоправданного вмешательства государства и одновременно государственного гарантирования соблюдения защиты от произвола в третейской сфере. Конституционное право регулирует при этом прежде всего организационную суть третейского суда, его место и роль в юрисдикционной системе во взаимоотношениях с иными институтами гражданского общества и публичной (судебной) власти. Возможно проникновение конституционного права и в само третейское разбирательство – через принципы справедливого разбирательства, уважения основных прав и публичного порядка, через конституционализацию подлежащего применению материального права.

4. Конституционное понимание третейского суда следует раскрывать на основе прямых и обратных связей с основами конституционного строя. Принципы правовой социальной демократической государственности, с одной стороны, предопределяют развитие в обществе правовых способов достижения согласия (преодоления конфликтов) на добровольной кооперативной основе, с другой – дополнительно подкрепляются третейским судом, способствующем развитию конституционной культуры. Практическая конституционная ценность третейского суда как средства правовой защиты обусловлена его инициативным, конвенциональным, диспозитивным характером, ориентацией на примирение и партнерство, вариабельностью процедурных условий и профильным подбором арбитров на основе усмотрения сторон спора, конфиденциальностью.

5. Конституционные характеристики правовой природы третейского суда отражают коллизионное единство частных начал, обусловленных реализацией третейской процедуры по соглашению и в связи с интересами частных лиц, и публичных начал, определяемых формированием посредством третейского суда авторитетных суждений о праве, получающих официальное признание и подкрепление. Не входя в судебную систему, третейский суд, находится с ней в функциональной и отчасти организационной связи: осуществляет цели правосудия, дополняемые медиативными и в определенной мере правотворческими задачами, при содействии и контроле государственных судов. В системе гражданского общества третейский суд может рассматриваться как высшее проявление общественного правосудия с правовыми последствиями, обязательными для государства. Ввиду этого третейский суд входит в сферу реализации судебно-правовой политики государства, правомочного предусмотреть как случаи обязательного обращения к данной процедуре, так и ее распространение на отдельные публично-правовые отношения.

6. Конституционное обоснование третейского суда усиливается через личностное измерение. Будучи сложившимся традиционным институтом

гражданского общества, третейский суд воплощает автономию личности как в реализации «своих прав», так и в самостоятельном определении способа их защиты, составляет одно из естественных прав – на третейскую защиту. Умолчание об этом праве в Конституции РФ – квалифицированное, отражает примат «негативного» подхода к его закреплению и не ставит под сомнение его фундаментальный статус. Этим не исключается необходимость учета в праве на третейскую защиту публично-правовых (общественно-политических) начал, связанных с категорией демократического «участия» и характеризующих в основном организационную форму его реализации, а также позитивных обязанностей государства по его гарантированию. При этом право на третейскую защиту служит гарантией многих других прав, а их соблюдение для третейского суда обязательно. Доктрина третейского отказа от основных прав противоречит их неотчуждаемости, их фундаментальные нарушения подлежат устранению через государственную (судебную) защиту.

7. Сочетанием в конституционной природе третейского суда частных и публичных начал определяется взаимосвязь в этой сфере государственного регулирования и саморегулирования. Приоритет последнего, проистекающий из автономии гражданского общества, не устраняет необходимость законодательных гарантий справедливости третейского разбирательства и защиты от произвола в «квадрате» отношений: стороны, арбитры, арбитражное учреждение и организация, его создавшая. Это предполагает обеспечение формальной определенности регулирования третейских отношений, которые не должны выпадать из правового поля. Имеющиеся противоречия в подходах к определению их предметной принадлежности приводят к нарушению конституционных прав и требуют скорейшего устранения путем последовательного обособления третейского законодательства. Развитие законодательной основы третейских отношений должно происходить также в направлении децентрализации в свете потенциала принципов федерализма и местного самоуправления.

8. Для третейской сферы конституционные принципы, относящиеся к государственному суду, значимы в той мере, в какой от них зависит справедливость любого судебного разбирательства, что не предполагает тождественности государственного судопроизводства и третейского. Третейская процедура носит не властно-организованный, а конвенциональный и координационный характер, основана на доминантах диспозитивности и самоорганизации как процессуальных эквивалентах экономической свободы. Ввиду этого реализация конституционных принципов правосудия в третейской сфере должна обуславливаться ее спецификой, что в действующем законодательстве не обеспечено должным образом. Законодательное распространение на третейский суд в буквальном виде ряда тех принципов, которые действуют в государственном судопроизводстве (состязательность, равноправие сторон, беспристрастность арбитров), и отсутствие закрепления некоторых специфических принципов (сотрудничество сторон, содействие третейского суда сторонам в мировом урегулировании, конфиденциальность, компетенции-компетенции) создают предпосылки для искажения третейской процедуры.

9. Лежащие в основе конституционного понимания третейского суда начала свободы, саморегулирования распространяются и на организационную сторону третейских отношений, связанную с созданием арбитражных учреждений, ответственных за организационное обеспечение арбитража. Динамика законодательства в этой части свидетельствует о «маятниковом» развитии: от одной крайней точки (явочный порядок создания третейских судов) к другой (разрешительный порядок). Сложившийся механизм выдачи разрешения на эту деятельность, замкнутый на исполнительную власть, которой отводится дискреционная роль, противоречит духу разделения властей, влечет монополизацию, централизацию и бюрократизацию третейской сферы, нарушает равный доступ на рынок арбитражных услуг. Создание арбитражных учреждений должно обуславливаться независимой квалификационной оценкой

профессионального сообщества, проведение которой должно быть возложено либо на судебную власть, либо на общественную структуру (в частности, под эгидой Президента РФ). Критерии квалификационного отбора должны исчерпывающе регулироваться в законе, а их несоблюдение – доказываться.

10. Конституционализация взаимодействия третейских и государственных судов должна опираться на признание автономной ценности третейской процедуры, которая не подлежит произвольной замене государственным судопроизводством. Предметная компетенция третейского суда должна определяться по критерию свободы сторон распорядиться спорным материальным интересом и не сводиться к гражданско-правовому характеру спора (как сейчас), а любые ограничения — удовлетворять критериям ограничения конституционных прав. Контроль итоговых актов третейских судов должен быть отнесен к компетенции судов высокого уровня (не ниже второй инстанции). В целях повышения эффективности третейской процедуры предлагается закрепить за третейским судом полномочия без содействия государственного суда получать необходимые доказательства, распоряжаться о принятии принудительных мер, наделять арбитражные решения свойством преюдиции. Особого требует развитие внеюрисдикционного (профессионально-научного) сотрудничества третейских и государственных судов. С природой третейского суда согласуется закрепление за ним права на обращение в Конституционный Суд РФ в порядке, аналогичном направлению судебного запроса.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке основ конституционно-правовой концепции третейского суда в юрисдикционном механизме государства. Это способствует развитию теории конституционного права в части осмысления характеристик современного правосудия, осуществляемого с участием альтернативных способов урегулирования споров, позволяет создать научные предпосылки для совершенствования правовых средств регулирования третейской защиты в целях повышения качества юрисдикционного механизма в целом.

Практическая значимость исследования определяется возможностями использования его результатов в деятельности публичной власти, третейских судов, субъектов гражданского общества для повышения эффективности третейской защиты, выработки правовой стратегии ее развития и преодоления юридических дефектов в этой сфере. Результаты исследования могут быть востребованы в преподавании конституционного права и относящихся к сфере правовой защиты учебных дисциплин, а также в рамках подготовки соответствующего специального учебного курса.

Достоверность результатов исследования обусловлена прежде всего тщательным изучением российской и зарубежной правовой доктрины по вопросам правосудия, судебной власти, гражданского общества и в особенности научных источников, непосредственно относящихся к выявлению предпосылок и закономерностей развития третейской защиты в условиях современного конституционализма; анализом широкого массива нормативно-правового и правоприменительного материала по вопросам исследования; использованием апробированной и современной научной методологии; научной аргументированностью выводов исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основные результаты исследования получили отражение в опубликованных научных статьях автора по теме исследования, докладывались в ходе научных и научно-практических конференций, круглых столов, совещаний разного уровня. Методологические подходы, основные положения и выводы исследования апробированы в условиях многолетней ведущейся автором адвокатской практики, были востребованы автором в качестве докладчика МКАС и МАК при ТПП РФ.

Структура диссертации предопределена целью и задачами исследования, включают введение, три главы, объединяющие семь параграфов, заключение и библиографический список.

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНО- ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§1. Третейский суд в юрисдикционной системе и предметной сфере конституционного права: эволюционное и компаративистское измерение

Правосудие – основополагающая ценность в правовом государстве, важный элемент верховенства права¹. Оно обеспечивает решение споров между конкретными лицами и способствует поддержанию конституционного порядка, поскольку его акты играют «нормативную» и «образовательную» роль в обществе². Образ Фемиды, отмечал В.С. Нерсисянц, «выражает не только смысл и идею справедливого суда как специального органа, но и идею справедливой государственности вообще»³. От качества правосудия во многом зависит качество всей правовой системы, ее способность на основе четких, предсказуемых критериев определять общий масштаб свободы и ограждать от произвола с учетом изменяющихся потребностей общества.

Принцип верховенства права требует, чтобы правосудие было действенным. Это подразумевает его доступность, а также легитимность, как в формальном (надлежащая законодательная основа), так и в функциональном (уважение, доверие со стороны общества) плане. Действенность правосудия – интегральная характеристика, отражающая

¹ См.: п. 41 и 54 Доклада о верховенстве права, утвержденного Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 г.) (CDL-AD(2011)003rev) // <https://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282011%29003rev-rus> (дата обращения: 17.02.2020); п. 1 заключения № 17 (2014) Консультативного совета европейских судей «Об оценке работы судей, качества правосудия и соблюдения принципа независимости суда» (CCJE(2014)2) от 24 октября 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3. С. 114-127; п. 6 заключения № 18 (2015) Консультативного совета европейских судей «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве» (CCJE(2015)4) от 16 октября 2015 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2016. № 12. С. 128-143.

² См.: п. 7 заключения № 7 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (CCJE(2005) ОР № 7) от 25 ноября 2005 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4. С. 108-119.

³ Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения. М., 1989. С. 46.

степень достижения его целей, состоящих в конечном итоге в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении правовых споров для защиты прав и обеспечения правового порядка. Доступность и легитимность правосудия оказывают на достижение этих целей взаимообусловленное влияние. Формально-юридические, организационные, экономические и иные преграды на пути к справедливому разрешению дела судом в разумный срок подрывают веру в правосудие, делая его иллюзорным. Отсутствие доверия к суду вызывает «охлаждающий» эффект для реализации судебной защиты.

Ввиду этого действенность правосудия должна рассматриваться как социально обусловленная и предполагает такое соответствие его организации и процедурных форм условиям развития общества, при котором обеспечиваются равный доступ к правосудию и уверенность заинтересованных лиц в том, что их права будут защищены должным образом. Социально обусловленный характер действенности правосудия определяется также диалектикой материальных и процессуальных начал правовой свободы в обществе: процессуальная свобода, выражающаяся в институтах правосудия, связана с обеспечением принудительной реализации соответствующих материальных интересов, зависит от их характера, содержания, и вместе с тем может оказывать на них стимулирующее или, напротив, тормозящее воздействие. Расширение в обществе политической демократии, конкуренции, экономической свободы, начал субсидиарности и саморегулирования естественным образом сказывается на институтах правосудия, которые не только должны отвечать общественным изменениям, но и обеспечивать их, способствовать закреплению их позитивных итогов.

В условиях системного бюрократического кризиса современной государственности¹, породившего кризис доверия между обществом и публичной (в том числе судебной) властью, и параллельно протекающих

¹ См. об этом: *Ван Кревельд М.* Расцвет и упадок государства / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 500-506; *Оболонский А.В.* Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.

противоречивых процессов развития гражданской самоорганизации в конституционно-правовой повестке на первый план выходит поиск оптимального сочетания централизации и децентрализации, правового принуждения и убеждения, государственного регулирования и саморегулирования. Это сказалось и на сфере правосудия¹.

Усложнение и юридизация современного общества повысили его коллизийность и уровень энтропии в правовых системах, привели в сочетании с фактором глобализации к усилению конкуренции нормативных порядков (право, мораль, религия, корпоративная этика, национальные традиции и т.п.). Возросла роль государства в правовом обеспечении гражданского мира, в том числе через создание адекватных новым реалиям правовых механизмов урегулирования социальных противоречий, споров. Становление идей социальной государственности, основанной на признании естественных социальных прав, которые потребовали и социально-ориентированных условий необременительной защиты, также актуализировало необходимость модернизации судебной системы.

В новых реалиях традиционные институты государственного правосудия подверглись испытаниям. Многократное увеличение рабочей нагрузки на суды породило коллизию ценностей справедливого судебного разбирательства и процессуальной экономии, призванной служить доступности и своевременности судебной защиты². Еще одна линия коллизийного напряжения возникла между классическим пониманием принципа разделения властей, требующем от суда исполнения (а не творения) закона, и принципом недопустимости отказа в правосудии (в том

¹ Квасисудебные или альтернативные органы сегодня функционируют наряду с государственными судами в большинстве стран. Например, суды аксакалов или третейские суды Киргизии, медиаторы во Франции, консилиаторы в Италии, народные судьи в Индии, суды восстановительного правосудия в Канаде, Нидерландах, шариатские суды в Алжире, Египете, Иордании, Ираке, Марокко и др., суды обычного права в Перу, Колумбии, Эквадоре и т.п. См.: Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма, 2011. С. 560.

² Как отмечает Т.Г. Морщакова, судебные системы всех стран в настоящее время сталкиваются с необходимостью сокращения сфер судебной деятельности, исходя из выбора адекватных средств для решения правовых конфликтов. См.: Морщакова Т. Судебное управление в международных нормах «мягкого права» и российских практиках // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 91.

числе вследствие пробелов, дефектов в праве). Нарастание и дифференциация правового массива, ставших рефлексом возрастания сложности (углубления стратификации и индивидуализации) общества, поставило суды перед необходимостью выйти из традиционных рамок проводников воли законодателя и принять более широкие функции хранителей «живого» права. В условиях гипердинамизма общественных отношений и правового регулирования на суды легло основное бремя ответственности по обеспечению не только эффективной защиты правовых интересов, но и планомерного системно-согласованного интерпретационного развития права – через преодоление правовых дефектов, пробелов, коллизий. Это сказалось на повышении роли в судебной сфере политических факторов и коррелирующей потребности в их сдерживании, нейтрализации.

Расширение процессов транснационального экономического взаимодействия и различных форм государственно-частного партнерства также повысили уровень требовательности к функциональной легитимности правосудия, которое, если жестко интегрировано в государственную деятельность, не всегда дает уверенность в ожидаемой нейтральности.

При оценке предпосылок преобразования сферы правосудия, возникших в XX в. и продолжающих оказывать воздействие на него в условиях современного общества XXI в., нельзя игнорировать факторы исторической ретроспективы. Речь идет прежде всего о драматическом влиянии на правосудие процессов возвышения и упадка тоталитарных систем, тенденций становления, легитимации авторитарных режимов¹ (в том числе вновь окрепших в постсоциалистических странах). Эти исторические процессы, характеризующие трагический опыт обращения с правом, судом,

¹ Так, исследователи проблем правосудия в странах Африки выделяют следующие негативные черты рассмотрения споров в государственных судах, влияющие на предпочтения иностранных инвесторов в пользу альтернативных процедур, прежде всего третейского разбирательства: отсутствие беспристрастности, коррупция, политическая нестабильность, длительность судопроизводства. См.: *Ермакова Е.П.* Международный коммерческий арбитраж в странах Африки: источники правового регулирования // Вестник международного коммерческого арбитража. 2015. № 2. 2016. № 1. С. 41.

судьями как орудиями политического господства¹, продемонстрировали всю слабость, уязвимость судебной власти перед политическим гегемоном, необходимость разработки дополнительных механизмов, гарантирующих не только устойчивое сохранение и воспроизводство связей между судебной властью и ее источником – народом, но и демократизацию всех институтов правосудия, которая бы исключала его подмену политической целесообразностью, лояльностью. В странах постсоциализма, где восприятие судебных систем осложнено рефлексными страхами политической юстиции, реализация этих задач имеет особое значение.

Адаптация судов к новым условиям потребовала переосмысления понятия и системы правосудия, форм (способов) его реализации, изменения баланса публичных и частных интересов в юрисдикционной сфере. При этом не могли не учитываться специфика национальных традиций организации власти, присущий правосознанию судей консерватизм, объективная жесткость процессуальной формы, рост общественного недовольства качеством и скоростью рассмотрения дел и иные подобные факторы. В этом контексте были поставлены вопросы о расширении диспозитивно-договорных, примирительных начал судебной деятельности, внедрении и развитии в судебной сфере институтов гражданского участия, диалога и одновременно о подкреплении и дополнении государственно-властных форм правосудия иными, неофициальными, способами решения правовых споров.

В середине XX в. при формировании в послевоенных условиях новых параметров глобального миропорядка, основанного на примате достоинства личности, подлежащего эффективной правовой защите, прежде всего в отношениях человека и власти, были активизированы начавшиеся ранее, в 1920-е годы², процессы создания универсальных подходов к развитию институтов правосудия, модернизации юрисдикционной сферы. Растущая

¹ См.: Лукьянова Е., Шаблинский И. Авторитаризм и демократия. М.: Мысль; Бизнес и Мысль, 2018. С. 42-45; Соломон-мл. П.Г. Суды и судьи при авторитарных режимах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3.

² Можно отметить принятие под эгидой Лиги Наций Женевского протокола об арбитражных оговорах 1923 г. и Женевской конвенции об исполнении иностранных арбитражных решений 1927 г.

важность альтернативных средств урегулирования правовых споров и их роли в гармонизации международных экономических отношений на основе достижения глобального консенсуса в отношении стандартов применения таких средств нашла подтверждение в документах ООН¹.

Европейские стандарты ориентируют на упрощение, повышение гибкости и оперативности судопроизводства, облегчение или поощрение примирения, дружественного урегулирования спора (вне, до или в ходе судебного разбирательства)². Во многих странах внедряются различные формы упрощенного и ускоренного производства³. Востребованными становятся внесудебные процедуры, общие черты которых – преобладающий общественный характер, ориентация на примирение, диалоговый формат, активное включение сторон в урегулирование и т.п.⁴

В контексте этих процессов видение самого правосудия выходит из традиционных рамок государственно-властной деятельности. Формируются

¹ Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10 июня 1958 г.) // <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (принят в г. Нью-Йорке 21 июня 1985 г. на 18-ой сессии ЮНСИТРАЛ) // https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения: 17.02.2020)

² См., напр.: рекомендация № R (81) 7 от 14 мая 1981 г. Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=090000168050e7e4 (дата обращения: 17.02.2020); рекомендация № R (84) 5 от 28 февраля 1984 г. Комитета министров Совета Европы «О Принципах гражданского судопроизводства, направленных на усовершенствование судебной системы» // Российская юстиция. 1997. № 7; рекомендация № R (86) 12 от 16 сентября 1986 г. Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f7b86 (дата обращения: 17.02.2020) ; рекомендация № R (98) 1 от 21 января 1998 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно семейной медиации // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804ecb6e (дата обращения: 17.02.2020); рекомендация № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно медиации в уголовных делах // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=090000168062e02b (дата обращения: 17.02.2020); рекомендация Rec(2001)9 от 5 сентября 2001 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам об альтернативах судебному разбирательству между административными органами и частными сторонами // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e2b59 (дата обращения: 17.02.2020); рекомендация Rec (2002)10 от 18 сентября 2002 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о медиации в гражданских делах // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e1f76 (дата обращения: 17.02.2020).

³ Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. М.: Норма, Инфра-М, 2016. С. 126-140.

⁴ См., напр.: Альтернативное разрешение споров / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Издательский Дом «Городец», 2019; Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013; Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности. М.: Научный эксперт, 2013.

представления о «неформальной» (неофициальной) системе правосудия, которая дополняет, подкрепляет государственное судопроизводство, может повысить эффективность правовой защиты.

Как признано в пар. 15 Декларации совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 67/1 от 24 сентября 2012 г.), «неформальные механизмы правосудия, когда они действуют в соответствии с международно-правовыми нормами прав человека, играют позитивную роль в разрешении споров и... все люди, особенно женщины и лица, принадлежащие к находящимся в уязвимом положении группам, должны пользоваться полным и равным доступом к таким механизмам правосудия»¹.

В исследовании «Неофициальные системы правосудия. Определение курса на развитие в соответствии с правами человека», проведенном Датским институтом прав человека по инициативе ООН, отмечается: «обеспечение доступного правосудия является обязанностью государства в силу международных стандартов в области прав человека, но эта обязанность не требует, чтобы все правосудие осуществлялось через официальные системы правосудия. Если это делается в духе уважения и утверждения прав человека, осуществление правосудия через неофициальные системы не противоречит стандартам в области прав человека, и неофициальные системы правосудия могут служить механизмом для повышения эффективности выполнения обязательств в области прав человека путем обеспечения доступного правосудия для отдельных лиц и сообществ, где официальная система правосудия не срабатывает или не обладает географическим охватом»².

Подчеркивая, что «неофициальные системы правосудия в последнее время получили большое внимание среди теоретиков и практиков

¹ <https://www.un.org/ruleoflaw/files/A-RES-67-1.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

² См., напр.: *Informal Justice Systems. Charting a course for human rights-based engagement*. P. 11. (https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/democratic-governance/access_to_justiceandruleoflaw/informal-justice-systems/ (дата обращения: 17.02.2020))

верховенства права», Т. Редер из Института Макса Планка указывает на общераспространенный характер этого феномена, существующего «почти во всех обществах и во всех странах мира». Неофициальный характер таких систем предполагает применение негосударственных методов разрешения конфликтов, но не исключает, по его мнению, обязанность соблюдать законы и даже их формальное вхождение в государственную судебную систему¹.

При анализе неофициальных механизмов правосудия важно учитывать, что их актуализация, востребованность в современных условиях, нормативное признание как важных, необходимых способов правовой защиты, расширение их вариативности не свидетельствуют об исторической оригинальности (первозданности) обретения (раскрытия) в настоящее время самого неофициального начала феномена правосудия. Хотя вопросы возникновения и развития столь сложного феномена, как правосудие, понимания его сущности (в том числе в соотношении с институтами государственности, власти) относятся к дискуссионным и имеют известную мировоззренческую обусловленность, вряд ли можно подвергать сомнению то, что юрисдикционные отношения, относящиеся к правосудию (разрешение правовых споров), предшествуют государственному судопроизводству, первоначально складываются в форме суда третьего лица, посредников².

Правовой спор, в связи с которым отправляется правосудие, отражает единство материальных начал – в виде конфликтного столкновения правовых интересов, и процессуальных начал – в виде процедурных условий и форм урегулирования конфликта³. Право и связанные с ним конфликты определяются условиями совместной жизнедеятельности людей, предполагающей формирование общих правил для установления и

¹ Röder Tilmann J. Informal Justice Systems: Challenges and Perspectives // https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/informal_justice_systems_roder.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

² См., напр.: Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 3; Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 14; Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 67-68.

³ См.: Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. М.: Статут, 2009. Т. 1. С. 29; Губайдуллина Э.Х. Спор в праве: теоретико-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 10.

разграничения интересов и пределов их реализации. Наличие таких правил, проявляющихся в том числе в виде правовых ценностей, обычаев, традиций, не обусловлено состоянием государственности, властно-принудительными мерами, а характеризует естественное взаимодействие людей в сообществе. То, что процедурные условия улаживания таких конфликтов не носят властно-организованный характер, а на определенном этапе базируются на соглашении (в том числе в виде процессуального обычая), которое отражает сложившиеся представления о справедливом пути улаживания дел, не отменяет и не обесценивает правосудную природу данной процедуры.

Обращаясь к анализу истории развития системы правосудия, О.В. Корягина утверждает, что изначально оно носило характер общественного правосудия, так как осуществлялось судом посредников и имело примирительную направленность¹. В условиях борьбы за выживание племени при высокой агрессивности его членов примирители, по мнению Д.Л. Давыденко, исходили в первую очередь из насущной необходимости восстановить мир и стабильность в племени и лишь во вторую – из своих представлений о должном и справедливом². При этом основанием легитимации и таких способов урегулирования конфликтов, и их итогов служило признание, обобщенные представления о норме.

Понимание правосудия как не сводимого к государственно-властным формам реализации встречает критику³. Широко известное в российской доктрине мнение по этому поводу Н.А. Чечиной состоит в том, что «сама постановка вопроса об общественном правосудии... противоречит сущности правосудия как разновидности государственной деятельности, лишает понятие правосудия основного, определяющего его качества –

¹ *Карягина О.В.* Идеи примирения и посредничества в истории становления русской правовой мысли // *История государства и права.* 2012. № 12.

² *Давыденко Д.Л.* Арбитраж и примирение: две стороны одной медали // *Третейский суд.* 2004. № 1 (31). С. 84.

³ *Жилин Г.А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. С. 5-8.

государственности со всеми присущими ему свойствами и особенностями»¹. Аналогичным образом Е.Г. Стрельцова замечает, что единственный критерий, который действительно отличает судебную власть от иных, есть деятельность по осуществлению правосудия, и никто другой (в том числе структурные элементы гражданского общества) правосудие не отправляет².

При анализе этих и подобных им точек зрения, отождествляющих правосудие с государственно-властной деятельностью, нельзя не обратить внимания на смешение логически неоднородных понятий, формы и содержания явления, нарушение причинно-следственных отношений.

То, что правосудие реализуется в государственно-властных формах, не означает, что «государственность» является качественным и основным его признаком. Государственность, если рассматривать ее с позиции властных отношений, характеризуется широким многообразием видов деятельности, которые, будучи сопряжены с высшим (суверенным) организованным принуждением, заметно разнятся по содержанию, обладают собственной спецификой. Властное начало, приобретаемое правосудием в составе государственности, атрибутивно любым государственным отношениям, но это не снимает вопрос о сущности правосудия, которое по внутренним признакам обособливается среди видов государственной деятельности.

Не фактор высшего организованного принуждения порождает правосудие. Напротив, природа, смысл, назначение правосудия, призванного обеспечивать справедливое разрешение правовых споров, определяют его институционализацию в системе государственно-властных отношений, предполагают обоснованность сопряжения процессуальной формы правосудия с принудительным характером и обеспечения всеобщей обязательности законных актов правосудия³.

¹ Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2004. С. 98.

² Стрельцова Е.Г. Приглашение к дискуссии // Юридическое образование и наука. 2009. № 4. С. 39-47.

³ Вместе с тем нельзя не сказать, что в условиях становления правосудия в составе государственности неизбежно происходят под воздействием его взаимосвязей с иными элементами государственной системы и политическими факторами целевые, функциональные, процедурные и иные изменения институтов

При этом общество не поглощается государством, а реализуемые им формы руководства всегда в той или иной мере связаны с участием институтов общественной самоорганизации. Публичное управление, осуществляемое через государственное, муниципальное управление, дополняется корпоративной властью и элементами публичного управления в добровольных объединениях¹. Происходит делегирование государственно-властных полномочий негосударственным организациям². Вовлечение частных субъектов в публичное упорядочение общественных отношений затрагивает так или иначе все такие функции: в виде общественного саморегулирования (корпоративное, локальное, частно-договорное и иные формы реализации правотворческой деятельности), общественного правоприменения (не публично-властные формы административно-хозяйственной, организационно-распорядительной деятельности), общественного правосудия. Наличие третейских и иных подобных им институтов, как замечено, отражает богатство и разнообразие юрисдикционных отношений, неофициальные формы проявления которых становятся все более востребованными в условиях современного общества³.

Примечательно, что особое внимание к общественному правосудию и разработка этой категории в отечественной юриспруденции парадоксально связаны с периодом радикального огосударствления общества. Импульсом к дискуссии явилось создание товарищеских судов⁴. В качестве общественной формы правосудия эти суды обосновывались в работах А.Г. Бажанова, Н.Ф. Кузнецова, В.М. Семенова, А.П. Чугаева и др., и данный подход получил

правосудия, которые не могут оставаться за рамками целеполагания правовой и судебной политики. Так, на первоначальных исторических этапах это отчетливо проявляется в усилении до степени доминирования карательной функции правосудия в ущерб прежнему примирительному началу.

¹ Чиркин В.Е. Публичное управление. М.: Юрист, 2004. С. 332-453.

² Романовская О.В. Конституционно-правовые основы делегирования государственно-властных полномочий негосударственным организациям. М.: Проспект, 2019.

³ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма, 2018. С. 114.

⁴ См. об этом, напр.: Бойков А.Д., Кригер В.И., Носкова Н.А. Товарищеский суд. М., 1980; Шеметова К.Г. Защита субъективных гражданских прав товарищескими судами. Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1972.

широкое распространение¹. Предлагалось дополнить Конституцию СССР нормами о том, что «разбирательство отдельных категорий гражданско-правовых и иных споров возможно силами общественности в лице товарищеских судов и других общественных организаций»².

Доктринальная конструкция общественного правосудия советского периода не предполагала противопоставления государственных и общественных форм правосудия и носила идеологизированный характер. В ее основе лежала идея о том, что государственные и общественные институты служат элементами единой системы самоуправления советского народа. Общественные элементы были ориентированы воспитательными функциями укрепления морально-нравственного коммунистического облика человека³. Важно за идеологическими наслоениями не упускать правильно акцентированную убеждающую, авторитетную роль, которая определяет становление правосудия, а также идею взаимосвязи, взаимодополняемости государственных и общественных институтов в юрисдикционной сфере⁴. В этом контексте не происходило и отрицания наличия в общественных формах правосудия определенных властно-правовых функций, которыми, как отмечал, в частности, В.Н. Щеглов, наделены «третейские и

¹ С этими подходами коррелировала концепция Н.Б. Зейдера, отстаивавшего двойственность гражданского процесса: в широком смысле его было предложено рассматривать как деятельность всех государственных органов и общественных организаций (комиссии по трудовым спорам, товарищеские и третейские суды и т.п.) по защите нарушенных прав и законных интересов. См.: *Зейдер Н.Б.* Предмет и система советского гражданского процессуального права // *Правоведение*. 1962. № 3. С. 81.

² *Дулимов Е.И.* Рассмотрение гражданских дел товарищескими судами. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971. С. 10-11. Нельзя не отметить, что представление о товарищеских судах как общественной форме правосудия, об обоснованности выделения категории общественного правосудия носило дискуссионный характер. Критика опиралась на традиционное понимание правосудия как разновидности государственной деятельности. С другой стороны, создание и деятельность товарищеских судов предлагалось рассматривать как «появление в нашей общественной жизни очень важного и качественно нового явления, а не просто новой формы уже известного явления – правосудия». См.: *Добровольская Т.Н.* Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 9.

³ Товарищеский суд, отмечалось в доктрине, – выразитель общественного мнения, он часто может добиться успеха там, где непригодны административные меры и неуместна уголовная репрессия; сила такого суда не в карательных санкциях, а в коллективном осуждении нарушителя, в товарищеской критике. См.: *Демократические основы советского социалистического правосудия* / Гробовенко Я.В., Гуреев П.П., Каминская В.И., Мельников А.А. и др.; Под ред. М.С. Строговича. М.: Наука, 1965. С. 339.

⁴ Наличие судебного способа разрешения конфликтов, констатирует Л.А. Кривоносова, обусловлено недостаточностью одного лишь принуждения для поддержания правопорядка — обеспечение законности требует идеологического воздействия, убеждения в справедливости принудительной деятельности государства при решении юридических споров. См.: *Кривоносова Л.А.* Осуществление правосудия народным судом: социально-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1980. С. 9.

товарищеские суды и иные общественные организации, вступающие в отношения с участниками рассматриваемых ими дел и применяющие предусмотренные законом меры принуждения»¹.

Несмотря на стереотипные представления о том, что господствующим фактором прогрессивного развития России всегда была повышенная роль государства, а наш менталитет препятствует укоренению примирительных способов урегулирования споров², нельзя игнорировать, что общественные начала никогда не утрачивали своей ценности, оставались востребованными, в том или ином виде интегрировались в государственную организацию.

По мнению исследователей, использование примирительных процедур у славянских народов носило исконный характер, проявлялось в древнем обряде «побратимства» и позволяло ограничить месть³. Ф.М. Дмитриев полагал: «нет никакого сомнения, что третейская расправа есть самая древняя форма русского процесса»⁴. Тот же вывод делает Е.Д. Пахольчик. Опираясь на правовые памятники древности (Ипатьевская летопись 1136 г., Новгородская и Псковская судные грамоты и др.), она констатирует, что примирительные процедуры (совестные, волостные, мировые суды и проч.) издавна применялись в России, а третейский суд – наиболее древняя и распространенная форма⁵. Возможность примирения сторон конфликта уже известна Русской Правде⁶, а прямое закрепление третейского суда содержится в Соборном уложении 1649 г. (п. 5 гл. 15)⁷. Более развитые формы регулирования связаны с Положением о третейском суде от 15 апреля

¹ Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966. С. 153.

² Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 468-477.

³ Карягина О.В. Идеи примирения и посредничества в истории становления русской правовой мысли // История государства и права. 2012. № 12. С. 32-35.

⁴ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М.: Университетская Типография, 1859. С. 147.

⁵ Пахольчик Е.Д. Организационно-правовые и процессуальные основы коммерческого правосудия в России в XIX веке. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14, 23.

⁶ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 65–73.

⁷ Третейский суд по мысли Державина // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1862. Том XIII, Июль. С. 177.

1831 г.¹ Следовательно, нельзя не признать, что для России альтернативное правосудие – дело «почвенное», а не чужеродное².

Необходимость «спектрального» видения правосудия – в многообразии государственных и общественных форм – особо значима в современных условиях российской государственности, продолжающей поиск путей гармонизации частных и публичных начал. Несомненно, эффективное решение связанных с этим вопросов, относящихся к судебной-правовой сфере и напрямую затрагивающих институты правового статуса личности, публичной власти, гражданского общества, защиты прав и свобод, возможно лишь на прочной конституционной основе. При всем разнообразии подходов к предмету конституционного права, предполагающих как государствоцентрическое³, так и более широкое его понимание, связанное с реализацией общеправовых функций⁴, принципиальным охватом всех сторон общественно-государственной жизни⁵, нельзя не согласиться, что в реальной практике современное конституционное право, сохраняя адресную связь с государством, во все большей мере становится правом общества⁶. Одновременно конституционное право интегрируется с международным правом на базе идеи лучшего гарантирования прав человека⁷, что расширяет представления о способах правовой защиты через интернационализацию

¹ Высочайше утвержденное 15 апреля 1831 г. Положение о третейском суде // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение первое. 1831. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. № 4500.

² См.: *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 185. Об исторических началах третейского разбирательства в России см.: *Логинов А.В.* Основные этапы развития законодательства о третейских судах в России // Правозащитник. 2014. № 2; *Мирошниченко А.Ю., Царик А.С.* Третейские суды в России: история и современность // Юристъ – Правоведь. 2013. № 6; *Никифоров В.А.* Третейские суды на Руси // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 9.

³ *Лепешкин А.И.* Курс советского государственного права. М.: Госюриздат, 1961. Т. 1. С. 19-20.

⁴ *Кокотов А.Н.* О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10.

⁵ См.: *Бондарь Н.С.* Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10; *Коток В.Ф.* О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 51; *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2011. С. 19.

⁶ *Авакян С.А.* Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3.

⁷ *Умнова (Конюхова) И.А.* Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия: Монография. М.: РГУП, 2016. С. 9.

контекста осмысления юрисдикционной системы и возможности ее внесударственного восприятия.

Сохраняющийся в российской юриспруденции скепсис в отношении конституционализации частного права¹ обусловлен, с одной стороны, архаичным отождествлением конституционного и государственного права и опасениями за сохранение частной автономии, а с другой – абсолютизацией роли частного права как исключительного гаранта свободы. Между тем конституционализация правовой системы – закономерная составляющая юридизации общества, ориентированного на верховенство права. Как ведущая отрасль конституционное право призвано подчинить, в частности, весь комплекс регулирования экономики гуманистическим и демократическим ценностям, примирить экономические противоречия и устранить конфликты между участниками гражданского оборота².

Альтернативные способы урегулирования споров не могут оставаться вне сферы конституционно-правового воздействия. Ввиду как тесной связи с традиционно относящейся к предмету конституционного права судебной системой, в совокупности с элементами которой они призваны обеспечивать эффективную правовую защиту. Так и обусловленности процессуальных институтов спорными материальными правоотношениями, которые испытывают на себе со стороны конституционного права растущее влияние³.

В современных правовых системах, отмечает В.Д. Зорькин, развитие альтернативных форм защиты права, в том числе третейской, становится «неотъемлемым элементом благоприятной институциональной и правовой среды для защиты прав граждан»⁴. Признание системы гибких форм разрешения споров, включая третейское разбирательство, по мнению В.Ф.

¹ См. об этом, напр.: *Должиков А.В.* Конституционное экономическое правосудие и принцип соразмерности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 20-28.

² Конституционное право / отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2013. С. 162.

³ *Якимова Е.М.* Общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности как предмет конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 16-19.

⁴ *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 378.

Яковлева, – генеральная линия развития правосудия¹. Преодоление дефицита конституционно-правового осмысления этой объективной глобальной тенденции на основе широкого понимания правосудия является одним из ключевых факторов обеспечения правового комфорта и правовой безопасности личности. Пока, к сожалению, научные работы, касающиеся общественного правосудия, носят единичный характер².

В контексте широкого понимания правосудия оправданно ставить вопрос о введении категории юрисдикционной системы. Под *юрисдикционной системой* можно понимать *объединенное общностью цели правовой защиты личности взаимосвязанное единство публично-властных и общественных правовых институтов, обеспечивающих в состязательной, переговорной или иной подобной процедуре непосредственное урегулирование или содействие в урегулировании возникшего правового спора на основе формулирования признаваемого государством юридически обязывающего итога урегулирования*. Отсюда видно, что судебная и юрисдикционная системы соотносятся как часть и целое, при этом судебная власть – институциональное ядро юрисдикционной системы.

Общественные элементы юрисдикционной системы являются альтернативными лишь в смысле их неофициального характера. Не противостоят государственным институтам, а дополняют их. Создаются и действуют на основании закона, во взаимосвязи с государственными административными и судебными процедурами: могут предшествовать им, служить заменой и должны получать от них подкрепление.

Третейский суд является одним из наиболее древних³ и традиционных способов урегулирования споров, важнейшим общественным элементом

¹ Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. С. 230.

² См., напр.: Бекишиева С.Р. Общественное правосудие как элемент гражданского общества // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 4. С. 12-15; Магомедова З.И. Мировая юстиция как сегмент общественного правосудия // Мировой судья. 2018. № 6. С. 3-6.

³ Так, исследователи третейского разбирательства в качестве духовно-нравственных предпосылок формирования и использования этого института ссылаются на следующий стих Евангелия от Матфея: «миришь с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу» (5:25).

юрисдикционной системы. Именно третейское разбирательство характеризует полноту реализации юрисдикционной функции в ее общественной форме, поскольку основано на состязательности, участии арбитра, применении норм права, вынесении обязательного решения (а не просто достижении соглашения). Практическая конституционная ценность третейского суда как средства правовой защиты, основанного на частной автономии, свободе, лучшей осведомленности участников оборота о коллизионных интересах, ответственности за собственное благополучие и добросовестном исполнении обязательств, обусловлена его инициативным, конвенциональным, диспозитивным характером, ориентацией на примирение и партнерство, вариабельностью процедурных условий и профильным подбором арбитров на основе усмотрения сторон спора, конфиденциальностью. Обращение в третейский суд, констатировал Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ), «относится к числу общепризнанных в современном правовом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров»¹.

Третейское разбирательство является распространенной формой разрешения правовых конфликтов в зарубежных странах, преимущественно (но не только) в странах Европы и Северной Америки². Подтверждением уровня развития правовых основ третейского разбирательства на национальном уровне служит, в частности, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г., подготовленный в рамках ООН в целях гармонизации национальных правил. Хотя данный акт разрабатывался применительно к международному торговому арбитражу, он

¹ См.: абз. 5 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 26 мая 2011 года № 10-П // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356. Сходная позиция была выражена в решении Конституционного Суда Украины от 10 января 2008 г. № 1-рп, согласно которому: возможность передачи на рассмотрение третейских судов споров сторон в сфере гражданских и хозяйственных правоотношений признана зарубежной практикой, основанной, в том числе, на международном праве. <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/v001p710-08> (дата обращения: 17.02.2020).

² Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров как гарантия защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 11-12.

предусматривает, согласно пояснительной записке, «свод общих правил, которые сами по себе приемлемы для любого другого вида арбитража»¹.

При этом, как отмечается в исследовании «Правовые инструменты и практика арбитража в Европейском Союзе», подготовленном в 2014 г. по инициативе Комитета по правовым вопросам Европейского парламента, «имеются свидетельства того, что все более широкий круг государств признается в качестве потенциальных мест проведения арбитража. Однако это по-прежнему касается стран Западной Европы, и ни одно восточноевропейское государство пока не смогло занять более высокий, чем периферийный, статус для третейского разбирательства»². Во многом это объясняется отсутствием устоявшегося понимания природы и отработанной с конституционно-правовых позиций стратегии развития третейского суда на постсоциалистическом пространстве.

Процессы юридикации (и конституционализации) третейского суда в юрисдикционной системе связаны с предпосылками социального, экономического, политического, правового характера. Среди основных социальных предпосылок следует назвать: а) потребность повышения общественного доверия к юрисдикционным механизмам и итогам их реализации; б) потребность укрепления социальной солидарности в условиях преодоления массового общества³; в) потребность в более простых оперативных гибких интерактивных процедурах урегулирования конфликтов; г) потребность в разрешении конфликтов способами, позволяющими сохранить отношения сторон с учетом их специфики.

Экономические предпосылки связаны прежде всего с такими моментами, как: а) потребность в снижении транзакционных издержек в условиях глоболизирующихся рынков; б) потребность в минимизации

¹ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. Вена, 2008. С. 25-26. https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

² Legal Instruments and Practice of Arbitration in the EU. 2014. P. 13. [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/509988/IPOL_STU\(2015\)509988_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/509988/IPOL_STU(2015)509988_EN.pdf) (дата обращения: 17.02.2020).

³ *Алебастрова И.А.* Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М.: Проспект, 2016.

репутационных потерь и рисков раскрытия чувствительной информации в условиях «экономики брендов»; в) потребность в профессионализации (специализации) урегулирования споров в условиях технологизации экономики; г) крайне высокая ценность сохранения сложившихся деловых отношений в ситуации сверхмассовых рынков; д) социализация собственности и, как следствие, тенденция к более широким ее обременениям в отношении самозащиты своих имущественных интересов.

В качестве политических предпосылок можно обозначить: а) системную трансформацию государства в направлении сервисной модели¹, в том числе на основе децентрализации, дерегулирования²; б) актуализацию, существенный рост практической ценности гражданской самоорганизации, в том числе в силу невозможности для государства реализовать свои задачи без участия общественных организаций³; в) востребованность третейских институтов как фактора экономической политики, отстаивания интересов при конкуренции юрисдикций; г) необходимость формирования правовой культуры гражданского компромисса⁴.

¹ См., напр.: Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. С. 72; *Тихомиров Ю.А.* Государство. М.: Норма, 2013; *Талатина Э.В.* Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. С. 43-45; *Авакьян С.А.* Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10; *Васильева С.В.* Передача государственных полномочий организациям: правовой механизм // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5.

² См.: Децентрализованные органы и учреждения в системе исполнительной власти зарубежных государств: научно-практическое пособие/ Н. М. Касаткина, Ф.А. Лещенков, А.Н. Пилипенко и др.; отв. ред. А. Н. Пилипенко. М.: Норма, 2018; *Баньковский А.Е.* Принципы единства и субсидиарности в организации государственной власти Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2013; *Гаганова Н.А.* Принцип субсидиарности в конституционном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Головачев В.В.* Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация. М.: Норма, 2015; *Лескова Ю.Г.* Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. Впрочем, не все оценивают эти тенденции положительно. Критика сводится к тому, что саморегулирование, дерегулирование создают угрозы паралича государства, и стремительное увлечение ими в условиях отсутствия продуманной концепции приводит к размыванию государственной власти. См.: *Романовская О.В.* Конституция России и фронтолиз государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9.

³ См. подробнее: *Акимова М.А.* Негосударственные формы защиты прав и свобод личности (вопросы теории и практики). Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

⁴ Высокая конфликтность нашего общества и малое число институтов, работающих на снижение конфликтности, по мнению В.Ф. Яковлева, делают крайне важным развитие переговорно-примирительных процедур при рассмотрении дел о спорах между конфликтующими сторонами, включая третейское разбирательство. См.: Лекция советника Президента РФ члена-корреспондента РАН В.Ф. Яковлева // Российская Конституция: первые 20 лет. Лекции в Государственной Думе. 2013-2014. М.: Издание Государственной Думы, 2014. С. 256.

К правовым предпосылкам юридизации и конституционализации третейского суда можно отнести, в частности: а) переосмысление самой природы права как продукта гражданского общества и развитие на этой основе институтов гражданского участия в правовой, в том числе юрисдикционной, деятельности, ее демократизация; б) утверждение ценностей правовой автономии личности и укрепление институциональных гарантий ее обеспечения, как государственных, так и общественных; в) во многом обусловленную идеей примата прав личности тенденцию усиления диспозитивного начала в процессуальном праве (в том числе в уголовном судопроизводстве¹); г) происходящую под воздействием принципов конституционализма целевую ориентацию самой судебной власти на мирное урегулирование споров², оказывающую стимулирующий эффект и на смежные правовые институты; д) необходимость четкого позиционирования третейского суда во взаимоотношениях с иными элементами юрисдикционной системы для обеспечения их слаженного эффективного функционирования без ущерба и для государственного суверенитета, и для гражданской самоорганизации; е) необходимость безусловного государственного гарантирования единого (равного) базового стандарта правовой защиты, в том числе при обращении к третейской процедуре.

Для осмысления процессов конституционализации третейского суда, связанных с его интеграцией в предметную сферу конституционного права, важно учитывать его взаимосвязи с принципами конституционного строя современного государства. Обозначим контуры таких взаимосвязей.

Принцип правовой государственности, характеризующий верховенство права и примат прав личности, подразумевает признание естественных источников правообразования, институциональных форм поиска, закрепления и преодоления коллизий права с ориентацией на объективно

¹ См.: Постановление КС РФ от 20 июля 2016 года № 17-П // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088; абз. 1 п. 5.2 мотив. части Постановления КС РФ от 7 марта 2017 года № 5-П // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

² Алискеров М.А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // Lex russica. 2017. № 12. С. 57.

складывающиеся представления о правовых ценностях, нормах¹. Идея третейского суда связана с универсальным, транснациональным характером этого института, который жестко не обусловлен государственным суверенитетом, предполагает обеспечение реализации юрисдикционной деятельности на началах автономии, саморегулирования. В итоге это направлено на осуществление наиболее гибкого, сбалансированного, эффективного правового воздействия на общественные отношения с учетом их специфики, которая может быть лучше учтена самими участниками правового общения. Суть арбитража – не безусловное верховенство закона, а правовая гармония. При этом выведенный третейским судом в конкретном деле стандарт поведения должен принципиально соответствовать публичному порядку и при этом условия получает санкцию государства как юридически обязывающий акт, подлежащий принудительной защите. Следовательно, речь идет об обеспечении с помощью третейского разбирательства сближения позитивного законодательства и естественно складывающихся правил правового поведения, а не о формировании некоего «параллельного права». В то же время эффективное функционирование третейского суда зависит от надлежащей правовой основы, обеспечивающей определенность отношений сторон и последствий принятого решения. Правовая государственность – важный фактор продуктивности арбитража.

Развитие института третейского суда сопряжено с развертыванием идеи социальной государственности. Лежащий в основе социальной государственности принцип социальной солидарности подразумевает ориентацию на достижение общественного согласия путем диалога, кооперации субъектов гражданского общества, в том числе в правовой и судебной сферах. Восприятие примирения (согласия) как фундаментальной ценности, ее фактическое утверждение в составе необходимых элементов конституционной организации общества и освоение на практике во многом

¹ Онтологические характеристики права как явления общественной жизни, не обусловленного государственной волей, раскрыты, в частности, в следующей работе: *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013.

определяет востребованность альтернативных способов урегулирования споров, включая третейское разбирательство¹. Верно и то, что интенсивность, объем охвата конституционно-правового воздействия на третейские отношения не находятся в корреляции со степенью развитости третейского суда в обществе. Глубокое освоение третейских процедур и культура пользования ими могут снижать потребность в их конституционно-правовом подкреплении, тогда как активное конституционное регулирование может свидетельствовать, напротив, о слабости, неустойчивости третейского суда. Как бы то ни было адекватная идеологии социальной государственности социально-ориентированная модель конституции предполагает принципиальное отображение в конституционном регулировании всех основных институциональных элементов, обеспечивающих в обществе согласие. Нельзя не учитывать, что появление социальных прав, реализуемых с участием государственных и общественных механизмов, потребовало укрепления материальных гарантий доступности правосудия и одновременно – совершенствования юрисдикционных процедур, подлежащих применению для защиты этих прав с учетом их особенностей. Третейский суд явился тем институтом, который мог бы способствовать повышению эффективности защиты социальных прав². Поэтому речь должна идти в современных условиях не о выборе между конституционным закреплением третейского суда или умолчанием о нем, а о характере и оптимальной достаточности конституционного регулирования.

Укрепление альтернативных способов урегулирования споров, включая третейское разбирательство, отражает противоречивые процессы демократизации современной государственности, которая, будучи формально привержена идее гражданского участия, испытывает серьезный

¹ Как верно замечено, если в обществе возобладают те ценности примирения, которые реализует медиация, начиная с самых мелких и бытовых конфликтов – в семье, школе, местном сообществе, это станет и органичной частью предпринимательской практики, но отнюдь не наоборот. См.: *Козюк М.Н.* Медиация в социальном и правовом государстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 15.

² Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева и др.; отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. С. 84.

дефицит демократии. Утверждение третейских институтов соотносится с логикой демократического процесса, ориентированного на эффективное участие, равное голосование, информированность и контроль за повесткой дня¹. Третейский суд позволяет субъектам гражданского общества быть непосредственно вовлеченными в формирование, принятие и реализацию касающихся их интересов юрисдикционных решений. Задаёт пределы государственного вмешательства в частные дела и тем самым служит институциональной гарантией автономии гражданского общества.

Наиболее выраженно конституционная ценность третейских процедур традиционно проявляется в социально-экономической сфере, в том числе в увязке с корпоративной самоорганизацией². При этом важно учитывать, что демократия не сводится к политическим моментам³, а третейские процедуры не исчерпываются экономико-правовыми коллизиями. Тенденция распространения данных процедур на более широкий круг социальных отношений (пенсионные, медицинские, образовательные и проч.), их потенциал в политической сфере⁴ определяют повышение роли института третейского суда в формировании демократических установок гражданского правосознания⁵. Как отметил КС РФ, возможность разрешения споров посредством третейского суда выражает тенденцию к «упрочению

¹ Даль Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 41.

² Уместно отметить, что принцип демократии, в понимании КС РФ, предполагает развитие начал самоуправления и автономии в экономической сфере. См.: абз. 6 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

³ См., напр.: Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991; Исаев А.К. Экономическая демократия и проблемы ее становления в современной России: политологический анализ. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2000; Хохлов Б.В. Экономическая демократия и развитие демократических институтов в корпоративном управлении. Дис. ... докт. экон. наук. М., 2005; Казанцев Д.А., Алфеева Ю.А. Значение производственной демократии для современного этапа развития экономики развитых стран // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 3; Корнева А.А. Принцип представительной демократии в трудовом праве Европейского союза // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1.

⁴ Нельзя не учитывать также формирующиеся в зарубежной конституционной доктрине концептуальные подходы относительно возможностей интеграции третейских процедур в политическую сферу. К примеру, П. Мерло предлагает рассмотреть возможность разрешения избирательных споров специализированными межпартийными контактными комитетами и третейскими органами. См.: Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Полис. 1995. № 4. С. 124-130; Мерло П. Избирательные кампании и проблемы их подготовки: «равное игровое поле» и демократические выборы // Полис. 1995. № 4. С. 136-138.

⁵ Демократия, подчеркивает С.А. Авакьян, – прежде всего «внутреннее осознание гражданином своей полезности обществу, необходимости участия в его жизни». См.: Авакьян С.А. Конституционное право России. Изд-е 6-е перераб. и доп. В 2-х т. Т. 1. М.: Норма-ИНФРА-М, 2018. С. 351.

демократических начал правосудия» (п. 3.3 мотив. части Постановления от 26 мая 2011 г. № 10-П). Ввиду этого можно говорить о том, что третейский суд (во взаимосвязи с иными альтернативными способами урегулирования споров) проникает в содержательные характеристики современной демократии. Демократическое же государство обязано стимулировать создание гражданами объединений для решения возникающих проблем¹.

Развитие третейских институтов тесно связано с экономическими основами конституционного строя. Данные институты, с одной стороны, характеризуют определяющую конституционный строй свободную рыночную экономику, являются важным аспектом экономической свободы, которая предполагает самостоятельность, диспозитивность в выборе способа защиты нарушенного права. При этом символический характер современной экономики, формирование трансграничных рынков, расширение присутствия государства в хозяйственной сфере, развитие инструментов саморегулирования – эти и иные моменты ведут к росту ценности доверия в налаживании экономических правоотношений и в целом на уровне ключевых факторов конституционализма, ориентируют на компромисс как главный метод урегулирования разногласий. С другой стороны, третейские институты служат важным стимулирующим и обеспечительным средством в отношении неприкосновенности собственности, экономического плюрализма, конкуренции и иных институтов конституционной экономики, являются фактором устойчивого экономического развития².

Конституционное право регулирует прежде всего организационную суть третейского суда, его место и роль в юрисдикционной системе во взаимоотношениях с иными институтами гражданского общества и

¹ *Троицкая Т.В.* Гражданское общество в России: актуальные проблемы и перспективы развития // Конституционное развитие России. Вып. 15. Саратов: Изд-во ФГБОУВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. С. 71.

² В настоящее время, отмечает Е.А. Куделич, мы живем в такой социально-экономической и правовой реальности, в которой наличие так называемого дружественного арбитражу режима (arbitration-friendly regime) является не только признаком развитости и зрелости правовой и судебной системы государства, но и неременным атрибутом страны с рыночной экономикой, гарантирующей благоприятный инвестиционный климат. См.: *Куделич Е.А.* Арбитрабельность: в поисках баланса между частной автономией и публичным порядком // Закон. 2014. № 4. С. 95.

публичной власти. В условиях конституционализации, определяемой приматом прав человека и становлением судебного нормоконтроля, создаются предпосылки для проникновения конституционного права внутрь самой третейской защиты – через принципы справедливой процедуры, уважения основных прав и публичного порядка, а также через реализацию верховенства конституции в нормах применимого материального права.

В регулятивной практике современного конституционализма сложилось несколько подходов к конституционному закреплению третейского суда, которые обусловлены, в частности, типом правовой системы, моделью конституции, национальными традициями и конкретными правотворческими задачами государства. В странах общего права для регулирования третейского суда наиболее востребовано использование специального нормативного акта, развиваемого в прецедентном праве¹. В континентальном праве это регулирование кодифицировано и было интегрировано в систему гражданского процессуального законодательства². Различается и характер (методология) регулирования. В общем праве преобладает договорная модель, ориентированная на высокую роль договорных норм и судебного влияния на третейские отношения. В континентальном праве – процессуальная модель, предполагающая более детальное законодательное урегулирование третейских отношений, но и меньшую роль судов в отношении третейского разбирательства. Эти различия получают отражение и в конституционном регулировании, влияют на его способы, структурные особенности, интенсивность.

¹ Кондрашев А.А. Особенности правового регулирования третейских судов в странах англосаксонской и романо-германской правовых систем: сравнительно-правовой анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 197-201.

² Этот же подход был свойственен на определенных этапах и отечественному законодательству, как дореволюционному (ст. 1367-1400 Устава гражданского судопроизводства Российской империи, утвержденного 20 ноября 1864 г.), так и советскому, в том числе действовавшему на момент разработки и принятия Конституции РФ 1993 г. (Декрет ВЦИК от 16 февраля 1918 г. «О третейском суде» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 336; Приложение № 3 к ГПК РСФСР 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. – действовало до вступления в силу Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019).

Значимым фактором конституционного регулирования третейских отношений является применяемая модель конституции. Не вдаваясь в детали различения таких моделей, вполне обоснованным для целей данного исследования будет оперировать широко востребованной классификацией В.Е. Чиркина и Т.Я. Хабриевой, предложивших четыре такие модели по эволюционным типам конституции¹. Так, сохраняющие наиболее широкую географию инструментальные модели сконцентрированы на решении вопросов государственной власти и сдержаны в отношении гражданского общества (безотносительно к реальной роли его элементов в фактической конституции). Наиболее же развитая социально-инструментальная модель конституции призвана отражать, в том числе, общественную структуру государственности для реализации общих задач через сотрудничество, что располагает к прямому конституционному закреплению третейского суда.

В контексте изложенных обстоятельств требует объективной оценки ситуация, при которой наиболее распространенной все еще является модель умолчания в конституции о третейском суде, свидетельствующая об инерции инструментальной модели и актуальности обращения на практике к «живым» (судебно-прецедентным) конституционным регуляторам третейских отношений, в том числе за рамками стран общего права. Нужно учитывать также, что подход конституционного умолчания о третейском суде соотносился с конкретно-историческим контекстом, для которого были характерны: сравнительно более высокая гомогенность национальных сообществ, слабая социальная мобильность, необустроенность глобального рынка, возможности государственных судов справляться с нагрузкой и т.п.

Второй подход свойственен конституциям социально-инструментальной модели и предполагает институциональное закрепление третейского суда в юрисдикционной системе. Это может обеспечиваться

¹ Речь идет об инструментальной либерально-капиталистической асоциальной модели, инструментальной с социальными элементами либерально-капиталистической модели, модели тоталитарного социализма, социально-инструментальной демократической модели. См.: *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2007. С. 18-27.

путем общей (родовой) или специальной (целевой) фиксации третейских отношений. Родовое закрепление содержится, например, в ст. 52 Конституции Испании («закон регулирует деятельность профессиональных организаций, которые содействуют защите свойственных им экономических интересов»), ч. 4 ст. 202 Конституции Португалии («законом могут быть установлены несудебные формы и механизмы урегулирования конфликтов»), ч. 5 ст. 123 Конституции Восточного Тимора («закон может устанавливать внесудебные средства и способы разрешения споров»). В Конституции Республики Мальдивы третейские отношения урегулированы через общее право на справедливое судебное разбирательство, проводимое судом или трибуналом, под которым понимаемся в том числе «институт, не являющийся судом» (п. «а» ст. 42, ст. 274). Специальное закрепление третейских судов присутствует в Конституции Кыргызской Республики (ч. 1 ст. 40, ст. 58).

Третий подход состоит в конституционном регулировании третейских судов через компетенционные нормы, разграничивающие полномочия в третейской сфере между уровнями власти (п. 10 ч. 3 ст. 118 Конституции Австрии, п. 8 четвертого приложения к Конституции Пакистана, пп. 1 п. «е» пар. 4 Перечня I Приложения девятого к Конституции Малайзии).

При четвертом подходе третейский суд конституционно признается способом решения межгосударственных споров (ст. 29 Конституции Ирландии, ст. 80 Конституции Италии, п. 3 ст. 24 Основного закона ФРГ, п. «d» ст. 51 Конституции Индии).

Конституция РФ о третейских судах умалчивает, что согласуется с ее типологическим тяготением к инструментальной модели. Важнейшей исторической задачей Конституции РФ на момент принятия было «формирование правовых основ государственной интеграции и объединения российского общества»¹ через безоговорочный разрыв с тоталитарным социализмом и введение границ государственной власти. Конституционное регулирование гражданского общества не выглядело необходимым (из-за

¹ Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. I. М.: Проспект, 2015. С. 495.

расчета на исторический импульс общественной самоорганизации) и даже, напротив, вызывало подозрения, вызванные страхом тоталитарного реванша.

Сфера юстиции в то время оценивалась в фокусе решения ключевой проблемы, связанной с ее утвердившейся ориентацией на интересы государства. Это было отчетливо отражено в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г.¹, поставившей ввиду этого в том числе задачу по «обеспечению функционирования альтернативной негосударственной юстиции в области хозяйственных отношений» (разд. V «Тактика судебной реформы и ее этапы»). Предполагалось таким способом преодолеть риски деформации правосудия, а потому третейское разбирательство должно было быть максимально дистанцировано от власти. Но как свидетельствует исторический опыт, в обществах переходного типа, не имеющих прочных конституционных устоев, «негативные» гарантии свободы являются слабым и неустойчивым сдерживающим фактором, должны подкрепляться позитивными обязанностями государства и четкими институциональными способами взаимодействия гражданского общества и власти. Это имеет значение как для ограждения гражданской автономии от властного произвола, так и для минимизации злоупотреблений в самом гражданском обществе, способных дискредитировать ценности либеральной демократии и привести к возвеличиванию авторитарной власти ради «восстановления порядка»². Верно то, что гражданское общество обретает силу и способность к развитию в диалоге и партнерстве с государством³.

В этих условиях метод конституционного умолчания о третейских судах, не являющийся дефектом, предъявляет особые требования к

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² В условиях переходного характера отечественной экономики, когда частная деловая активность не смогла пока приобрести необходимые стабильные очертания, по мнению С.А. Комарова, продолжает оставаться актуальной проблема недопустимости злоупотребления институтами частного права, еще не пустивших глубокие корни в российской правовой практике и правосознании. См.: *Комаров А.С.* Некоторые замечания по поводу третейского разбирательства корпоративных споров // Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 559.

³ *Грудцына Л.Ю.* Государство и гражданское общество / Под ред. докт. юрид. наук, проф. С.М. Петрова. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. С. 5.

обоснованию конституционной концепции третейского суда прежде всего на уровне конституционного правосудия¹. В этом плане принципиальной является позиция КС РФ, согласно которой возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства «основана на положениях Конституции» – ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45².

Вопросы третейских отношений поднимались, по меньшей мере, в 30 решениях, включая 2 постановления, КС РФ, который подчеркивал, в частности, что: третейское разбирательство «расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота»³; в его основе лежит гражданско-правовой договор⁴; при заключении таких соглашений реализуется право на свободу договора, добровольный отказ от разрешения споров государственным судом, стороны принимают на себя обязательства подчиняться правилам, регулирующим порядок оспаривания и исполнения арбитражных решений⁵; исключение возможности оспаривания решения третейского суда в компетентный суд не нарушает конституционные права, поскольку сохраняется возможность иного порядка последующей проверки такого решения⁶; если решение третейского суда не отменено и отсутствуют основания для отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение, удовлетворение заявления о выдаче такого исполнительного листа является обязанностью государственного суда⁷.

Для конституционного обоснования третейского суда в нормативных формах могут быть востребованы учредительные акты субъектов РФ,

¹ Тем более важно замечание С.А. Авакьяна о том, что расширение границ конституционного текста не дает особо положительного результата, поскольку необходимость последующего развития норм конституции остается при любом ее объеме. См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3.

² См.: абз. 6 п. 2, абз. 1 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

³ См.: абз. 8 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П.

⁴ См.: абз. 3 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 26 октября 2000 г. № 214-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30907.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); абз. 4 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 1 июня 2010 г. № 754-О-О // Вестник КС РФ. 2010. № 6.

⁵ См.: абз. 1 п. 3 мотив. части Определения КС РФ от 15 мая 2001 г. № 204-О // Вестник КС РФ. 2002. № 1.

⁶ См.: абз. 2 п. 5 мотив. части Определения КС РФ от 1 июня 2010 г. № 754-О-О.

⁷ См.: абз. 4 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 17 июня 2013 г. № 982-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision134969.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

состоящие в особой связи с Конституцией РФ¹. Это подтверждается ст. 67 Устава г. Москвы, где закреплено право жителей на непосредственное участие в отправлении правосудия в качестве третейских судей.

Таким образом, выявление на основе Конституции РФ и международных стандартов характеристик третейского суда в российской правовой системе является важнейшим условием его устойчивого функционирования и развития. Соблюдение рамок, определяемых буквой и «духом» Конституции, позволяет удерживать от нерасчетливых, скороспелых государственных решений. Выяснение конституционной природы третейского суда требует его рассмотрения прежде всего в соотношении с институтами публичной власти и гражданского общества.

§2. Конституционная сущность третейского суда в соотношении с институтами публичной власти и гражданского общества

При широком признании третейского суда представления относительно его сущности значительно разнятся². Как и ранее, «юридическая литература и судебная практика еще недостаточно ясно определили свое отношение к институту третейского суда»³. Неясность вопроса о месте третейских судов в системе конституционных средств защиты делает необходимым глубокое системное конституционное осмысление третейского судопроизводства с позиций принципов правового и социального государства⁴.

При проведении конституционно-правового анализа третейского суда нельзя не учитывать, что юрисдикционная система неизбежно несет на себе отпечаток социокультурных особенностей и традиций государства, должна

¹ См.: п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

² Чупахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. М.: Инфотропник Медиа, 2015. С. 25-44.

³ Волков А.Ф. Торговые третейские суды: историко-догматическое исследование. СПб.: Типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1913. С. 1.

⁴ Тушиков Н.В. Третейское судопроизводство как средство конституционной защиты права собственности // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 67.

отражать актуальные правовые потребности и задачи общества. Это влияет на специфику соотношения государственных и негосударственных средств защиты, на место и роль третейского суда. Вместе с тем параметры юрисдикционной системы не могут определяться произвольно, связаны общепризнанными и конституционными принципами и нормами. Если в конституции востребована модель «молчаливого» признания третейского суда, особое значение в обосновании этого института и очерчивании границ законодательного регулирования приобретает обращение к более общим конституционным положениям и смежным институтам.

В конечном итоге вопрос о конституционном статусе третейского суда должен решаться через призму треугольника связей «личность – общество – государство», при том что главное напряжение, существующее в понимании данного института, проистекает из различий в его соотношении с публичной (судебной) властью и гражданским обществом. В условиях российского правопорядка ситуация осложняется общесистемными паллиативами¹.

Коренные изменения, состоявшиеся в последние годы в правовой основе третейских отношений, а именно: принятие в 2015 г. нового Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) и внесение в него поправок в декабре 2018 г.², привели к преобразованию парадигмы третейского суда. При всем многообразии оценок третейской реформы³ не

¹ Сформулировавший данную методологическую категорию Ю.В. Ким предлагает понимать под конституционными паллиативами правовые институты (нормы), оформляющие решения или меры промежуточного, временного, половинчатого характера, возникающие, в частности, вследствие существенной смысловой неопределенности основного закона, либо абстрактности целевых ориентиров. См.: Ким Ю.В. О целеполагающих началах, паллиативах и фикциях в конституционном регулировании // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6.

² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации” и Федеральный закон “О рекламе”» // СЗ РФ. 2018. № 53 (Ч. I). Ст. 8457.

³ См., напр.: Зайцев А.И. Минусы реформированного третейского разбирательства в России // Третейский суд. 2017. № 4. С. 37-48; Итоги круглого стола «Третейский диалог: новые правила арбитража в России» // Третейский суд. 2017. № 1. С. 18-28; Курочкин С.А. Реформа арбитража в России: общие подходы к оценке эффективности нового законодательства // Закон. 2017. № 9. С. 65-76; Панова Т.В. Перспективы развития института третейского разбирательства в России // Вопросы экономики и права. 2018. № 5; Скворцов О.Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 60- 64; Так называемая оптимизация – это путь в никуда (Интервью с В.М. Жуйковым) // Закон. 2018. № 1. С. 6-17; Холоденко Ю.В. Третейское разбирательство: реформа или уничтожение? // Третейский суд. 2017. № 4. С. 28-36; Хусейнов

ставится под сомнение то, что произошло существенное смещение баланса частных и публичных начал в сторону доминирования последних, возобладали модель государственного патернализма.

Означает ли это аморфность конституционной модели третейского суда, при которой дискреционная роль в формировании характеристик данного института отведена законодателю? Можно ли вообще в условиях конституционного умолчания ставить вопрос о конституционной идентичности этого института, которая не должна быть поколеблена?

Логика конституционного регулирования третейского суда методом умолчания, как уже было отмечено, не является характеристикой нейтральности в отношении правовой природы третейского суда, а имеет ценностное обоснование и направленность: обеспечение надлежащих гарантий автономии третейских отношений и их ограждение от произвольного избыточного государственного вмешательства. В соответствии с этими ориентирами не просто задается общий конституционный вектор регулирования третейских отношений, а должна определяться: а) методология правового регулирования, где центральное, системообразующее значение должны иметь методы автономных гарантий и саморегулирования; б) основная суть третейских отношений (в их конституционном понимании) – как строящихся на самоорганизации, самоуправлении, обособленности от системы публичной власти. Важно подчеркнуть, что конституционная методология регулирования третейских отношений имеет сущностное значение, поскольку служит формально-юридической характеристикой (отражением) их природы.

В качестве отправных институционально значимых для обоснования третейского суда конституционных норм выступают, как это было установлено КС РФ в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П, положения, закрепляющие принципы экономической свободы и конкуренции (ст. 8),

право на экономическую свободу (ст. 34) и право на самозащиту (ч. 2 ст. 45). Опираясь на эти положения, КС РФ сформулировал заслуживающий глубокого осмысления вывод о третейских судах как «действующих в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями» (абз. 7 п. 2 мотив. части).

Позиция КС РФ, на первый взгляд, определенно указывает на родовую принадлежность третейского суда к системе гражданского общества. Вместе с тем трудно обойти вниманием ту осторожность, которую КС РФ проявляет в этой характеристике, сформулированной с использованием оборота «в качестве». Этим подчеркивается, что третейский суд является не обычным, а специфическим институтом, что обусловлено его другой отмеченной КС РФ характеристикой: публично значимыми функциями. На «наделении» функциями также следует сделать акцент, поскольку это нечто иное, чем присущность, обладание. Для уяснения выработанного КС РФ подхода следует обратиться к вопросам понимания самого гражданского общества.

Хотя юридические представления о гражданском обществе имеют во многом ценностно-мировоззренческое измерение и существенно различаются (вплоть до признания самого термина неудачным¹), нельзя не признать, что выработанными наиболее обобщенными квалифицирующими признаками институтов гражданского общества являются: наличие юридического основания (прямого или косвенного); самоорганизация; самодеятельность; саморегулирование; самоответственность². Данные институты, обеспечивающие как формальное, так и неформальное взаимодействие людей, сообществ, направлены на реализацию частных и публичных интересов и потребностей в политической, экономической, духовой и культурной сферах жизнедеятельности социума³. Соответственно,

¹ Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1999. С. 135.

² Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10.

³ Богданова Н.А. Общество как объект конституционно-правового регулирования. // Конституционные основы экономических и социальных отношений. Конституционная юстиция: Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву. 31 марта – 1 апреля 2006 г. СПб., 2006. С. 42.

в структуре гражданского общества традиционно выделяют, среди прочих, общественные объединения, хозяйствующих (экономических) субъектов¹.

Гражданское общество характеризует сферу и сложившийся легальный способ не просто автономного самоопределения и социализации личности, но и самозащиты своих прав. Возможность добровольного, посреднического, не обусловленного применением властно-принудительных средств урегулирования спора между равноправными субъектами – одна из имманентных характеристик гражданской самоорганизации (в семье, трудовом коллективе, корпорации, системе экономического обмена и т.п.). Как справедливо замечено, создание гражданского общества предполагает, в первую очередь, совершенствование системы и механизмов защиты прав, которые включают в себя судебную и несудебную защиту². Верно и обратное: содействие гражданам в самозащите прав могут оказать различные институты гражданского общества, существование и деятельность которых обеспечиваются общепризнанными стандартами мирового сообщества³.

Определявший естественное состояние людей через конфликт («война против всех»), Т. Гоббс к числу естественных законов, подсказанных разумом как подходящих условий мира, относил такой: «в случае спора стороны должны подчинить свое право решению арбитра»⁴. Для Дж. Локка, также изучавшего естественное состояние, но раскрывавшего его через категорию свободы, состояние войны создается силой без права, а появление судьи, наделенного властью разрешать споры и возмещать ущерб на основе общей нормы, служит предпосылкой правопорядка и общественного мира⁵.

При очевидно разных взглядах на природу человека, лежащих в основе приведенных концепций «естественного состояния», где в одном случае

¹ Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы / Рук. авт. колл. и отв. редактор – д. ю. н., профессор Авакьян С. А. М.: Юстицинформ, 2015. С. 30-31.

² Кучерена А.Г., Дмитриев Ю.А. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. С. 148.

³ Почепко К.И. Конституционное право человека на самозащиту в условиях развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10.

⁴ Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 120-121.

⁵ Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 272-273, 312.

человек рассматривается как носитель хаоса, который нужно властно обуздать, а в другом – как персонификация свободы, путем реализации которой формируются в том числе юрисдикционные гарантии соблюдения справедливой меры пользования своими правами, оба изложенных подхода предполагают, что «естественное состояние» сопряжено с потребностью иметь арбитра, который бы являлся проводником и обеспечивал практическое утверждение взаимно признаваемой общей нормы. Воспринимаемая с различных ценностных позиций, гражданская самоорганизация выступает, стало быть, предпосылкой становления правосудия, служащего «итогом саморегуляции человеческого общества, следствием общественного развития, как управление и власть»¹. Не зря третейский суд рассматривается как «первооснова правосудия»².

Примечательно, что в концепции Дж. Локка идея правосудия институционально разворачивается в самой системе государственности, которая в целом обеспечивает формирование, закрепление и реализацию общей для всех нормы, что служит целям равенства. Ввиду этого здесь особое значение придается не судебной, а законодательной власти, которая «судит» о праве через выражение в нормативной, всеобщезаставительной форме согласованного представления о справедливости. Важно понимать при этом, что для Дж. Локка государство – не организационная концентрация высшей силы на данной территории, а публично-территориальное сообщество свободных собственников. Государство не поглощает свободу ради безопасности, как у Т. Гоббса, а служит институциональным воплощением и гарантией свободы, которая неотъемлема. Поэтому и юрисдикционные правомочия, относящиеся к свободе личности, т.е., иными словами, комплекс средств, образующих в совокупности право на защиту, не утрачивают в системе государственности автономного значения. Могут быть

¹ Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2017. С. 15.

² Кажлаев С.А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 119-124, 119.

реализованы опосредовано, через обращение к публично-властным инструментам, и напрямую – через альтернативные способы урегулирования споров, прежде всего путем третейской защиты.

Важно сделать акцент на том, что и гоббсова, и локкова концепции, каждая по-своему определившие формирование мировоззренческих основ современного конституционализма, привержены в рассматриваемом вопросе тому, что обращение к третейской защите и следование вынесенному решению соотносится с идеей рациональности, а не силы. Правосудию может потребоваться прибегнуть к силе в процедурных целях, и она может оказаться необходимой, чтобы итоги правосудия надлежащим образом исполнились. В этом безусловная юридическая ценность силы для правосудия. Но как таковое правосудие к силе (принуждению, властности и т.п.) не сводимо. Более того, правосудие призвано сдерживать силу, определять ее точные основания и границы применения, поскольку, по выражению Г.А. Гаджиева, служит проявлением «практического разума и высшей способностью души», «демонстрирует... существующее в природе равновесие, которое и является справедливостью»¹. Силовой же, властный аспект реализации правосудия, если ему отводится неподобающая (главенствующая) роль, угрожает сохранению существа правосудия. Это может лишить его способности «взвешивать на весах» аргументы сторон и придает ему свойство указывать, распоряжаться о том, «как правильно поступать», – поэтому в доктрине предлагается переосмыслить судебную власть, отказавшись от упрощенного представления о ней в системе ветвей государственной (политической) власти, и рассматривать ее как самостоятельный и независимый механизм поддержания социального правопорядка². С этим соотносятся, в частности, суждения о необходимости усиления институциональных начал гражданского общества внутри судебной

¹ Гаджиев Г.А. О суждении «мир устал от мира» – оптимистическая точка зрения // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17-19 мая 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 52, 218.

² Григорьев О.В. Судебная власть, гражданское общество, судебные реформы: алгоритм взаимообусловленности // История государства и права. 2014. № 9.

системы: например, через обоснование дуалистического, общественно-государственного, правового статуса мирового суда¹. С другой стороны позитивное право признает разрешение споров и конфликтов одной из институциональных целей создания некоммерческих организаций².

Правовая природа третейского суда в системе гражданского общества должна раскрываться также с учетом особого влияния, которое на него оказывает экономическая самоорганизация. Исторически сложилась основополагающая роль третейского суда как органа разрешения споров при объединениях предпринимателей между участниками такого объединения (палаты, ассоциации, гильдии и т.п.), как суда третьей стороны, которая является столь же профессиональной, по отношению к спорящим. Третейский суд служит важной гарантией неприкосновенности собственности, поскольку режим неприкосновенности включает здесь как материально-правовые, так и процессуальные аспекты, предполагает возможность прибегнуть к средствам защиты, которые бы сами обеспечивали необходимый уровень невмешательства государства в экономическую свободу. В контексте отношений бизнеса и власти предполагается, что средства правовой защиты должны отвечать требованиям диспозитивности, автономии, поддерживать стабильность, безопасность гражданского оборота.

Институциональные характеристики третейского суда в системе гражданского общества определяются следующими основными моментами:

а) автономия и инициативность при обращении к третейскому суду, возможность введения законом его обязательности, по общему правилу, в порядке признания сложившегося консенсуса относительно необходимости предпочтения данного способа урегулирования споров в конкретной сфере;

б) саморегулирование сторонами всех основных параметров третейского разбирательства, включая избрание третейского учреждения, применимого права, арбитров, процедурных правил. Такое

¹ *Большакова В.М.* Мировой суд как институт гражданского общества в России: история и современность // Мировой судья. 2017. № 12.

² См.: ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

саморегулирование осуществляется напрямую либо путем добровольного подчинения правилам самого третейского учреждения;

в) предметная сфера третейского разбирательства определяется в своей основе спорами между равноправными субъектами относительно тех материальных интересов, которыми они правомочны самостоятельно распоряжаться (т.е. преимущественно интересами частного характера);

г) третейские суды, образуемые сторонами для решения конкретных споров, выражают отношения разовой (казуальной) гражданской активности, а постоянно действующие третейские учреждения, организационно обеспечивающие третейскую защиту на систематической основе, носят характер институциональной самоорганизации – интегрированы в систему некоммерческих организаций как субъекты с особой (исключительной) функциональной специализацией. Соответственно предполагается, с одной стороны, организационная обособленность третейских учреждений от системы публичной власти (в структурном, материальном, кадровом и иных аспектах), с другой – подчинение организации, деятельности постоянных третейских учреждений принципам корпоративной самоорганизации;

д) строго ограниченные законом, исключительные случаи возможного вмешательства государственных судов в деятельность третейских судов;

е) недопустимость отмены решения третейского суда, если стороны согласовали его окончательность, и возможность отказа в государственном обеспечении принудительной реализации такого решения по материальному основанию (помимо фундаментальных процедурных нарушений), состоящему в несовместимости исполнения решения с публичным порядком.

Понимание третейского суда в системе институтов гражданского общества не упрощает осмысление его правовой природы. Профильная специализация его деятельности как юрисдикционного органа, призванного решать правовые споры, функционально сближает третейский суд с органами судебной (государственной) власти, служит основанием для интеграции

третейского суда в общую юрисдикционную систему государства, сочетающую официальные и неофициальные средства защиты права.

Само гражданское общество не может быть жестко противопоставлено государству, находится с ним в сложных взаимосвязях¹. Речь идет, с одной стороны, о «негативных» государственных гарантиях автономии, самозащиты гражданского общества от прямого публично-властного вмешательства. С другой – о наличии «позитивных» правовых средств эффективного влияния гражданского общества на государственную власть в целях формирования, выражения, подкрепления, отстаивания общественно значимых интересов. Взаимодействие гражданского общества и публичной власти охватывает все формы деятельности государства и, соответственно, распространяется на правотворчество, правоприменение, правоохрану.

В плане соотношения гражданского общества и государства можно констатировать, что третейский суд, будучи институционально погружен в гражданское общество, одновременно напрямую участвует в системе отношений по разграничению компетенции (подведомственности дел) с государственными судами и рационализации судебной системы. Вовлечен в реализацию задач судебной-правовой и экономической политики государства².

Хотя полномочия третейского суда по рассмотрению конкретного спора основаны на соглашении сторон, это не означает, что компетенция третейского суда в институциональном плане носит производный, договорный характер. Являясь выражением гражданской самоорганизации,

¹ Марченко Н.М. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М.: Проспект, 2018.

² Так, с развитием третейских институтов в нашей стране на официальном уровне связывают, в частности, снижение нагрузки на государственные суды, повышение инвестиционной привлекательности России и деофшоризацию национальной экономики (пояснительная записка к проекту Федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». См.: <http://sozd.parliament.gov.ru/download/02C92880-2685-48EB-9414-1C0C10096CF3> (дата обращения: 17.02.2020)). Стимулирование использования третейских институтов признается стратегическим фактором решения задач по повышению стабильности, надежности инфраструктуры страхового рынка (п. 6 «Развитие инфраструктуры страхового рынка» Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1293-р (СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4255), совершенствования механизмов корпоративного управления на финансовом рынке (раздел «Развитие и совершенствование корпоративного управления» Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р (СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423)).

третейский суд, поскольку он оказывает влияние на право, правовую систему, связан государственным признанием, действует на основании права и закона. Именно закон, в соответствии с которым возникают и действуют третейские учреждения и суды, определяет основания, условия, границы договорных отношений по передаче дела на рассмотрение в третейский суд, образует юридическое основание правосубъектности третейского суда, его институционных и функциональных характеристик, очерчивает пределы его компетенции¹. Государственная воля, выраженная в законе, не порождает, а формализует право на третейскую защиту (определяет нормативное содержание, условия реализации, пределы). При этом соответствующее государственно-властное признание не просто легитимирует третейский суд в правовой и юрисдикционной системах, а служит реализацией ограничения государственной судебной власти в свете идеи субсидиарности в юрисдикционной сфере. Дело, в отношении которого стороны законно согласовали использование третейской защиты, не подлежит рассмотрению государственным судом.

При этом третейский суд выносит решения о праве, имеющие обязательные правовые последствия, в том числе для публично-правовых субъектов. Арбитражное (третейское) решение, отмечал Е.Н. Гендзехадзе, имеет правовое значение: окончательно ликвидирует спор; обязательно для сторон и для всех других организаций и лиц; неисполненное в определенный срок добровольно, может быть принудительно исполнено². Сама процедура третейского разбирательства, пронизанная диспозитивностью и саморегулированием, подчинена фундаментальным процессуальным принципам (хотя их реализация в третейской сфере имеет свои особенности).

¹ Примечательной в этом плане является позиция Конституционного Суда Республики Беларусь, согласно которой «третейское рассмотрение споров сторон представляет собой негосударственную юрисдикционную деятельность, осуществляемую третейскими судами на основании Конституции, законов и иных актов законодательства Республики Беларусь, основанную на соответствующем гражданско-правовом договоре и имеющую в отношении деятельности судебной власти по осуществлению правосудия альтернативный характер». См: решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 7 июля 2011 г. № Р-619/2011 о соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О третейских судах» // <http://www.kc.gov.by/document-24203> (дата обращения: 17.02.2020)

² *Гендзехадзе Е.Н.* Третейский суд в СССР. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 12.

В силу примата прав человека государство обязано гарантировать справедливую процедуру и в частных юрисдикциях.

Все это говорит о публично-правовых началах в статусе третейского суда, свидетельствующих о пограничном, комплексном характере этого института, который не только обеспечивает самостоятельное и добровольное взаимодействие субъектов гражданского общества для решения возникающих между ними споров, но и вовлечен в действие государственного судебного механизма. Функционирование и развитие третейских судов и государственных институтов правосудия взаимосвязано и взаимообусловлено. Реализация задач третейской защиты неизбежно предполагает взаимодействие с государственными судами, принятие обеспечительных, контрольных мер с их стороны. Институциональное устройство, компетенция, сама практика деятельности государственных судов также может оказывать воздействие, притом существенное, на третейские отношения, в частности через интерпретационное (прецедентное) определение практики применения норм третейского законодательства.

Признание публично-правовых начал в юридической природе третейского суда не предполагает в какой бы ни было форме отождествления третейских судов с государственными органами, а основывается на широком восприятии публичности как сфере общих интересов (общей пользы). Кроме того, нельзя не учитывать происходящие изменения в самой природе современного государства. Взамен традиционной «бюрократической», «иерархической» модели власти становится востребованной модель «сервисного», субсидиарного государства, ориентированного в основном на создание надлежащих условий для эффективного решения гражданами самостоятельно значимых для них вопросов, на подкрепление, поддержку и компенсацию дефицита гражданских инициатив¹. В связи с этим

¹ Как верно замечено, признание того, что государство создано для оказания услуг гражданам, а удовлетворение потребностей граждан – основная цель существования государства, обеспечивает приоритет прав человека как высшей ценности. См.: Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. С. 72.

корректируется представление о публичной власти, которая не укладывается в границы государственно-суверенных форм реализации, а дополняется характеристиками общественных инструментов решения общих дел, не исключая юрисдикционные функции.

С.А. Авакьяном резонно поставлен вопрос о расширении трактовки народовластия через охват отношений по организации управления общественными делами¹. В свете этой принципиальной методологической позиции Ю.И. Скуратов и Н.В. Кузьминых настаивают, что «суверенное право народа на осуществление власти реализуется как в государственной, так и в общественной форме народовластия» и «осуществление правосудия третейскими судами не перестает быть формой власти народа». На фоне совершенствования законодательства, по их мнению, «абсолютно своевременна постановка вопроса о том, является ли третейская судебная практика институтом народовластия» и резюмируют, что «третейские суды являются формой правосудия»².

В противовес этому подходу в доктрине высказана точка зрения, в силу которой именно государство служит главным субъектом, ответственным за обеспечение экономического правопользования³. Третейское же разбирательство, состоящее в виде «рассредоточенных... и “самовластных” юрисдикций», никак не может претендовать на роль правосудия. Иначе якобы либо третейские институты «окажутся встроенными в единую властную иерархию юрисдикций», либо «придется в угоду политической демагогии отказаться от верховенства права, высшей ценности прав

¹ Авакьян С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 6. И.А. Умнова (Конюхова) предлагает, в свою очередь, рассматривать «публично-политическое право как право народной общественной власти и народного самоуправления» в качестве одной из необходимых подсистемы конституционного строя и подотраслей конституционного права нового типа. См.: Умнова (Конюхова) И.А. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex Russica. 2018. № 11. С. 36.

² Скуратов Ю.И., Кузьминых Н.В. Третейское судопроизводство в России: состояние и перспективы развития // Современное право. 2014. № 10. С. 14.

³ Крусс В.И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности / Отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юрист, 2003. С. 593-594.

человека, идеала конституционного правопорядка»¹. Ввиду этого предлагается третейское разбирательство рассматривать, например, как разновидность частного посредничества².

Как видно, в основу критики восприятия третейского разбирательства как правосудия положена альтернатива: либо государственная централизация и верховенство права, либо децентрализация и конституционный хаос. Налицо гротескный драматизм. Скорее речь идет о сугубо ценностных (мировоззренческих) предпочтениях морально-политического плана. Само доминирование государства, приоритет централизации не только не предопределяется верховенством права, а может оказаться несовместимым с этим принципом, приводить к его обрушению. Верховенство права предполагает верховенство права над властью, ограничение власти правом и, следовательно, защиту людей от произвольного чрезмерного вмешательства, подконтрольность и подотчетность власти, недопустимость избыточной концентрации власти, демократическое вовлечение граждан в реализацию значимых для них задач³. Иными словами, разумный баланс централизации и децентрализации, субсидарность как основа разграничения компетенции в отношениях гражданского общества и правового государства являются важным фактором укрепления верховенства права, а не его ослабления⁴.

При этом акцентирование «самовластности» третейских судов как повода, в случае их причисления к правосудию, противопоставить

¹ Крусс В.И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 87.

² Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука, 1997. С. 66.

³ Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 11-12 марта 2016 г.). Совет Европы, 2016. С. 15-16. <https://www.venice.coe.int/images/SITE%20IMAGES/Publications/Rule%20of%20Law%20Check%20List%20-%20Russian.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

⁴ Примечательной в этом плане является оценка, согласно которой, в частности, в Германии разрешение споров в государственных судах и с помощью института арбитража предоставляет сторонам разбирательства практически одинаковый уровень правовой защиты. См.: Ханн Р., Башкова А. Германия как место третейского разбирательства // Сборник статей о праве Германии. Германо-Российская ассоциация юристов. Вып. 1 (авг. 2015 года). С. 399. Документ доступен по адресу: https://www.drjv.org/index.php/literatur.html?file=tl_files/drjv/docs/Literaturlisten/DRJV-Sammelband%20zum%20deutschen%20Recht%20in%20russischer%20Sprache%2C%20Ausgabe%20N%201%2C%20August%202015.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

третейские суды режиму верховенства права игнорирует то, что третейские суды действуют в рамках конституции и закона, не выведены из правового поля. Кроме того, давно замечено, что сама автономия воли спорящих сторон в обращении к третейским процедурам не абсолютная, а имеет градации: от полноты свободы действий (если вопрос не имеет публичной примеси) и ограниченной свободы (применительно к внутрикорпоративным спорам) до сферы отсутствия усмотрения, когда соображения социального свойства побуждают к созданию обязательных внесудебных юрисдикционных институтов (например, в сфере взаимоотношений труда и капитала)¹.

Не лишним будет также напомнить о том, что сложившийся в настоящее время общепризнанный публичный порядок международного арбитража, входящий в систему *lex mercatoria*, фактически состоит из конституционных норм, принципов, процедурных правил и гарантий прав человека². Это указывает на то, что стандарты, присущие третейскому разбирательству, его организации и проведению, не только не противостоят по своей сути верховенству права, основополагающим конституционным принципам, а обеспечивают развитие, конкретизацию данных принципов в более широком круге охвата общественных отношений в сравнении с классической предметной сферой конституционного права, в том числе с выходом на трансграничный, международный уровень.

Что касается опасений относительно реальных возможностей общества в конкретных условиях взять на себя реализацию третейских функций в том или ином объеме, то это указывает на проблему последовательности и систематичности в становлении и развитии третейских институтов, их надлежащего государственного гарантирования. При этом нельзя упускать из вида, что зрелость гражданского общества, действительно служащая условием успешности развития третейских судов, сама обеспечивается,

¹ Минц П.М. Третейская сделка и третейский суд // Журнал Министерства Юстиции. Петроград, 1917. № 5-6. С. 155.

² Тойбнер Г. Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 45.

помимо прочего, наличием альтернативных способов разрешения споров, к числу которых относится третейское судопроизводство¹. Это не означает некий логический круг, а предполагает четкое понимание того, что укоренение и развертывание демократических институтов в общественно-правовой жизни, которая до определенного времени была обеднена избыточной государственной опекой, должно быть постепенным, планомерным и неуклонным. Тогда как импульсные («взрывные», «шоковые») меры в данном случае действительно могут оказаться вредными и производить дискредитирующий эффект.

Сложившаяся практика европейского конвенционного контроля, сводится к тому, что суд не обязательно должен пониматься как юрисдикция классического типа, интегрированная в общую судебную систему государства². Третейское разбирательство, имея свою специфику в соотношении с государственным правосудием, тем не менее, может охватываться понятием суда, а государство не должно навязывать защиту прав посредством именно государственных судов³.

Интересно отметить в этой связи изменения в подходах зарубежных конституционных право порядков к пониманию места и роли третейского суда в конституционной системе. Так, в связи с внесением в Конституцию Республики Казахстан в 2007 г. поправок, которыми в систему судов наряду с Верховным Судом и местными судами были включены «другие суды Республики» и отменена норма о запрете слияния государственных и общественных институтов (ст. 5 Конституции), Конституционный Совет Республики пришел к следующему выводу. Необходимо «по-новому трактовать предназначение государственной власти, содержание функций

¹ *Скворцов О.Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.

² См. следующие решения: European Court of Human Rights (далее – ECtHR). *Campbell and Fell v. the United Kingdom*. Application no. 7819/77; 7878/77. Judgment of 26 June 1984. § 76; ECtHR. *Lithgow and Others v. the United Kingdom*. Application no. 9006/80; 9262/81; 9263/81; 9265/81; 9266/81; 9313/81; 9405/81. Judgment of 8 July 1986. § 201; ECtHR. *Regent Company v. Ukraine*. Application no. 773/03. Judgment of 3 April 2008. § 54.

³ *Михель Д.Е.* Правовой статус третейского суда в отечественной и зарубежной доктрине права и конституционной практике // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 6. С. 95-98.

государства, определять принципы взаимоотношений государственных органов, общественных объединений и граждан, шире вовлекать институты гражданского общества в решение государственно-значимых задач, устанавливать юридические нормы, адекватные изменяющимся общественным отношениям». По этим причинам в 2008 г. Конституционным Советом было отменено постановление 2002 г., содержащее разъяснения о том, что: третейский суд не входит в судебную систему; рассмотрение споров третейскими судами не означает осуществление правосудия; обращение в третейский суд не является реализацией права на судебную защиту¹.

Вместе с тем осмысление юридической природы третейских судов в публично-правовом контексте и общем механизме народовластия требует осторожности и избегания того, чтобы выводить само правосудие и, в частности, третейское разбирательство из существа публичной власти. Правосудие, как уже отмечалось ранее, может существовать в государственной и альтернативной формах². Но выводить правосудие лишь из публичной власти, как справедливо замечено, – значит обеднять его ценность и действительные возможности, лишать его главной части авторитета, который не сводится к могуществу государства, и тем самым одновременно отказывать в доверии самому гражданскому обществу с подозрением на его неспособность к правосудию³.

Правосудие сопряжено с реализацией власти, а третейские суды могут быть соотнесены с осуществлением общественной власти в общем конституционном механизме народовластия. Однако власть, правосудие – не однопорядковые, разноплановые категории, не сводимые и не выводимые одна из другой. Правосудие реализуется во властных, публично-государственных или общественных, формах, характеризуя при этом

¹ См. постановления Конституционного Совета Республики Казахстан: от 15 февраля 2002 г. № 1-П // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1029073 (дата обращения: 17.02.2020); от 7 февраля 2008 г. № 1 // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30160552 (дата обращения: 17.02.2020).

² Клеандров М.И. Указ. соч. С. 183-184.

³ См.: мнение судьи КС РФ К.В. Арановского к Постановлению КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П // Вестник КС РФ. 2011. № 4.

качественную, содержательную специфику соответствующей деятельности, состоящей в справедливом (прежде всего достоверном, легитимном, основанном на состязательности и равноправии) решении споров о праве.

При решении вопроса о конституционной природе третейского суда нельзя впадать в крайности. Попытки жестко противопоставить государственные и третейские суды игнорируют реалии, складывающиеся в глобальном масштабе. Не только признание государствами самостоятельности граждан в разрешении правовых споров альтернативными методами, но и делегирование таким институтам функций по рассмотрению дел с публичным (государственным) элементом. Расширение государственного регулирования деятельности третейских судов, передача им более широких задач как раз определили подход КС РФ, который подчеркнул наделение третейских судов публичными функциями. Данные процессы соотносятся с возрастающей ценностью убеждения как метода реализации государственных задач¹, проникновением в сферу судебного права конституционных принципов, определяющих как целевые установки, так и организационно-процедурные формы реализации судопроизводства. Мирное урегулирование спора становится одной из основных задач судебной власти в правовом социальном государстве, призванной обеспечивать солидаризацию общества².

Конституция РФ использует метод молчаливого признания третейских судов. При этом в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ предусмотрено, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Нередко

¹ Представляет интерес в этой связи высказанная КС РФ правовая позиция, согласно которой предназначение государственного принуждения, по смыслу ст. 1 (ч. 1), 2, 17 (ч. 3), 18 и 55 (ч. 3) Конституции РФ должно заключаться главным образом в превентивном использовании соответствующих юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства. См.: абз. 5 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П // СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.

² См.: Алиэскеров М.А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // Lex russica. 2017. № 12. С. 57. Примечательно, что договор, примирение как способ улаживания правового конфликта оказываются востребованными и в уголовном процессе, где на первый план выдвигаются восстановительные начала. См., напр.: Постановление КС РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088; абз. 1 п. 5.2 мотив. части Постановления КС РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

на эту норму ссылаются в обоснование того, что никакого иного, кроме государственного, правосудия нет и быть не может¹. Насколько обоснованной является такая категоричность?

Прежде всего нельзя оставить без внимания точку зрения, согласно которой сам принцип осуществления правосудия только судом возник в советском праве и является его специфической чертой, основан на осознании обществом и государством последствий функционирования органов параллельной юрисдикции в сфере уголовного правоприменения в тридцатых и сороковых годах XX в.² Поэтому трактовка этого принципа с учетом исторического измерения не должна быть абсолютизированной.

Далее. Нужно учитывать системные связи, в которые погружена норма ч. 1 ст. 118 Конституции РФ. Главы 4-8 Конституции РФ раскрывают систему публичной власти в Российской Федерации. В частности гл. 7, в состав которой и входит приведенная норма, определяет характеристики судебной власти и прокуратуры. Следовательно, речь идет в данном случае об установлении функциональных характеристик суда как органа судебной власти, интегрированного в систему разделения властей (ст. 10, 11 (ч. 1), 124-128 Конституции РФ), а не об исчерпывающей фиксации институциональной сферы осуществления правосудия. Конституция РФ предусматривает здесь исключительные прерогативы судебной власти по осуществлению государственной деятельности в виде правосудия, но это не одно и то же, что и ограничение правосудия только государственной деятельностью³.

¹ См., напр.: *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М., 2010. С. 18; Комментарий к законодательству о судебной системе Российской Федерации / Под ред. Т.Г. Морщаковой. М., 2003. С. 31; *Авдеев М.Ю.* Правоохранительная функция судебной власти в системе органов государственной власти Российской Федерации // *Право и государство*. 2017. № 11. С. 137; *Серков П.П.* Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // *Журнал российского права*. 2016. № 12. С. 162; *Попова Ю.А.* Конституционные формы реализации функций судебной власти и проблемы их совершенствования // *Власть Закона*. 2014. № 1.

² *Банников И.А.* Принцип осуществления правосудия только судом: историко-правовой аспект // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. № 2.

³ Будет уместным отметить, что в широко известном Саратовском проекте Конституции России, подготовленном в инициативном порядке осенью 1990 г. одним из ведущих научных центров российского конституционализма – кафедрой государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (ныне – Саратовская государственная юридическая академия), соответствующая идея о соотношении правосудия и судебной власти была выражена точнее: «правосудие как разновидность государственной деятельности в Российской Республике осуществляется только судом» – гласит часть

Не дает повода к абсолютному отрицанию правосудных начал третейского разбирательства и текущее законодательство. Согласно ч. 1 ст. 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами. При этом действующее процессуальное право допускает передачу подведомственных суду общей юрисдикции или арбитражному суду споров, возникших из гражданско-правовых отношений, третейскому суду (ч. 3 ст. 3 ГПК РФ, ч. 6 ст. 4 АПК РФ). Этими положениями, как верно замечено, «третейские суды в силу закона вводятся в обращение в качестве элемента судебной системы Российской Федерации», что определяет их в качестве специального института процессуального права, обеспечивающего осуществление правосудия; при этом процессуальным законодательством определено, что все правовые последствия обращения к третейским судам обеспечены государственным принуждением, осуществляемым посредством судов, входящих в судебную систему Российской Федерации¹. В этой связи в доктрине небезосновательно подчеркивается, что непризнание третейского разбирательства правосудием в текущих условиях во многом является чисто формальным, поскольку опирается на отсутствие прямого закрепления соответствующих характеристик в законодательстве. Но поскольку третейский суд «вполне органично вписывается в систему органов, осуществляющих правозащитную деятельность, то и его деятельность вполне можно признать правосудием, хотя и не от имени государства, но в порядке, им предусмотренном»². Примечательно, что судебная практика, в том числе ВС РФ, строится на том, что обращение истца в третейский суд следует рассматривать как реализацию права на судебную защиту³.

первая статьи 121 Проекта. См.: Саратовский проект Конституции России / Предисловие В.Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. С. 49.

¹ Власов А.Ю. Третейские суды в судебной системе Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2014. № 5. С. 37.

² Морозов М.Э., Шилов М.Г. Правовые основы третейского разбирательства. Новосибирск, 2002. С. 15.

³ См., напр., определения ВС РФ: от 21 августа 2017 г. № 304-ЭС17-11968 по делу № А27-14573/2016, от 24 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-15414 по делу № А40-165037/2018; постановления Арбитражного суда

КС РФ сделал в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П следующие выводы: а) закрепление возможности разрешения споров посредством третейского суда выражает «тенденцию к упрочению демократических начал правосудия» (п. 3.3 мотив. части); б) третейское разбирательство связано вытекающими из ст. 46 Конституции РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод требованиями справедливости и беспристрастности как «присущими любому судебному разбирательству» (абз. 9 и 11 п. 2 мотив. части).

Отсюда следует, что третейское разбирательство подчинено общим началам правосудия и не должно предоставлять меньший уровень принципиальных гарантий права на защиту, чем в государственном судопроизводстве. Речь идет не о тождественности процессуальной формы третейской и государственной судебной защиты, а о соотносимости их базовых параметров, в отсутствие которых само правосудие не может состояться (диспозитивность, состязательность и равноправие сторон, независимость и беспристрастность суда и т.п.). Соответствующие процедурные условия третейского разбирательства имеют значение принципов, относящихся к элементам публичного порядка, и вынесение третейским судом решения вопреки этим принципам ставит легитимность и легальность такого акта под сомнение.

Поскольку третейский суд связан целями, принципами правосудия, призван обеспечивать соотносимый уровень гарантий права на защиту, его невключение в институциональную систему правосудия лишь по признаку невхождения в государственную (судебную) власть, свидетельствовало бы о методологически дефектном и притом сугубо формалистическом подходе. Изложенные позиции КС РФ показывают, что свойственные третейской защите особенности, не позволяющие отождествлять ее с государственным правосудием, не только определяют автономную ценность этого института,

но и служат основанием для повышения эффективности всей судебной системы через взаимодействие официальных и неофициальных институтов.

В свете изложенных подходов не лишено оснований двойственное (широкое и узкое) восприятие судебной системы. В широком смысле она охватывает такие элементы, как: систему судов (центральный элемент судебной системы), судебный корпус, органы судейского сообщества, третейские суды, работники аппаратов судов, арбитражные и присяжные заседатели, судебно-правовая культура, судебное и судейское право¹.

Третейский суд как конституционная категория представляет собой, таким образом, относящийся к системе гражданского общества и интегрированный в юрисдикционный механизм правового государства институт неофициального правосудия, обеспечивающий посредством общественной власти основанное на конвенциональности и самоорганизации разрешение правовых споров в диспозитивной (саморегулируемой) процедуре, принципиально соответствующей требованиям справедливого судебного разбирательства, в целях восстановления нарушенных прав через достижение примиряющего согласия, рассчитанного на воспроизводство партнерского сотрудничества.

Сквозь призму такого подхода ясно, что причисление третейского суда к альтернативным способам защиты следует раскрывать не в аспекте конкуренции с государственным судопроизводством, а исходя из их взаимодействия, которое должно иметь широкие, многоплановые формы².

Конституционная сущность третейского суда должна раскрываться на основе учета следующих моментов.

1) Третейский суд санкционирован государством, объективно сопряжен с системой государственного правосудия. Представляет собой, по

¹ Гайдей Ю.М. Судебная система в современной России: общетеоретический аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 8.

² Речь идет, в частности, об уведомлении, содействии и ограниченном контроле в процессе осуществления компетентным и третейским судами их юрисдикционной деятельности. См.: Гимазов Р.Н. Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 10-11.

выражению И.Я. Штейнберга, «существенную разновидность в общей системе наших судебных органов»¹. Неслучайно в современном конституционном праве вопросы третейской защиты нередко затрагиваются именно в контексте судебной системы, судебного процесса². Само санкционирование третейского суда объясняется, с одной стороны, тем, что по соглашению сторон на его рассмотрение передается спор, подведомственный государственным судам³. С другой – императивом прав человека (ст. 2, 18, 45 Конституции РФ).

2) Третейский суд составляет основанную на законе специфическую форму реализации конвенциональной общественно-юрисдикционной деятельности, ее обязывающие начала определяются добросовестностью в соблюдении *принципа pacta sunt servanda* во взаимосвязи с признанием авторитета арбитража и риском репутационных потерь (ст. 38 Закона об арбитраже). По замечанию Н.Н. Голубева, третейский суд действует в силу компромисса и в установленных компромиссом границах⁴. Такая деятельность может рассматриваться как форма частного правоприменения, проистекающего из соглашения сторон⁵. Но арбитражное соглашение – частноправовой договор особого рода, поскольку связан с распоряжением процессуальными правами в части определения подсудности спора.

3) Третейский суд максимально приближен – как по комплектованию и сфере реализации полномочий, так и по источникам применимого права – к деловой практике, в которой складывается, с одной стороны, определенное конкретизированное восприятие законодательных основ экономических отношений, с другой – предпосылки для опережающего договорного

¹ Штейнберг И.Я. Третейский суд и пределы его компетенции // Вестник советской юстиции. 1925. № 15-16. С. 608-609, 608.

² Например, ст. 121 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, пп. «е» п. 4 Приложения девятого к Конституции Малайзии, п. 13 Перечня III Приложения седьмого к Конституции Индии.

³ Виноградова Е.А. Правовые основы организации и деятельности третейского суда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 17.

⁴ Голубев Н.Н. Международные третейские суды XIX века. М.: Университетская типография, 1904. С. 4.

⁵ Арбитражный процесс: Учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 68.

регулирования. Все это отличает третейское разбирательство с позиции тесного переплетения официально-нормативных и естественно-правовых начал¹. Третейский суд выступает как орган, интегрированный в систему правового регулирования, прежде всего предпринимательского права².

4) Третейский суд выступает особой разновидностью примирительных форм реализации юрисдикционной деятельности, ориентированной в итоге на воспроизводство партнерского взаимодействия. Основания, процедурные условия и комплектование состава арбитража, применимое право, исполнимость решения определяются согласованием интересов сторон, которые, прибегая к такой альтернативной защите, следуют стратегическому интересу поддержания взаимовыгодных отношений.

Ценность медиативного характера третейского разбирательства подчеркивалась в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. (п. 13 разд. IV «Основные идеи и мероприятия судебной реформы»): «стороны занимают место на подиуме рядом с судьей и он стремится склонить их к соглашению». Медиативность, сопряженная с диспозитивным началом правосудия, может рассматриваться как ориентир всего судебного права³. Но именно третейский суд, подразумевающий минимально достаточное регулирование императивными нормами и скорее координационную (не руководящую) роль арбитра, дает проявлениям диспозитивности наиболее широкий простор и делает примирение наиболее востребованным⁴. Как свидетельствует зарубежный опыт современных реформ в третейской сфере,

¹ В качестве особенностей третейского суда, отличающих его от суда государственного, Е.В. Васьковский указывал, между прочим, на то, что третейские судьи «разрешают спор не по законам, а по совести», и «при рассмотрении дела они не руководствуются общими судопроизводственными правилами». См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 371.

² Между предпринимательским (коммерческим) правом и институтом третейского разбирательства, пишет О.Ю. Скворцов, есть особая взаимосвязь: как предпринимательское (коммерческое) право является основой для существования третейских судов, так и третейские суды выступают в качестве источника формирования норм предпринимательского (коммерческого) права. *Скворцов О.Ю.* Указ. соч. С. 10.

³ *Мурадян Э.М.* Истина как проблема судебного права. 2-е изд. М.: Юрист, 2004. С. 29.

⁴ О процедурной диспозитивности третейского разбирательства см.: *Савостьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8.

значение медиативной роли арбитража возрастает¹. Так, ч. 3 ст. 28 Закона Республики Армения от 22 января 2007 г. № ЗР-55 «О коммерческом арбитраже» предусматривает, что стороны могут до вынесения решения непосредственно уполномочить арбитражный трибунал разрешить спор в качестве мирового посредника. В свою очередь, Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах» относит содействие сторонам в достижении мирового соглашения к принципам деятельности третейского суда (ст. 5)². Сочетание разбирательства споров с примирением отмечается как характерная черта третейского производства и в других странах, например, во Вьетнаме³.

5) Третейский суд как реализующий публично значимые функции юрисдикционный институт гражданского общества следует отличать от институтов участия граждан в осуществлении судебной (государственной) власти (суд присяжных, арбитражные заседатели)⁴.

Установив, что Конституция РФ не исключает создания судебных коллегий с участием присяжных, народных или арбитражных заседателей⁵, КС РФ заключил, что суд присяжных – институт прямого народовластия, призванный реализовывать право граждан на участие в отправлении правосудия как одно из проявлений права на участие в управлении делами государства, и функцию общественного контроля над правосудием по

¹ Щавелев А. Новый Регламент Коммерческого Арбитража 2018 Немецкого Арбитражного Института // Сборник статей о праве Германии. Германско-Российская ассоциация юристов. Вып. 3 (июнь 2018 года). С. 263. Документ доступен по адресу: https://www.drjv.org/index.php/literatur.html?file=tl_files/drjv/docs/Literaturlisten/DRJV-Sammelband%20zum%20deutschen%20Recht%20in%20russischer%20Sprache%20%2C%20Ausgabe%20N%20%2C%20Juni%202018.pdf (дата обращения: 17.02.2020)

² <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11100301> (дата обращения: 17.02.2020)

³ Чан Х.Х. Разбирательство и разрешение в третейском порядке хозяйственных споров в Социалистической Республике Вьетнам. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14.

⁴ См.: ст.8 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»; п. 2.1 и 2 ч. 2 ст. 30, раз. XII УПК РФ; ч.1 и 3 ст. 17 и ст. 19 АПК РФ; Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3528; Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2016 г.) «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

⁵ См.: абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 23 июня 2005 г. № 292-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32634.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

уголовным делам¹. Здесь происходит разграничение функций между профессиональным судьей и коллегией присяжных, которые решают вопросы факта², основываются преимущественно на своем жизненном опыте и сформировавшихся в обществе представлениях о справедливости, не обязаны мотивировать свое решение³.

Что касается рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей, то они могут привлекаться только в случае особой сложности дела и (или) при необходимости использования специальных знаний. При этом в конкретном деле они обладают с судьей равным статусом и полномочиями⁴.

Соответственно, третейское разбирательство в отличие от институтов участия граждан в осуществлении судебной власти выступает самостоятельной негосударственной формой реализации правосудия, которая возбуждается независимо от сложности дела на основании соглашения сторон в целях решения возникшего между ними гражданско-правового спора по существу в процедуре, которая не является тождественной процессуальным формам судебной власти, и на условиях применимого права, определяемого сторонами, касается вопросов права и факта и имеет правовыми последствиями частное (общественное) по своему характеру принуждение, которое подкрепляется государством.

Таким образом, конституционные характеристики правовой природы третейского суда отражают коллизионное единство частных начал, обусловленных реализацией третейской процедуры по соглашению и в связи с интересами частных лиц, свободных в определении своих юрисдикционных возможностей, и публичных начал, определяемых формированием

¹ См.: абз. 6 п. 3 мотив. части Определения КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1052-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135884.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

² См.: абз. 2 п. 2.1 мотив. части Определения КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2003-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision150150.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); абз. 3 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 27 октября 2015 г. № 2474-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision213689.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

³ См.: абз. 2 п. 5.3 мотив. части Постановления КС РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П // СЗ РФ. 2006. № 16. Ст. 1775.

⁴ См.: абз. 5 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1352.

посредством третейского суда авторитетных суждений о праве, получающих официальное признание и подкрепление. Не входя в судебную систему, третейский суд находится с ней в функциональной и отчасти организационной связи: осуществляет цели правосудия, дополняемые медиативными и в определенной мере правотворческими задачами, при содействии и контроле государственных судов. В системе гражданского общества третейский суд может рассматриваться как высшее проявление общественного правосудия с правовыми последствиями, обязательными для государства. Ввиду этого третейский суд входит в сферу реализации судебно-правовой политики государства, правомочного предусмотреть как случаи обязательного обращения к данной процедуре, так и ее распространение на отдельные публично-правовые отношения.

Конституционное обоснование правовой природы третейского суда должно дополняться через субъективно-личностное измерение этого института. Возможность прибегнуть к третейской процедуре характеризует правовые средства защиты человека, должна раскрываться в системе конституционно-правового статуса личности.

§3. Третейский суд сквозь призму конституционного статуса личности

Конституционное обоснование третейского суда усиливается через его субъективно-личностное измерение. Рассмотрение третейского суда в этом ракурсе предполагает обращение к двум основным блокам вопросов. Это, во-первых, выяснение характеристик третейского суда в соотношении с конституционным статусом личности, т.е. определение тех структурных элементов этого статуса, которыми третейский суд охватывается. Во-вторых, с учетом организационной обособленности третейского суда от системы публичной власти и его правовой автономии, базирующейся на добровольном отказе сторон спора прибегнуть к государственной (судебной)

защите, встает вопрос о связанности третейского суда правами человека и формах реализации такой связанности.

Конституция РФ прямо не закрепляет право на третейский суд (третейскую защиту) в перечне основных прав и свобод. Это не снимает, однако, вопрос его вхождения в конституционный статус личности в составе нормативного содержания одного из конституционно закрепленных прав или как итог комплексного взаимодействия ряда таких прав. Кроме того, Конституция РФ не предполагает, что перечень основных прав является исчерпывающим (ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 55)¹. Указание в ч. 1 ст. 55 Конституции РФ на «другие» права, полагает В.А. Четвернин, означает, что за пределами перечисленных прав и свобод есть некая сфера свободы, государственное вмешательство в которую запрещено². При этом требует уточнения суждение, в силу которого «другие» права и свободы должны быть общепризнанными, что означает их всеобщий, универсальный характер³. Общепризнанность «других» прав и свобод является фактором их безусловного признания в российской правовой системе. Но и в отсутствие общепризнанности «другие» права также могут приобретать качества обязательности, неотъемлемости в составе конституционного статуса личности – вследствие фактически сложившейся в России общественной практики в ее правовом отображении.

Открытый характер перечня конституционных прав соотносится с их естественной природой и свойственной правовому государству ориентацией на общедозволительный тип правового регулирования. В силу ст. 2, 17 и 18 Конституции РФ признание прав и свобод составляет обязанность государства в целом и всех его органов. Развитие системы прав человека через обогащение нормативного содержания, видового состава, признание новых прав возможно в том числе посредством судебной власти, главная

¹ Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / Под ред. д.ю.н., проф. Ю.А. Дмитриева. М.: Деловой двор, 2009. С. 220.

² Четвернин В.А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. С. 34.

³ Саидов А.Х. Общепризнанные права человека / Под ред. И.И. Лукашука. М.: МЗ-Пресс, 2002. С. 5.

задача которой состоит в обеспечении прав человека (ст. 18 Конституции РФ). Понятие «обеспечение» в данном случае имеет автономное конституционное значение. Правосудие замкнуто на ситуацию правового конфликта, столкновения интересов, в которой обычно и происходит зарождение новых прав. Поэтому конституционная обязанность правосудия – «обеспечивать» права и свободы – предполагает создание правовых условий для надлежащего (эффективного, согласованного) пользования и теми фактически существующими правами, которые находятся в процессе юридического формирования.

Важно отметить также, что «другие» права могут быть не только негативными (выражение идеи неприкосновенности), но и позитивными по своему характеру. Так, в ряде решений КС РФ обосновал конституционное значение права на приватизацию, указав, что «государство, закрепляя в законе право на приватизацию, обязано обеспечить возможность его осуществления, гарантируя при передаче имущества в собственность субъектов частного права соблюдение конституционных принципов и норм» (определение от 8 февраля 2011 г. № 131-О-О).

Третейский суд, как подчеркивалось ранее, является одним из традиционных в России способов урегулирования правовых споров. Традиции же, связанные с существованием тех или иных правовых институтов, имеют правообразующее значение, не могут игнорироваться законодателем¹. Вместе с тем КС РФ рассматривает право на передачу дела в третейский суд с учетом общепризнанного характера третейского способа защиты и одновременно раскрывает его легальные источники в составе прав, поименованных в Конституции РФ (Постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П). Это прежде всего право каждого использовать для защиты своих прав любые не запрещенные законом способы, а также принцип экономической свободы и право на свободное использование своих способностей и

¹ См.: абз. 1 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (абзац шестой пункта 2, абзац первый пункта 3 мотивировочной части названного Постановления). Логика КС РФ состоит в том, что государство, будучи обязано признавать особую ценность права на судебную защиту, не должно создавать препятствий для защиты каждым своих прав всеми не запрещенными законом способами. Другая сторона обязанностей государства в отношении рассматриваемого права сводится к обеспечению его реализации на началах справедливой юрисдикционной процедуры, что также подчеркивается в данном Постановлении.

Предложенная КС РФ правовая конструкция третейского суда в соотношении с конституционным статусом личности позволяет сделать следующие выводы.

1) Для описания рассматриваемого права КС РФ использует формулировку «право на передачу дела в третейский суд». Очевидно, речь идет лишь об одной стороне, первоначальной стадии третейских отношений – тех, которые складываются на этапе урегулирования вопроса об обращении в третейский суд, самой подаче обращения, организации его рассмотрения. При этом третейские отношения связаны также с функционированием учреждений по администрированию арбитража, их взаимосвязями с некоммерческими организациями, создавшими такие учреждения, со статусом арбитров, с самим разрешением дела в третейском суде, правовыми последствиями (исполнением) третейского решения и т.п. Нет никаких оснований полагать, что применение КС РФ конкретного термина направлено на ограничение признания конституционного значения в отношении лишь некоторых отдельных аспектов третейских отношений. Уяснение того, почему используется именно этот, а не иной термин, связано с пониманием прикладных задач конституционного правосудия и предмета конкретного дела. Главным для КС РФ в данном деле был вопрос о возможности третейского разбирательства по вопросам недвижимости.

Неудивительно поэтому, что КС РФ избрал обозначенный угол зрения на поставленную проблему.

Вместе с тем важно учитывать, что право на передачу дела в третейский суд КС РФ рассматривает как надлежащее средство правовой защиты, которое должно быть эффективным. Это подразумевает соблюдение процедурных, организационных и иных требований, исполнимость принимаемых решений. Признание конституционного значения права на передачу дела в третейский суд в отрыве от признаний такой же ценности в отношении других аспектов данного института и предъявляемой к нему совокупности требований обесценивало бы третейское разбирательство. С учетом объективно сложного, комплексного характера третейских отношений следует исходить из того, что конституционные начала охватывают на уровне принципов, основ, ценностных и целевых ориентиров всю их совокупность. Поэтому представляется целесообразным выделять в конституционном статусе личности (по аналогии с правом на судебную защиту) право на третейскую защиту, которое характеризуется единством негативных и позитивных, материальных и процессуальных начал¹.

2) Выведение КС РФ рассматриваемого права из ч. 2 ст. 45 Конституции РФ в увязке с конституционными нормами, относящимися к экономической жизни, означает следующее.

Прежде всего нормативное (конституционное) ядро права на третейскую защиту – в праве на самозащиту своих прав. Само это право имеет особую природу, поскольку, как ряд других конституционных прав, носит гарантийную направленность. В доктрине субъективные возможности личности, относящиеся к защите своих прав, определяются в ряде случаев как «конституционно-процессуальные права-гарантии личности». Н.С.

¹ Как верно подчеркивается исследователями, третейское разбирательство «обладает самостоятельной изолированной процессуальной формой, которая в силу равного соотношения правового статуса спорящих субъектов и третейского суда определяется непосредственно сторонами правового конфликта в рамках, установленных законодательством». См.: Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации: судебные и несудебные. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 18.

Бондарь отмечает, что эти права, дополняя личные, политические и социально-экономические права, «определяются в качестве неотъемлемого структурного элемента конституционно-правового статуса, характеризуют правопритязания индивидов на судебно-процессуальное и иные формы обеспечения всех других конституционных прав и свобод и призваны создавать надлежащие юридические предпосылки для нормальной правореализации и эффективного достижения защиты прав»¹.

Ценность такого восприятия права на третейскую защиту (как и других аналогичных по характеру прав²) состоит в том, что это позволяет раскрыть их сущность как правомочий лица действовать по своему усмотрению и одновременно предполагает наличие обязанностей со стороны государства их обеспечивать и гарантировать посредством закрепления правовых и процессуальных условий в отраслевом законодательстве, создания материальных и организационных условий их реализации³.

В центре всего комплекса прав на защиту находится право на судебную защиту, которое носит универсальный характер, является нормативной основой взаимоотношений личности и судебной власти⁴. Особая роль права на судебную защиту определяется положением суда в государстве и

¹ Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. С. 523- 588.

² Грудцына Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в гражданском судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2004. № 6. С. 74.

³ Чепурнова Н.М., Гончаров Е.И. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010. С. 63.

⁴ Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. Подчеркивая существенную значимость права на судебную защиту в системе конституционных прав, А.Н. Ведерников предполагает в качестве исходного социогенетического основания такой значимости происхождение права на судебную защиту из права каждого на защиту своей жизни как биологического существа, которое впоследствии трансформировалось в право на жизнь, тогда как право на судебную защиту охватывает теперь защиту не только самой жизни, но и самых высоких духовно-нравственных ценностей и свобод личности, ее достоинства. См.: Ведерников А.Н. Конституционное право личности на судебную защиту в законодательстве и судебной практике России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. С. 52. В этой связи следует отметить, что судебной защите как государственной институционализированной форме обеспечения прав предшествуют не публично-властные средства защиты, основанные на соглашении и солидарности и выражающие процессуальный аспект идеи справедливости как главного условия устойчивого мирного сосуществования и взаимодействия людей.

обществе, исключительными функциями судебной власти по оценке правового качества законов и действий власти¹.

Но в то же время защита прав и свобод, как отмечает С.А. Авакьян, – понятие многообразное, и Конституция предполагает в том числе собственные действия по защите своих прав и свобод². Реализация права, содержащегося в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, возможна как на индивидуальной основе, так и коллективами граждан, в том числе через структуры гражданского общества³. Такая деятельность может рассматриваться как самозащита прав в широком смысле, что не отрицает значения и узкой ее трактовки как односторонних действий по отражению, пресечению нарушений, восстановлению нарушенных прав⁴.

Право на третейскую защиту как элемент системы прав на правовую защиту занимает в сфере внесудебных процедур ведущее место, поскольку наиболее приближено по своим параметрам к судебной защите и находится в тесной взаимосвязи с этим правом. Но очень важно учитывать, что какое бы значение не придавалось праву на судебную защиту, это не может служить основанием для нивелирования роли других прав, призванных обеспечивать урегулирование правовых конфликтов в обществе. Реализация права на судебную защиту предполагает осуществление властного (судебно-государственного) вмешательства в общественные отношения, и принципы автономии личности, гражданского общества диктуют определение пределов такого вмешательства, позволяющих урегулировать возникший спор добровольно и по своему усмотрению, не прибегая к принудительно-

¹ См., напр. *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001; Судебная защита конституционных прав и свобод в Российской Федерации. М.: Российский гос. ун-т правосудия, 2017; *Тарибо Е.В.* Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М.: НОРМА, 2018.

² *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Т. 1. С. 785.

³ *Чепурнова Н.М., Белоусов Д.В.* Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод: конституционно-правовой аспект. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и прав, 2010. С. 42.

⁴ См.: *Горбачева С.В.* Самозащита прав по российскому законодательству. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 11; *Казакова Е.Б.* Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 9; *Мальцев М.Н.* Самозащита субъективных прав по российскому законодательству: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7; *Пырх А.И.* Самозащита прав предпринимателя: сравнительно-правовой анализ законодательств России и Германии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 7-8.

властным средствам. Это означает, в частности, что недопустимо произвольное сужение возможностей третейской защиты в пользу права на судебную защиту, равно как не может идти речь о взаимозаменяемости третейского и государственного судебного способов защиты права, если стороны предпочли обратиться именно в третейский суд. Иными словами, применительно к случаям, когда легально признается допустимым для урегулирования конкретного спора обратиться в третейский суд, следует исходить из приоритета права на третейскую защиту. Именно такой подход отражен в ч. 8 ст. 7 Закона об арбитраже, предусматривающей толкование любых сомнений в пользу его действительности и исполнимости арбитражного соглашения. Между тем судебная практика еще далека от того, чтобы этот принцип был воспринят в полной мере¹.

Для обоснования соотношения права на третейскую защиту и права на судебную защиту важно учитывать и другие стороны их взаимосвязей: а) государственно-судебное обеспечение соблюдения законных оснований, пределов и принципиальных процедурных требований, предъявляемых к третейскому разбирательству; б) государственно-судебное гарантирование при необходимости принудительной реализации интересов, признанных по итогам третейского разбирательства.

Понимание того, что ядром права на третейскую защиту служит общее право на самозащиту своих прав, позволяет говорить о том, что сам по себе третейский способ улаживания спора жестко не обусловлен применением именно и только к сфере экономических отношений. Включение КС РФ в систему обоснования рассматриваемого права конституционных принципов и прав в экономической сфере отражает исторические реализации наиболее высокой степени востребованности третейских процедур именно в условиях экономического оборота. Но отсюда вовсе не следуют какие-либо выводы ограничительного характера в отношении возможного применения

¹ *Старженецкий В.В.* Толкование арбитражных соглашений по российскому праву: ограничительный или расширительный подход? // О договорах. Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского / Сост. С.В. Сарбаш. М.: Статут, 2017. С. 161, 162.

третейской защиты к иным отношениям. Правовые споры в сфере труда, социального и пенсионного страхования, культуры и даже в политической (партийной) сфере могут решаться с использованием третейского суда.

На обозначенной КС РФ взаимосвязи права на третейскую защиту и принципа экономической свободы, который относится к основам конституционного строя (ст. 8 Конституции РФ), нужно сделать отдельный акцент. Конституционный строй отражает объективированное в нормах конституционного права устройство государства и общества, положение человека в системе отношений «государство – общество – личность»¹. В этом смысле посыл КС РФ в том, что ценность третейского суда имеет значение не только в системе гражданского общества, а является одним из существенных конституционных факторов рыночной экономической системы и экономической политики государства.

3) Применительно к экономическим отношениям право на третейскую защиту получает дополнительное обоснование в праве на экономическую свободу. С одной стороны, это соотносится с тем, что носители спорных материальных интересов в сфере экономической свободы самостоятельно распоряжаются и своими процессуальными возможностями по их защите. С другой стороны, экономическая свобода сама по себе служит предпосылкой для осуществления приносящей доход деятельности, направленной на оказание услуг по урегулированию правовых споров, а присущие ей начала самоорганизации, корпоративизма позволяют создавать ассоциативные организационно-правовые формы улаживания конфликтов между хозяйствующими субъектами². Развитие третейских институтов актуализируется и общими целевыми установками свободы предпринимательства, в силу которых предполагается проведение

¹ Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 161.

² Согласно правовой позиции КС РФ из ст. 8, 34, 35 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 30 вытекает право коммерческих объединений создавать организационно-правовые формы взаимодействия для выработки единых корпоративных норм поведения, координации деятельности, представления и защиты общих интересов. См.: абз. 3 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2311.

государством политики, направленной на устранение избыточного государственного воздействия на экономику¹.

4) Корреляция права на третейскую защиту с экономической свободой не означает его поглощения экономическими ориентирами, это право не детерминировано извлечением дохода, а имеет в своем содержании выраженные публичные характеристики, связанные с осуществлением общественно значимых функций. Право на третейскую защиту служит субъективно-личностной основой вовлечения граждан в разрешение споров о праве на основе самостоятельного применения принципов и норм законодательства, что обеспечивает самоорганизацию в вопросах правосудия и расширение его демократических начал. Поэтому наряду с частными, рыночно-экономическими, началами третейской защиты следует учитывать присущие ей публично-правовые (общественно-политические) начала, связанные с категорией демократического «участия» и характеризующие в основном организационную форму, в которую облекается третейский суд.

С одной стороны, в основе права на третейскую защиту лежат диспозитивные, договорные отношения, а его реализация через институциональные (постоянные) третейские суды связана с оказанием услуг на возмездной основе. С другой стороны, право на третейскую защиту направлено на справедливое урегулирование правового спора в надлежащей процедуре, через обеспечение этого права реализуется обязанность по государственному гарантированию защиты прав человека.

5) Понимание права на третейскую защиту как имеющего общепризнанный и конституционно значимый характер, а не приобретенного права, предполагает, что оно находится под защитой требований ст. 55 Конституции РФ. Так, недопустимо снижение уровня гарантирования соответствующего права по отношению к ранее достигнутому уровню.

¹ См.: Усков Д.Г. Конституционные гарантии на предпринимательскую деятельность. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12; Илюхина Ю.Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность в современной России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 13-14.

Отсюда вытекает обращенное к законодателю требование не допускать ограничений права на третейское разбирательство путем произвольного и необоснованного отказа от этого способа защиты применительно к категориям дел, где его применение уже предусмотрено¹.

Таким образом, будучи естественной и традиционной формой разрешения споров о праве, третейское разбирательство должно пониматься в свете конституционного императива признания государством как сложившихся форм проявления свободы человека и его достоинства, так и устоявшихся — в виде естественных правопритязаний — гарантий защиты прав и свобод. Право на третейское разбирательство входит в конституционный статус личности, имея при этом комплексную основу: а) коррелирует с общим принципом юридической безопасности, создавая условия для самостоятельной, не опосредованной публично-властным принуждением, защиты своих прав и свобод; б) интегрировано в систему судебно-процессуальных прав-гарантий, обеспечивая дополнительное гарантирование права на судебную защиту; в) служит юрисдикционно-гарантийным элементом механизма самоорганизации в рамках конституционного правопользования экономической свободой. Посредством права на третейское разбирательство обеспечивается не только защита субъективных гражданских прав, но и непосредственное действие целого ряда основных прав и свобод человека и гражданина, которые составляют объективный конституционный правопорядок, определяющий и пределы усмотрения третейского суда при реализации возложенных на него задач.

¹ Аналогичные правовые подходы были сформулированы КС РФ применительно к регулированию права на рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей, которое в Конституции предусмотрено лишь в отношении обвиняемого в преступлении, за совершение которого устанавливается исключительная мера наказания – смертная казнь; введение же моратория на применение смертной казни породило сомнения относительно пределов дискреции законодателя в регулировании этого права, которое могло быть воспринято как специально-целевая, дополнительная гарантия. См.: абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276; абз. 3 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2920. О недопустимости снижения достигнутого уровня гарантирования процессуальных прав КС РФ высказывался и в других случаях. См., напр.: п. 4 резол. части Постановления КС РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

Переходя к анализу вопросов связанности третейского суда правами человека, необходимо прежде всего отметить, что эта проблематика практически не охвачена в российской юриспруденции. В зарубежной же, в основном англосаксонской, юридической доктрине она привлекает к себе внимание¹. Традиционным здесь является представление о том, что конституционные права не проникают в третейский процесс, избрав который стороны, ради оперативности и неформальности процедуры и окончательности арбитражного решения, отказались от судебной защиты, включая предоставляемые с ее помощью конституционные гарантии.

Многие авторы в традиции общего права полагают также, что поскольку третейское разбирательство имеет частный характер, т.е., иными словами, не связано с действиями государства, нет оснований ссылаться в третейской процедуре на конституционные права, определяющие взаимоотношения личности и публичной власти. Вместе с тем высказывается мнение о том, что поскольку участники арбитражной процедуры не всегда могут располагать необходимыми знаниями о ней и правовых последствиях арбитражного соглашения, следует исходить из необходимости законодательного урегулирования в качестве универсального требования подчинения третейского разбирательства конституционным правам и его построению в соответствии с принципом справедливости.

Представляется, что распространенность доктрины несвязанности третейского суда конституционными правами определяется в данном случае, по крайней мере, следующими моментами, специфичными для англосаксонской правовой традиции:

¹ См., напр.: *Rutledge P.B.* Arbitration and the Constitution. Cambridge University Press. 2013; *Brunet E.* Arbitration and Constitutional Rights. North Carolina Law Review, Vol. 71, pp. 81-120, 1992; *Sternlight J.R.* Mandatory Binding Arbitration and the Demise of the Seventh Amendment Right to a Jury Trial. Scholarly Works, vol.16:3, pp.669-733, 2001; *Strong, S.I.* Book Review Constitutional Conundrums in Arbitration Arbitration and the Constitution, Peter B. Rutledge (Cambridge University Press, 2013). Cardozo Journal of Conflict Resolution, paper No. 2013-06, pp.41-84; *Ware S.J.* Arbitration clauses, jury-waiver clauses, and other contractual waivers of constitutional rights. Law and Contemporary Problems, vol. 67, pp.167-205, 2004; *Кенжебаева А.* Конституционное право на судебную защиту и арбитражное соглашение // Казахстан. 2002. № 1.

А) примат конституционной ценности индивидуальной автономии. Отсюда – широкая диспозитивность в отношении понимания существа и реализации конституционных прав, включая признание распорядительных действий в форме отказа от них, а также обоснованность публичного вмешательства, как правило, для поддержания режима автономии¹;

Б) традиционное восприятие конституционных прав в свете ограничения государственной деятельности и лишь косвенное признание социально-экономических прав, также адресуемых государству². Реалии американского конституционализма таковы, что частные субъекты могут быть связаны конституционными правами, только если речь идет о характере их действий в качестве «эманации», агента государства;

В) общая проарбитражная ориентация законодательства и судебной практики, оказывающих регулирующее воздействие на третейские отношения. По мнению исследователей, широкое применение различных арбитражных процедур с охватом значительной части правоотношений сочетается с подходами, которые или совершенно закрывают путь к судебному разбирательству истцам, или усложняют его настолько, что сам тяжущийся в большинстве случаев отказывается идти дальше в суд³. Действительно, в числе оснований для пересмотра или отмены арбитражного решения Федеральный арбитражный акт США (§10) не предусматривает положений, которые бы позволяли преодолеть арбитражное решение по содержательным мотивам, даже если оно противоречит конституционному

¹ Berg J.W. Understanding Waiver. *Houston Law Review*, vol. 40, pp. 256-287, 2003. Проблематика отказа от конституционных прав обсуждается и в континентальном праве. Так, Федеральный конституционный суд Германии оперирует двумя подходами: а) «субъективной теорией», где индивидуальный отказ от основного права выступает как модус его применения, т.е. допускается возможность пользования правами «негативно», путем отказа; б) «объективной теорией», отрицающей понимание основных прав как диспозитивных. Суд полагает, что ни одна из теорий не универсальна. В частности, «субъективная теория» вообще не применима к праву на достоинство, общей свободе действий, равенству, но может иметь значение для ряда других свобод (собраний, ассоциаций и т.п.). См.: *Королев С.В.* Действие основных прав по горизонтали и отказ от основных прав // Труды Института государства и права Российской академии наук. Конституция: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Институт государства и права РАН, 2008. № 6. С. 78-87.

² Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан: историко-правовое исследование. М.: Норма, 2007.

³ Шабанова Т.Н. Согласительные процедуры в судопроизводстве США напр.е штата Калифорния // Право и политика. 2005. № 8.

правопорядку¹. Соответственно, по общему правилу, степень (пределы) учета доводов сторон о наличии нарушений их конституционных прав остается в сфере усмотрения третейского суда.

Российский конституционный правопорядок привержен трактовке прав человека в их воздействии на частноправовые отношения, не связанные с участием государства. Это служит предпосылкой воздействия основных прав на третейскую процедуру. Представление о том, что для выявления юридической природы конституционных прав наиболее существенное значение имеет то, что они опосредуют отношения человека с государством², отражает историческое и цивилизационное значение прав человека. Но это не отменяет и не умаляет ни значения стоящих перед правами человека задач в условиях современного сложноструктурного общества с различными проявлениями власти (зависимости), ни потребности в ограничении произвола сильного против слабого, в том числе в широком частном секторе.

Конституция РФ не обходит вниманием проблему горизонтального эффекта конституционных прав. В ст. 2 Конституции РФ провозглашено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Ст. 2 Конституции РФ имеет отправное значение для всего конституционного регулирования, конституционного строя. Ценность, которая придана в данном случае правам человека, имеет адресатом не только государство, но и гражданское общество, которое также в полной мере связано верховенством Конституции РФ, заложенными в ней целями, ценностями, нормами.

Права человека объявляются при этом непосредственно действующими (ст. 18 Конституции РФ). Подлежат судебной защите независимо, в

¹ К основаниям для пересмотра (отмены) решения третейского суда отнесены следующие случаи: 1) решение получено путем подкупа, обмана или незаконным образом; 2) имелась очевидная заинтересованность или подкуп, или одновременно оба; 3) присутствовала вина арбитров, выразившаяся в неправомерном отказе по отложению слушаний после представления им для этого достаточных оснований, или в отказе от рассмотрения доказательств, имеющих существенное значение, или в ином таком нарушении прав любой из сторон; 4) превышение арбитрами полномочий или реализация их ненадлежащим образом, не позволяющим считать, что вынесено окончательное и четкое решение. http://r-ilc.ru/sites/default/files/federalnyy_arbitrazhnyy_akt_ssha.pdf (дата обращения: 17.02.2020)

² Чепурнов А.А. Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 8.

частности, от материальной сферы отношений, в которых состоялось нарушение основных прав или возникли препятствия для их реализации. Это соотносится с требованием ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая раскрывает роль прав человека как предела действий в отношениях частных лиц. Принцип равенства (ст. 19 Конституции РФ) также предполагает равное признание и уважение прав субъектов правоотношений, находящихся в одинаковых или сходных условиях, и это требование является одним из базовых для всей системы гражданского общества. Наконец, ч. 2 ст. 15 Конституции РФ связывает требованием соблюдения Конституции РФ не только субъектов публичной власти, но и граждан и их объединения. Согласно позиции КС РФ обязанность соблюдения конституционных прав в полной мере распространяется на общественные объединения¹.

Нельзя не согласиться поэтому, что доктрина горизонтального эффекта конституционных прав является релевантной российской системе правовой иерархии, органичная логика которой ставит ценность прав человека на вершину, к которой устремлены и которую подкрепляют собой все отрасли². Конституционный правопорядок служит выражением гражданского общества, и субъекты, его образующие, не могут быть не связаны как основными правами, выражающими общую меру свободы, так и непосредственно участвующими в определении этой меры ценностно-целевыми, принципными и иными основами конституционного строя³.

Рассматривая вопросы связанности третейского разбирательства правами человека в свете концепции «отказа от основных прав», нужно высказать принципиальное суждение. Конституционное понимание основных прав связано с их неотчуждаемым характером (ч. 2 ст. 17

¹ См.: абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 5 февраля 2009 г. № 247-О-О // Вестник КС РФ. 2009. № 5; абз. 4 п. 2.2 мотив. части Определения КС РФ от 6 марта 2013 г. № 324-О // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1745.

² Бергер А.Ю. Сравнительно-правовой анализ действия конституционных прав и свобод человека и гражданина в частном праве Германии и России // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1.

³ Джагарян А.А. Горизонтальный конституционализм: основания и перспективы // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы. Сборник материалов международной научной конференции 16-18 марта 2017 г. / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Авакьян. М.: Проспект, 2017. С. 47-53.

Конституции РФ). Стало быть, основные права неумолимы, от них нельзя отказаться. Отказ от основного права ничтожен.

Избрание третейской процедуры предполагает, что стороны отказываются от реализации, а не от самого права на судебную защиту, тем более, не от других прав, как раз подлежащих защите. Обращение к третейской процедуре не лишает возможности прибегнуть к государственному правосудию в связи как с необходимостью принудительного исполнения третейского решения, так и для защиты от произвола при наличии нарушений публичного порядка, существо которого характеризуют в том числе объективные пределы реализации частных интересов, задаваемые конституционными правами. Примечательна позиция Конституционного Суда Латвийской Республики (решение от 17 января 2005 г., дело № 2004-10-01): «контроль за третейскими судами сконцентрирован на стадии выдачи исполнительного листа... и считается достаточным средством по крайней мере для обеспечения соблюдения основных прав. В связи с этим на судах... лежит вытекающая из Конституции и международных норм по правам человека обязанность отказать в выдаче исполнительного листа, если в процессе третейского суда не соблюдены основные права, от использования которых лицо не отказалось»¹.

Но и в том случае, если решение третейского суда в силу приданного ему сторонами окончательного характера не подлежит проверке государственным судом, это не избавляет третейский суд от необходимости соблюдать конституционные права как непосредственно действующие. В силу ст. 2 и 18 Конституции РФ третейский суд не может давать защиту интересам, реализация которых влечет нарушение конституционных прав, и если не государственный контроль, то репутация и авторитет третейского суда должны быть стимулом к соблюдению конституционных установлений. При этом, поскольку осуществление одних конституционных прав не может

¹https://www.satv.tiesa.gov.lv/web/viewer.html?file=/wp-content/uploads/2004/05/2004-10-01_Spriedums_ENG.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

зависеть от осуществления других, нельзя обусловливать вступление в правоотношения согласием на третейскую защиту. Это особенно важно, если может быть затруднен доступ к правосудию, а на слабую сторону возложены дополнительные обременения¹.

В целях обеспечения надлежащих гарантий третейской защиты важно дополнить законодательство нормами, в соответствии с которыми: а) при принятии решения третейский суд обязан соблюдать права человека; б) при разрешении споров по российскому праву не допускается ограничение прав, иначе как в случаях, предусмотренных законом; в) при выборе российскими гражданами, организациями в качестве применимого иностранного права не допускается применение норм, снижающих уровень гарантий прав человека по сравнению с Конституцией РФ.

Таким образом, конституционное обоснование третейского суда усиливается через личностное измерение. Будучи традиционным институтом гражданского общества, третейский суд воплощает автономию личности как в реализации своих интересов, так и в урегулировании способа их защиты, составляет естественное право. Умолчание о нем в Конституции РФ – квалифицированное, отражает примат «негативного» подхода к его закреплению (идея невмешательства) и не ставит под сомнение его статус основного права. Этим не исключается необходимость учета: а) публичных (общественно-политических) аспектов этого права, связанных с категорией демократического «участия» и относящихся в основном к организационной форме его реализации; б) позитивных обязанностей государства по его гарантированию. При этом право на третейскую защиту служит гарантией других прав, а их соблюдение для третейского суда обязательно. Доктрина третейского отказа от основных прав противоречит их неотчуждаемости, их фундаментальные нарушения подлежат устранению через государственную (судебную) защиту.

¹ См.: абз. 2 п. 4 мотив. части Определения КС РФ от 4 октября 2012 г. № 1831-О // Вестник КС РФ. 2013. № 2.

ГЛАВА 2. КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§1. Развитие правовой основы третейской защиты: проблемы соотношения и государственного регулирования и саморегулирования

Для конституционного обоснования третейского суда самостоятельное значение имеют вытекающие из Конституции РФ требования, предъявляемые к текущему правовому регулированию третейских отношений, его характеру, методологии, субъектам и иным подобным моментам. В своих основных параметрах особенности правового регулирования третейских отношений определяются конституционной природой третейского суда, соотношения в ней частных и публичных начал, характеристиками принадлежности к системе гражданского общества и вовлечением в реализацию публичных функций.

Конституционное понимание третейского суда как института гражданского общества в увязке с закреплением права на третейскую защиту через охват «негативным» правом на самозащиту «всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) предполагает существенную роль в регламентации третейских отношений инструментов саморегулирования. Третейская защита не требует подробного регулирования законом, а должна основываться на приоритете правовой автономии, т.е. признании широкой степени самостоятельности в определении форм, методов, средств, процедур ее реализации¹.

¹ В данном случае представляет интерес сформулированная КС РФ применительно к сходным вопросам правовая позиция, в силу «отношения... в сфере частной жизни... не могут быть подвергнуты интенсивному правовому регулированию и необоснованному вмешательству...». См.: абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 13 января 2020 г. № 1-П // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision447466.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

Правовая автономия как главная характеристика регулирования третейских отношений определяется двуедиными основаниями.

Во-первых, это вытекающий из ст. 8, 34 и 35 Конституции РФ принцип свободы договора, предполагающий, что граждане, организации, действуя добросовестно, свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и определении любых не противоречащих законодательству условий договора, которые должны быть разумными, справедливыми (в том числе соответствовать действительному экономическому смыслу соглашения)¹. Принцип свободы договора (диспозитивности), согласно позиции КС РФ, распространяется и на процессуальные отношения, в том числе третейские, поскольку в их основе лежит соглашение о том, что стороны (частные лица) доверяют защиту своих прав избранному им составу третейского суда и признают его решения (абз. 3 п. 3.1 мотив. части Постановления от 26 мая 2011 г. № 10-П). Диспозитивность относительно процессуальных средств защиты, присущая частным лицам, охватывает как таковая все вопросы организации и ведения третейского разбирательства, поскольку стороны правомочны урегулировать возникший между ними спор в полной мере самостоятельно, не прибегая для этого к услугам с чьей-либо стороны и, следовательно, определяя напрямую, в соглашении между собой организационные, процедурные, материальные и иные аспекты третейского разбирательства. Возможна и наиболее востребована на практике с учетом минимизации организационных издержек другая ситуация, при которой третейское соглашение достигается по поводу обращения в одно из существующих арбитражных учреждений. Заключая такое соглашение и реализуя право на свободу договора, констатировал КС РФ, стороны добровольно соглашались подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда².

¹ См.: абз. 7 п. 2.3 мотив. части Постановления КС РФ от 21 декабря 2018 г. № 47-П // СЗ РФ. 2018. № 53 (Ч. II). Ст. 8796.

² См.: абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 29 мая 2019 г. № 1433-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision409790.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

Во-вторых, правовая автономия регулирования третейских отношений определяется также вытекающим из ст. 1 (ч. 1), 3 (ч. 1), 13 (ч. 4), 30 и 32 (ч. 1) Конституции РФ принципом самоуправления действующих в сфере гражданского общества объединений и организаций, правомочных в рамках закона решать вопросы внутреннего устройства, организации и процедурного порядка деятельности (ст. 3, 15 Федерального закона «Об общественных объединениях»). Свобода деятельности объединений, каковыми являются и арбитражные учреждения, создаваемые в структуре некоммерческих организаций, предполагает самостоятельность в установлении правил такой деятельности, которые бы в наибольшей степени отвечали ее характеру, целям, задачам и позволяли бы, по мнению участников, наилучшим образом при оптимальных затратах достичь желаемого для них результата общественного взаимодействия. Соответствующие правила, принимаемые в арбитражном учреждении, имеют сложный, комплексный характер, поскольку направлены на решение как внутриорганизационных, так и процедурно-процессуальных вопросов, которые в любом случае так или иначе затрагивают интересы сторон спора, связаны с осуществлением третейской защиты.

Как видно, правовая автономия, саморегулирование в сфере третейских отношений сочетает в себе признаки договорной и локально-корпоративной нормативной регламентации, которые, однако, проявляются в данной сфере не в чистом виде, а с определенными особенностями, проистекающими из существа третейской защиты. Вместе с тем участие в данной регулятивной сфере одновременно договорных и корпоративных источников ставит проблему их коллизионного соотношения и выбора приоритетов для обеспечения правовой определенности и надлежащего учета интересов носителей соответствующего права. Реализация права на третейскую защиту через предпочтение в пользу обращения к услугам постоянно действующего арбитражного учреждения предполагает не только равенство сторон во взаимоотношениях с данным учреждением (отсутствие властной

субординации), но и наличие у заинтересованных лиц реальной возможности влиять по крайней мере на некоторые наиболее значимые, принципиальные правовые условия проведения третейского разбирательства через самостоятельное установление альтернативных процедурных правил. Принимая во внимание предназначение третейского разбирательства, связанное с обеспечением наиболее оптимального, комфортного для сторон урегулирования споров через их вовлечение в юрисдикционное сотрудничество, саморегулирование, востребованное в третейской сфере для арбитражных учреждений, предполагает широкое применение диспозитивного метода, использование альтернативных, рекомендательных и иных подобных норм.

Само по себе саморегулирование, осуществляемое применительно к постоянно действующим арбитражным учреждениям, характеризуется как общими, присущими любой локальной юридической деятельности признаками (управомоченный, подзаконный характер; ограниченная сфера распространения; круг субъектов, ее осуществляющих; уникальная по предметной направленности сфера общественных отношений, образующих объект воздействия)¹, так и специфическими свойствами. Данный вид саморегулирования, как любой иной, безусловно обеспечивает расширение и углубление демократической основы установления правовых норм, позволяет развивать в правовом регулировании третейских отношений необходимую динамичность, дифференцированность, индивидуализацию и адекватность, имеет корпоративные начала (в частности, по признаку субъекта формирования, каковым выступает некоммерческая организация, создавая арбитражное учреждение) и в том числе внутриорганизационную направленность, предполагает использование не субординационных, а координационных, мягких (обеспечительно-стимулирующих,

¹ Никитенко Ю.М. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 11.

поощрительных) способов воздействия¹. Вместе с тем при оценке правил арбитражного учреждения в соотношении с локальным регулированием нужно учитывать, что в данном случае:

а) не предполагается совпадения субъектов локального правотворчества и реализации (так называемая регулятивная рекурсивность), поскольку правила, действующие в арбитражном учреждении, неизбежно затрагивают третьих лиц – обратившихся за третейской защитой, которые при этом правомочны влиять на установление правил, подлежащих применению в их деле;

б) нормы правил арбитражного учреждения не сводятся по своему характеру к внутриорганизационному регулированию, а имеют выраженное процедурно-процессуальное содержание, рассчитанное на внешнее действие;

в) правила арбитражного учреждения нельзя отождествлять с инструментом конкретизации централизованных законодательных установлений (как это происходит применительно к другим локальным нормам²), поскольку соответствующие отношения изначально строятся на принципах самоуправления, децентрализации и с активным участием наднациональных стандартов (что предполагает использование для их регулирования прежде всего самостоятельного канала правообразования), не сопряжены с существенной асимметрией сторон, которая бы требовала от

¹ О признаках локального регулирования см.: Антонова Л.И. Вопросы теории локального правового регулирования. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1988. С. 14-15; Архипов С.И. Систематизация локальных норм советского права: вопросы теории. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1987. С. 4; Ухина С.В. Локальное нормотворчество (вопросы теории и практики). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 9.

² Рубайло Э.А. Юридическая техника локальных актов: понятие и виды. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9. Уместно оговорить, что в юридической доктрине отсутствует терминологическое единство в отношении определения правовых актов, принимаемых в организации. Так, в отдельных случаях такого рода акты предлагается именовать «внутриорганизационными подзаконными нормативными актами» (Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2015. С. 232). Наиболее же распространенным является термин «локальные нормативные акты». При этом вне зависимости от применяемого термина подзаконный, конкретизирующий, уточняющий характер такого рода актов под сомнение не ставится. Разумеется, правила арбитражного учреждения, как любой другой правовой акт, должны соответствовать закону и в этом смысле несут также подзаконный характер. Но эта характеристика, дающая общее формально-структурное, иерархическое измерение, не может использоваться для описания значения таких актов в системе источников третейского права, где именно саморегулированию должна отдаваться основная, ведущая роль.

законодателя установления разветвленной системы детализированных гарантий по выравниванию правового положения;

г) правила арбитражного учреждения рассчитаны главным образом на осуществление первичного правового регулирования и потому не подпадают под выделяемую для иных видов локального регулирования характеристику остаточной предметности¹.

Все это позволяет с учетом выработанных в доктрине общеметодологических подходов ставить вопрос о возможности выделения самостоятельного режима саморегулирования третейских отношений, который представляет собой специфическую разновидность локального регулирования, состоящую из системы способов правового регулирования, конкретных правовых средств и формируемых типов правового регулирования, посредством которых обеспечивается согласованная реализация функций локального и договорного регулирования третейских отношений применительно к их организационным и процедурно-процессуальным вопросам с учетом особенностей предметно-отраслевой, субъектной и иной специфики рассматриваемых споров².

Имеющие приоритетное значение начала саморегулирования третейских отношений дополняются государственным регулированием. Компетенционные основания законодательного воздействия на третейские отношения определяются положениями п. «в», «д», «е», «ж», «л» и «о» ст. 71 и п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. Как подчеркивается в практике КС РФ, обращение частных лиц к третейскому разбирательству связано с разрешением споров посредством общественного саморегулирования, а

¹ См., напр.: *Калюжнов Е.Ю.* Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

² Обоснование категории режима локального правового регулирования см.: *Пряженников М.О.* Локальное регулирование в сфере труда: теоретико-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 7-8.

публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства¹.

Третейская защита, как альтернатива государственному правосудию, должна быть не менее эффективной. Поэтому стандарты, применяемые в этой сфере, должны обеспечивать достаточную определенность, понятность, предсказуемость и справедливость третейской процедуры, ее соответствие общим фундаментальным принципам правосудия. Лица, прибегнувшие к третейской защите, рассчитывают пользоваться в ходе ее осуществления более широкой свободой в распоряжении процессуальными возможностями, в том числе путем прямого участия в урегулировании значимых для них правил, относящихся к данной процедуре. Введение даже диспозитивных законодательных норм, определяющих неоптимальные для сторон условия, может создавать риски для эффективности третейской защиты, поскольку требует от сторон проявления достаточной (особой) степени осмотрительности при составлении арбитражного соглашения. В то же время не менее важным с точки зрения правового комфорта и юридической безопасности при пользовании третейской защитой является обеспечение разумной полноты законодательного регулирования, которое бы не оставляло поводов для разногласий и сомнений по тем влияющим на качественное достижение целей третейского разбирательства вопросам, в решении которых в доктрине и практике третейской защиты достигнут консенсус. При этом законодатель правомочен с учетом конкретных условий правового развития общества, его правовой культуры, уровня конфликтности и т.п., существующей нагрузки на государственные суды, определять и перераспределять компетенцию во взаимоотношениях между третейскими и государственными судами, с разной степенью конкретности подходить к установлению механизмов содействия и контроля в отношении арбитражных учреждений и третейских судов. Это – с одной стороны.

¹ См.: абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 22 декабря 2015 г. № 2964-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision220818.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

С другой – для обоснования государственного регулятивного воздействия на третейские отношения нельзя оставлять без внимания следующую правовую позицию КС РФ. Законодатель, учитывая необходимость согласования частной экономической инициативы с потребностью в предоставлении определенного объема публично значимых услуг должного качества, вправе предъявлять к субъектам экономической деятельности (а именно таковыми – заметим от себя – являются арбитражные учреждения) конкретные требования и устанавливать механизм контроля за условиями ее реализации, которые отвечали бы критериям соразмерности и пропорциональности государственного вмешательства и обеспечивали бы частное и публичное начала в сфере экономической деятельности¹. Крайне важным является соблюдение разумной меры законодательного участия, которое должно быть гибким, сбалансированным и обеспечительно-гарантирующим по своей направленности, укреплять, а не сдерживать развитие автономии третейских отношений, не выходить за пределы допустимого вмешательства в частные дела.

В данном случае могут быть применимы выработанные конституционным правосудием общие критерии и требования, предъявляемые к законодательному регулированию общественных отношений, основанных на диспозитивности, свободе договора. Любые вводимые ограничения должны соответствовать принципу справедливости, быть адекватными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать существо конституционных прав; сама же возможность ограничений и их характер должны обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, в том числе

¹ См.: абз. 4 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2311; абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 397; абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 16 июля 2018 г. № 32-П // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4810.

прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство – обеспечивать частное и публичное начала в конкретной сфере деятельности¹.

Действующее законодательное регулирование третейских отношений носит рассредоточенный, дезинтегрированный характер и осуществляется с участием норм различной отраслевой принадлежности. Основные специальные статусные нормы, относящиеся к третейским судам, содержатся в Законе об арбитраже, Федеральном законе «О третейских судах в Российской Федерации»², Законе РФ «О международном коммерческом арбитраже». Эти законоположения дополняются нормами процессуального законодательства, которые регулируют (в том числе в порядке конкретизации названных законов) состав и пределы компетенции третейских судов, их взаимоотношения с государственными судами³.

В регулировании отдельных аспектов третейских отношений задействованы также непрофильные (применительно к вопросам юрисдикционной защиты) законы в сфере материального права, в которых уточняются вопросы компетенции, материальных и налоговых аспектов осуществления третейской защиты, создания третейских судов в отдельных отраслях экономики, общественной жизни⁴. К ним примыкают специальные законы, регулирующие смежные способы защиты права в их соотношении с третейской защитой⁵.

¹ См.: абз.1 п. 5 мотив. части Постановления КС РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 39; абз. 3 п. 2.1 мотив. части Постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697; абз. 1 п. 4.1 мотив. части Постановления КС РФ от 16 июля 2018 г. № 32-П // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4810.

² С 1 сентября 2016 года нормы данного документа не применяются, за исключением арбитража, начатого и не завершенного до дня вступления Федерального закона об арбитраже.

³ См.: ст.3 (ч.3), 13 (ч.5), 22 (п.5-7 ч.1), 22.1, 30.1, 54, 63.1, 134 (п. 3 ч.1), 135 (п.5 ч.1), 139 (ч.3), 150 (п.5 ч.1), 220, 222, 333 (ч.3), 416, 417, гл.46, 47 и 47.1 ГПК РФ; ст. 4 (п. 5 и 6), 31, 33, 38 (п. 8.1, 9 и 9.1), 56 (п.5.2), 62 (п.2), 74.1, 90 (п.3 и 4), 92 (п.5), 127.1 (пп.3 п.1), 135 (пп.2 п.1), 148 (пп.1, 5 и 6 п.1), 150 (пп.3 п.1), 225.1 (п.2-5), гл.30 и 31 АПК РФ.

⁴ Например, п. 2 ст. 64 ЗК РФ, ч. 13 ст. 55.6, ч. 7 ст. 55.7, ч. 3 ст. 55.15 ГрК РФ, пп. 16.1 п. 2 ст. 149 НК РФ, ст. 36.2, 36.3, 36.4 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», п. 5 ч. 7 ст. 17, ч. 4 ст. 24 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», п. «т» ч. 1 ст. 12 и ч. 5 ст. 15 Закона РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации», п. 3 ст. 9, ч. 2 ст.12, ст. 16 Федерального закона «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края», п. 4 ч. 5 ст. 15 Федерального закона «О национальной платежной системе»).

⁵ Например, ч. 6 ст. 1, ст.4, ч. 2 и 3 ст. 7, ч. 3 и 4 ст.12 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 19 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг».

Формально-структурная неоднородность правового массива, регулирующего третейские отношения, может быть объяснена их комплексным, многоплановым характером, наличием особенностей реализации третейской защиты применительно к внутренним и внешним спорам, а также в зависимости от конкретной предметной сферы реализации спорных правоотношений. Конституция РФ прямо не упоминает третейское разбирательство в качестве самостоятельного предмета или элемента более общей предметной сферы правотворческой деятельности. Но и не оставляет законодателя без ориентиров, в соответствии с которыми должна выстраиваться общая логика правового регулирования третейского суда.

Эффективность третейского суда как альтернативного и рассчитанного на окончательность способа урегулирования споров предполагает, что нормативные условия обращения к этому способу защиты права должны устанавливаться с учетом необходимости минимизации возможных коллизий и конфликтов по поводу его использования и последствий в соотношении как с государственными, так и иными альтернативными способами защиты, а также в связи с внутренней непротиворечивостью, объективностью и достоверностью самой третейской процедуры. Доверие к третейской процедуре и связанный с обращением к ней правовой комфорт для сторон – как главные определяющие факторы укоренения и развития данного способа защиты права – предполагают, по меньшей мере:

— преимущественно общее, принципиальное урегулирование законодателем основных вопросов третейской защиты, касающихся взаимоотношений сторон, арбитров, арбитражного учреждения и некоммерческой организации, создавшей данное учреждение. Как следует из практики конституционного правосудия, Конституция РФ, учитывая отраслевой принцип построения российской правовой системы, ориентирует, среди прочего, на принятие общих по своему характеру законодательных мер по вопросам деятельности государственных органов и негосударственных

институтов, призванных осуществлять публичную юридическую деятельность в целях охраны и защиты прав и свобод граждан¹;

— обеспечение разумного баланса диспозитивного и императивного методов правового воздействия и сочетания частных и публичных интересов. Обращаясь к сходным вопросам функционирования юрисдикционной системы, связанным с конституционными основами правового регулирования оказания юридической помощи, КС РФ исходил из того, что законодатель, имея достаточную свободу усмотрения в выборе конкретной модели правового регулирования, не должен оставлять субъектов соответствующих правоотношений без надлежащих гарантий реализации, соблюдения и защиты их прав и создавать условия, при которых усмотрение в сфере общественного, договорного регулирования было бы столь широким, что могло бы поставить под сомнение надлежащее функционирование институтов правосудия²;

— обеспечение определенности, согласованности и непротиворечивости в вопросах о нормах права, применимых к регулированию третейских отношений, в том числе с учетом комплексного, сложносоставного характера таких отношений;

— наличие надлежащих законодательных гарантий самостоятельности как арбитражных учреждений, так и арбитров, исключающих оказание на них любого произвольного внешнего влияния, способного причинить ущерб достижению целей правосудия, и одновременно не могущих становиться некоей личной привилегией, открывающей простор для безнаказанных злоупотреблений и произвола.

Создание наиболее адекватных, определенных и непротиворечивых правовых условий функционирования и развития третейского суда, как самостоятельного способа защиты права, отграниченного от других таких

¹ См.: абз. 1 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 8 декабря 2011 г. № 1714-О-О // Вестник КС РФ. 2012. № 3; абз. 2 п. 2.1 мотив. части Определения КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2753-О // Вестник КС РФ. 2015. № 2.

² Постановление КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П // СЗ РФ. 2007. № 6. Ст. 828.

способов государственного и негосударственного характера и строящегося в рамках отдельного режима правового регулирования, основанного как на принципе правовой автономии, так и на единстве гарантий справедливой юрисдикционной процедуры, предполагает необходимость структурного обособления нормативной регламентации третейских отношений в отраслевой системе законодательства и достаточно высокий уровень систематизации правового регулирования в этой сфере.

Систематизация правового регулирования третейских отношений связана с объективно существующими потребностями: а) очертить четкие границы правовой автономии субъектов третейских отношений в отношениях с публичной властью в целях исключения (сокращения) предпосылок для необоснованного, дискреционного властного вторжения в эту сферу; б) обеспечить комплексное, согласованное нормирование всех их существенных правовых аспектов; в) сформировать принципиально общую, защищенную от возможных интерпретационных искажений систему гарантий надлежащей реализации третейской процедуры; г) минимизировать предпосылки для внесения структурно рассогласованных, противоречивых изменений в законодательное регулирование третейских отношений, чего трудно достичь в условиях их подчиненности нормативным актам различной отраслевой принадлежности, тем более имеющим кодифицированный характер, собственные системы основных принципов, целей, задач регулирования.

Несистематизированный характер существующего правового регулирования третейских отношений приводит к возникновению конституционно-дефектной пробельности и коллизионности в правотворчестве и правоприменении и создает предпосылки для нарушения конституционных прав, связанных с обращением к третейской защите.

Действующий ключевой закон в сфере третейских отношений – Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», – хотя и является, безусловно, специальным, вместе

с тем объективно не рассчитан на статус базового, системообразующего нормативного акта в данной сфере. Как прямо следует из названия, Закон направлен на регулирование прежде всего процедуры рассмотрения дела в третейском суде, поскольку под «арбитражем (третейским разбирательством)» в Законе понимается «процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)» (п. 2 ст. 2). В плане юридико-технического обеспечения систематизации регулирования третейских отношений вновь избранный законодателем подход – шаг назад в сравнении с ранее действовавшим законодательством, которое выстраивалось вокруг категории третейского суда, рассматриваемой интегрально (в единстве различных характеристик). При отсутствии же в новом Законе специального уточнения об установлении «основ», «основных принципов» в конкретной сфере, предполагается, судя по всему, направленность на осуществление довольно подробного, всеобъемлющего процедурного регулирования (что, впрочем, реальному содержанию акта не соответствует).

Важнее в формально-юридическом плане то, что Закон об арбитраже не содержит положений, которые бы закрепляли требования соответствия этому Закону других нормативных правовых актов в области регулирования третейских отношений. В частности, четко не определены коллизионные связи норм этого Закона с нормами гражданского законодательства, с одной стороны, и процессуального – с другой. Один из определяющих статусных признаков третейского суда – компетенционный, закрепляется в Законе об арбитраже через бланкетные нормы, отсылающие к процессуальному законодательству (ст. 33 АПК РФ, ст. 22.1 ГПК РФ) и при наличии возможности вносить компетенционные корректировки через другие отраслевые законы. В итоге с учетом охвата различных сторон третейских отношений нормами разных отраслевых законов неопределенность, коллизии возникают уже на уровне понимания природы отдельных конкретных институтов в третейской сфере (арбитражного соглашения;

администрирования арбитража; рекомендованного списка арбитров и статуса лица, включенного в данный список и др.).

Так, например, при отсутствии в Законе об арбитраже норм, определяющих право, подлежащее применению к отношениям сторон и арбитражного учреждения в связи с организацией рассмотрения спора в третейском суде, неясно: а) должны ли эти отношения быть подчинены правилам договора возмездного оказания услуг, либо б) необходимо применять по аналогии законоположения, касающиеся сходных правовых институтов гражданского судопроизводства, или же в) законодателем предполагается в данном случае вся полнота саморегулирования.

С точки зрения природы третейских отношений приоритет саморегулирования, как уже говорилось, является предпочтительным. Но это не снимает вопроса о рамках, условиях и критериях его реализации, исключающих произвол. Отношения, связанные с организацией рассмотрения обращения в третейский суд, имеют в том числе имущественный, возмездный характер, предполагают оплату мер по организации такого рассмотрения. И если законодатель не ограничивает пределы усмотрения по установлению в порядке саморегулирования соответствующих правил администрирования арбитража, арбитражное учреждение оказывается в преимущественном положении, имея возможность вводить целесообразные правила в одностороннем порядке. Лица же, обратившиеся в третейский суд за защитой, становятся уязвимыми.

К примеру, неблагоприятные финансовые последствия любых просчетов, ошибок, упущений, допущенных арбитражным учреждением при работе с обращением в третейский суд, которые впоследствии порождают препятствия для рассмотрения дела по существу, могут быть переложены на заявителя (в виде самостоятельного решения арбитражным учреждением вопроса о том, необходимо ли и в каком размере возвращать уплаченный арбитражный сбор). В условиях действующего регулирования такая

возможность не ставится под сомнение на практике (например, определение КС РФ от 29 мая 2019 г. № 1433-О).

Между тем, принцип верховенства права исключает неограниченную, произвольную дискрецию любого субъекта при реализации возложенных на него организационно-распорядительных, юрисдикционных функций, тем более если речь идет о неких формах реализации юридической ответственности. В противном случае возникает угроза нарушения требований справедливости, равенства, соразмерности. Стало быть, на законодателя лежат позитивные обязательства по обеспечению надлежащих систематизированных нормативно-правовых оснований взаимоотношений заинтересованных лиц с арбитражным учреждением, чтобы исключалось неограниченное усмотрение самого такого учреждения или некоммерческой организации, его создавшей.

Сходная по предпосылкам возникновения правовая неопределенность существует и в связи с реализацией права на судебную защиту от незаконных решений, действий, касающихся доступа к деятельности по администрированию арбитража. В соответствии с ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже предусмотрено, что отказ в предоставлении некоммерческой организации права на осуществление функций арбитражного учреждения может быть обжалован в суд. При этом действующее законодательство прямо не определяет, в каком именно процессуальном порядке указанный отказ подлежит судебной проверке. Поскольку одним из существенных критериев разграничения подведомственности дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами является характер спора, надлежащее определение порядка судебного обжалования названного отказа во многом связано с выяснением юридической природы деятельности по администрированию арбитража.

Закон об арбитраже не устанавливает однозначным образом принадлежность такой деятельности к оказанию услуг, но и не исключает такого ее понимания. А некоторые другие законодательные акты содержат

положения в пользу такого подхода (например, п. 16.1 ч. 2 ст. 149 НК РФ говорит об услугах в рамках арбитража; ст. 30.2 Федерального закона «О рекламе», целью которого является развитие рынков товаров, работ, услуг, допускает рекламу деятельности зарегистрированных арбитражных учреждений). В то же время с учетом целеполагания Закона об арбитраже, ориентированного главным образом на регулирование третейской процедуры, которая не относится к предпринимательству (п. 1 ст. 2), содержащихся в нем характеристик администрирования арбитража как осуществления «функций» (п. 3 ст. 2), отсутствие специальных оговорок в этом Законе о существовании деятельности по администрированию арбитража приводит к разнобою в подходах судов по вопросу о компетенции рассматривать указанные дела¹.

Разграничение компетенции между судами – вопрос процессуального права. Но в целом ряде случаев решающее значение приобретают нормы материального права, если и поскольку процессуальное право отсылает к ним как раскрывающим содержательные признаки критериев, используемых для целей определения подведомственности. Подведомственность дел арбитражным судам определяется с использованием объектного признака, каковым является сфера нарушения прав: «в связи осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности». Урегулирование соотношения с этой категорией (критерием) деятельности по

¹ Так, Московский городской суд в определении от 25 декабря 2018 г. № 4га/5-1225/2018 по делу об оспаривании действий (бездействия), связанных с решением вопроса о предоставлении права на осуществление функций арбитражного учреждения, констатировал: «в данном случае спор возник между субъектом экономической деятельности и публичным органом власти, связанный с бездействием такого органа при осуществлении им властных публичных полномочий... исходя из характера спорных правоотношений и их субъектного состава, суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу о неподведомственности заявленного спора суду общей юрисдикции» (<https://www.mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/fa1a1212-dff2-42bc-8f80-f272c0407630> (дата обращения: 17.02.2020)). В свою очередь, Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 18 октября 2019 г. № 09АП-61627/2019 по делу № А40-157872/19 по такому же спору установил: «деятельность ПДАУ связана с организационным обеспечением арбитража, расходы по которому возлагаются на участника третейского разбирательства. Оснований для вывода о том, что деятельность ПДАУ имеет цель извлечения прибыли, носит экономический характер, не имеется... С учетом изложенного... требования не подлежат рассмотрению в арбитражном суде» (http://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/aa88878b-0567-4acd-ad88-97a8e561ed36/44380eb6-928b-4fa0-be93-574c6d2fa7b1/A40-157872-2019_20191018_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 17.02.2020)).

администрированию арбитража – задача уже не процессуального права, а Закона об арбитраже, который ее не решает. Как следствие, ставится под сомнение относящееся к основным содержательным характеристикам судебной защиты право рассмотрение дела надлежащим судом (ст. 47 Конституции РФ).

Все это свидетельствует в пользу конституционной обоснованности систематизации правового регулирования третейских отношений и движения, в конечном итоге, в направлении осуществления идеи о кодификации российского законодательства о третейском суде¹.

При реализации этих задач в контексте обозначенных общих подходов, касающихся соотношения, взаимосвязей в рамках режима правового регулирования третейских отношений начал саморегулирования и государственного регулирования, нельзя оставлять без внимания конструктивный потенциал, который может быть привнесен в нормирование третейской сферы через стимулирование, активизацию обращения к этическим нормам. Профессионально-этические начала в правовых режимах, основанных на широком участии инструментов саморегулирования, обосновываются невозможностью законодательно охватить все нюансы поведения в рамках профессиональной деятельности, соблюдением пределов государственного вмешательства в общественную жизнь и в особенности в нравственно-этическую сферу общества, особой потребностью конкретнее, четче очертить границы правомерного поведения для отдельных видов профессиональной деятельности, которые характеризуются чрезвычайно широким простором субъективного усмотрения². КС РФ в своей практике (в частности, применительно к адвокатуре) подчеркивал, что возложение законом на лицо, вовлеченное в реализацию функций в сфере правосудия, обязанности соблюдать нормы профессиональной этики направлено на

¹ *Виноградова Е.А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 31.

² *Малиновский А.А.* Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39, 40.

обеспечение комплектования соответствующего корпоративного образования квалифицированными специалистами, обладающими высокими профессиональными и морально-нравственными качествами¹.

В настоящее время инструменты этико-профессионального регулирования не востребованы в российской третейской сфере, тогда как в зарубежной практике они применяются с тенденцией к укреплению, развитию. В качестве примеров можно привести Кодекс этики арбитров в коммерческих спорах, разработанный Американской ассоциацией адвокатов и применяющийся с 1977 г.², Этические стандарты для нейтральных арбитров в договорном арбитраже, принятые Судебным советом Калифорнии в 2002 г.³, Этический кодекс арбитров Сингапурского международного арбитражного центра (SIAC)⁴, Этический кодекс для арбитров, подготовленный Центральным управлением электроэнергетики Индии⁵.

Для развития этического саморегулирования профессионального третейского сообщества представляется важным в Законе об арбитраже оговорить обязанность арбитра соблюдать требования, содержащиеся в этических стандартах, формирование и утверждение которых может быть возложено на Совет по совершенствованию третейского разбирательства.

В рамках реализации задач по систематизации правового регулирования в третейской сфере особое внимание следует уделить развитию федеративных начал в этой сфере. В ходе рассмотрения принятого Государственной Думой Закона об арбитраже правовое управление Аппарата Совета Федерации констатировало, что этот закон регулирует отношения, относящиеся к ведению Российской Федерации (п. «а», «в» «о» ст. 71

¹ См. определения КС РФ: от 17 июня 2013 г. № 907-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision134379.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); от 27 марта 2018 г. № 627-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision327448.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

² https://www.americanbar.org/content/dam/aba/migrated/dispute/commercial_disputes.authcheckdam.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

³ https://www.courts.ca.gov/documents/ethics_standards_neutral_arbitrators.pdf (дата обращения: 17.02.2020)

⁴ <http://www.siac.org.sg/our-rules/code-of-ethics-for-an-arbitrator> (дата обращения: 17.02.2020).

⁵ http://www.cea.nic.in/reports/others/hydro/hpm/work_manual_2/arbitration_rules/ethics_code.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

Конституции РФ)¹. Как уже ранее было отмечено, такое понимание предметных основ третейских отношений в конституционной системе разграничения компетенции между уровнями власти является излишне зауженным.

Как показывает анализ законодательной практики, участие субъектов РФ в третейской сфере невелико и характеризуется в основном воспроизведением федеральных норм, предусматривающих возможность третейской защиты по отдельным категориям дел². Само по себе такое воспроизведение не может считаться дефектом юридической техники и конституционного разграничения компетенции между уровнями власти не нарушает³. Более того, можно говорить о реализации таким образом определенного усиления регулятивного воздействия федеральных норм через ценностно-идеологическое, информационно-ориентационное влияние, направленное на признание, практическое утверждение значимости третейской защиты.

В целях ориентации правового поведения граждан, организаций в законодательство субъектов РФ включаются и конкретизирующие нормы рекомендательного характера, призванные стимулировать инициативную деятельность заинтересованных лиц по обращению к третейской защите. В законодательстве Краснодарского края с учетом выраженного аграрного профиля специально оговаривается возможность создания третейского суда для разрешения споров между субъектами оптового рынка

¹ См.: заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации от 17 декабря 2015 г. № 5.1-3302 на проект Федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // <http://sozd.parliament.gov.ru/download/5191778E-184A-487C-BC0F-B22E25AD6448> (дата обращения: 17.02.2020)

² См., напр.: ч.3 ст. 18 Закона Республики Северная Осетия-Алания от 4 декабря 1998 г. № 26-3 (в ред. от 3 июня 2017 г.) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» // Северная Осетия. 1999. 5 окт.; ч. 2 ст. 14 Закона Республики Дагестан от 9 октября 1996 г. № 18 (в ред. от 6 июня 2014 г.) «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2003. № 12. Ст. 926; ч.3 ст. 34 Закона Краснодарского края от 10 октября 1997 г. № 101-КЗ (в ред. от 11 ноября 2019 г.) «О недропользовании на территории Краснодарского края» // Кубанские новости. 1997. 29 окт.

³ См.: абз. 5 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 7 октября 2005 г. № 342-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33022.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

сельскохозяйственной продукции¹. В законодательстве Томской области и Санкт-Петербурга о государственно-частном партнерстве сделан акцент на возможности включения в соответствующие соглашения о партнерстве условия о разрешении связанных с ними споров в третейской процедуре². Для популяризации третейской защиты законодатель Нижегородской области отнес к компетенции регионального Уполномоченного по защите прав предпринимателей информирование о возможности использования субъектами предпринимательства альтернативных способов урегулирования спорных ситуаций, в частности третейского разбирательства³.

В некоторых субъектах РФ предусмотрено отнесение услуг по юридическим консультациям и представительству в третейском разбирательстве к перечню услуг и сервисов, которые рекомендованы к организации предоставления в созданных этими субъектами РФ центрах оказания услуг для бизнеса⁴.

В связи с закрепленным в федеральном законодательстве правом торгово-промышленных палат учреждать третейские суды (п. «т» ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации») потенциальной формой общего содействия развитию третейской защиты могут служить меры региональной поддержки, вводимые для соответствующих палат. То обстоятельство, что в настоящее время

¹ См.: ст. 24 Закон Краснодарского края от 1 июля 2008 г. № 1511-КЗ (в ред. от 25 июня 2015 г.) «Об оптовых сельскохозяйственных рынках» // Кубанские новости. 2008. 10 июля.

² См.: п. 24 ч. 2 ст. 10 Закона Томской области от 17 декабря 2012 г. № 234-ОЗ (в ред. от 29 декабря 2016 г.) «О государственно-частном партнерстве в Томской области» // Собрание законодательства Томской области. 2012. № 12/2. Ч. 1; п. 27 ч.2 ст. 7 Закона Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 г. № 627-100 (в ред. от 18 октября 2019 г.) «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2007. № 2.

³ См.: п. 15 ч. 1 ст. 13 Закона Нижегородской области от 8 ноября 2013 г. № 146-З (в ред. от 26 декабря 2018 г.) «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2013. 22 ноябр.

⁴ См.: п. 32 Приложения № 2 к постановлению Совета министров Республики Крым от 17 августа 2018 г. № 390 (в ред. от 2 сентября 2019 г.) «О создании на территории Республики Крым центров оказания услуг для бизнеса» // <https://rk.gov.ru/uploads/main/attachments/documents/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/5b7681119397c8.38830989.pdf?1.0.19> (дата обращения: 17.02.2020); п. 56 Рекомендуемого перечня услуг и мер поддержки для организации предоставления в центрах оказания услуг для бизнеса, утв. постановлением Правительства Республики Тыва от 30 марта 2018 г. № 140 «О создании на территории Республики Тыва центров оказания услуг для бизнеса» // <http://docs.cntd.ru/document/446686330> (дата обращения: 17.02.2020)

региональные торгово-промышленные палаты не реализуют предоставленное им право по организации третейской защиты, которая развивается в русле возобладавшей тенденции централизации, свидетельствует в том числе о недостаточных усилиях, предпринимаемых в этом направлении со стороны субъектов РФ, об общем кризисе федеративных отношений, нуждающихся во взаимном подкреплении региональной общественной самоорганизации и институтов публичного властвования.

Представляется, что в Законе об арбитраже должны получить отражение нормы, определяющие состав законодательной основы третейских отношений, в рамках которых следует оговорить полномочия субъектов РФ, муниципальных образований по популяризации и развитию третейской защиты, оказанию поддержки субъектам, осуществляющим ее организационное обеспечение.

Таким образом, следует резюмировать, что сочетанием в конституционной природе третейского суда частных и публичных начал определяется взаимосвязь в этой сфере государственного регулирования и саморегулирования. Приоритет последнего, проистекающий из автономии гражданского общества, не устраняет необходимость законодательных гарантий справедливости третейского разбирательства и защиты от произвола в «квадрате» отношений: стороны, арбитры, арбитражное учреждение и организация, его создавшая. Это предполагает обеспечение формальной определенности регулирования третейских отношений, которые не должны выпадать из правового поля. Имеющиеся противоречия в подходах к определению их предметной принадлежности приводят к нарушению конституционных прав и требуют скорейшего устранения путем последовательного обособления третейского законодательства. Развитие законодательной основы третейских отношений должно происходить также в направлении децентрализации в свете потенциала принципов федерализма и местного самоуправления.

§2. Особенности реализации конституционных принципов правосудия в сфере третейской защиты

Раскрывая конституционные характеристики правовой основы третейских отношений, необходимо уделить особое внимание анализу той роли, которую в этой сфере играют конституционные принципы правосудия.

Смысл третейской защиты сводится к эффективному примиряющему и ориентированному на воспроизводство сотрудничества решению правового спора в процедуре, позволяющей наилучшим образом достичь этих целей и обеспечить доверие к ней со стороны не только самих участников спора, но и общества и государства. Поскольку третейский суд выполняет функции в сфере права и его решения порождают юридический эффект, в том числе в рамках официальных отношений с государством, третейское разбирательство должно удовлетворять критериям правового качества, чтобы его итоги признавались как легальные и легитимные. Принципиальные требования, относящиеся к существу, назначению третейского разбирательства, характеризуют лежащие в его основе идейные и ценностные начала, определяют сохранение идентичности правового института третейского суда, оказывают организующее воздействие на всю систему правового регулирования третейских отношений и практику.

Идеи, отправные начала третейского суда связаны как с широкой степенью свободы, самостоятельности, самоорганизации и правового комфорта заинтересованных лиц, так и одновременно с соблюдением определенных исторически сложившихся и оправдавших себя в цивилизационном плане универсальных процедурно-правовых императивов, от которых зависит получение юридически достоверного решения по делу. В этой связи в доктрине обозначена необходимость соблюдения минимальных стандартов справедливости, что предполагает обеспечение при формулировании правил арбитражного разбирательства и их применении положений, позволяющих гарантировать общепризнанные стандарты

справедливого судебного разбирательства, – соблюдение таких стандартов предлагается рассматривать в качестве критерия признания третейского суда допустимым элементом правовой системы конкретной страны¹.

Базовый стандарт справедливости, связывающий третейский суд, характеризует достигнутый глобальный консенсус по поводу наиболее общих обязательных правил, предъявляемых к любой юрисдикционной процедуре, и относится к основам конституционного правопорядка. В соответствии с позицией Европейского Суда по правам человека, заслуживает название суда орган, отвечающий ряду требований: независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе, продолжительность мандата членов суда, гарантии судебной процедуры – многие из этих требований фигурируют в самом тексте п. 1 ст. 6 Конвенции². КС РФ в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П, опираясь на выработанный Европейским Судом по правам человека подход, согласно которому в качестве суда может рассматриваться не обязательно суд классического типа, встроенный в стандартный судебный механизм, но и иной орган «при неизменном условии, что им соблюдаются необходимые гарантии», резюмировал: в отношении третейской процедуры должно обеспечиваться «наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству в силу требований статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (абз. 10-11 п. 3 мотив. части). В дальнейшем Суд неоднократно подчеркивал то, что принцип справедливого судебного разбирательства «распространяется на третейское разбирательство так же, как и на разбирательство в государственном суде»³.

¹ См.: *Комаров А.С.* Основополагающие принципы третейского суда // *Вестник ВАС РФ.* 2001. № 4. С. 91-92; *Ярков В.В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. С. 483.

² ECtHR. *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium*. Applications no. 6878/75, 7238/75. Judgment of 23 June 1981. § 55.

³ См.: абз. 1 п. 3.2 мотив. части Определения КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135992.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); абз. 4 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 27 марта 2018 г. № 744-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision327883.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

Связанность третейского разбирательства требованиями справедливого судебного разбирательства находит подтверждение в практике органов конституционного контроля зарубежных стран. Конституционный Суд ЮАР полагает, что хотя ст. 34 Конституции ЮАР, закрепляющая право на доступ к судам, не применяется к частным арбитражам напрямую, тем не менее содержащееся в ней указание на справедливое разбирательство связывает третейскую процедуру, тем более что всегда требовалось проводить третейские разбирательства справедливо; в целом Конституция имеет отношение к третейской процедуре, по крайней мере, в том смысле, что третейское соглашение, противоречащее «публичному порядку в свете конституционных ценностей» является ничтожным¹. Мнения же отдельных судей Конституционного Суда ЮАР более решительные: предлагается рассматривать арбитра как лицо, осуществляющее квазисудебные функции («*duty to act in a quasi-judicial capacity*»), исходить из прямого действия ст. 34 Конституции ЮАР в сфере арбитража².

Конституционный Суд Республики Эквадор считал возможным даже осуществление конституционного контроля над актами третейских судов, если существуют веские основания полагать о допущенных третейским судом и неустраняемых в иной процедуре нарушениях надлежащего судебного разбирательства или других конституционных прав³. Единственный смысл данной «чрезвычайной процедуры» контроля Конституционный Суд видит в том, чтобы достичь системы правосудия, основанного на уважении и соблюдении Конституции, а не в том, чтобы сковывать или разрушать действия обычных судей. Сходную прецедентную позицию занял в 2012 г. Конституционный Суд Словацкой Республики (дело № III US 162/2011-34), заявив, что, хотя вмешательство государственного

¹ Constitutional Court of South Africa. Judgment of 20 March 2009, case CCT 97/07 [2009] ZACC 6 // <http://www1.saflii.org/za/cases/ZACC/2009/6media.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

² https://www.uncitral.org/docs/clout/ZAF/ZAF_200309_FT.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

³ Corte Constitucional del Ecuador. Sentencia №123-13-SEP-CC, 19 de diciembre del 2013 // http://portal.corteconstitucional.gob.ec/Raiz/2013/123-13-SEP-CC/REL_SENTENCIA_123-13-SEP-CC.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

суда в третейское разбирательство должно быть сведено к минимуму, тем не менее, существуют определенные основные принципы справедливости, законности и конституционности, закрепленные в Конституции Словакии и Конвенции, которые необходимо соблюдать; если третейским судом допущена очевидная юридическая ошибка и не дано четких и понятных оснований для сделанных выводов, а сторона спора оказалась лишена других средств правовой защиты относительно вынесенного решения, может быть востребован конституционно-судебный контроль¹.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вытекающие из Конституции РФ и Конвенции стандарты справедливого судебного разбирательства могут оказывать на третейские отношения не только прямое, но и своего рода «инверсивное» воздействие. Так, установление обязательности обращения для решения конкретного спора к третейской процедуре по договору, согласованному третьими лицами, влечет, по мнению Европейского Суда, нарушение стандартов справедливого судебного разбирательства (прав на законный суд и на публичное разбирательство)². Тем самым данные стандарты не просто содержательно характеризуют надлежащую третейскую процедуру, а очерчивают правомерные условия и границы ее применения, служат неким разграничителем в соотношении с государственным судопроизводством.

При всем многообразии подходов к пониманию правовых³ и конституционных⁴ принципов можно исходить из того, что конституционные

¹ <http://www.allenoverly.com/publications/en-gb/Pages/Constitutional-Court-undermines-finality-of-arbitral-awards.aspx> (дата обращения: 17.02.2020).

² ECtHR. *Suda v. Czech Republic*. Application no. 1643/06. Judgment of 28 October 2010.

³ См.: *Ершов В.В.* Основополагающие принципы права и принципы российского гражданского права. М.: РАП, 2010; *Захарова К.С.* Системные связи принципов права: теоретические проблемы. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009; *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 346; *Коновалов А.В.* К вопросу о понятии принципов права // *Lex russica*. 2018. № 8; *Сидоркин А.С.* Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Чернобель Г.Т.* Правовые принципы как идеологическая парадигма // *Журнал российского права*. 2010. № 1.

⁴ См.: *Гаджиев Г.А.* Конституционно-правовая аксиология: проблемы согласования конституционных принципов // *Ученые записки юридического факультета*. 2008. № 12; Конституционное право России / под ред. Б.С. Эбзеева. М., 2012. С. 23; Конституционное право Российской Федерации / под общ. ред. Н.В. Витрука, 2010. С. 90; *Арапов Н.А.* К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции // *Петербургский юрист*. 2016. № 1; *Лексин И.В.* «Действительные» и «мнимые»

принципы конкретизируют и развивают общеправовые принципы для целей утверждения достоинства, самоопределения личности человека в условиях социального сотрудничества, для определения оснований и границ власти во избежание допущения произвола. Конституционные принципы, согласно позиции КС РФ, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных и отраслевых прав, носят универсальный характер и оказывают регулирующее воздействие на все сферы отношений; их общеобязательность состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права¹. Они могут иметь непосредственное закрепление в Конституции (эксплицитные принципы) и быть подразумеваемыми (имплицитными), оказывают стратегическое, общесистемное воздействие и одновременно непосредственно регулирующий эффект². Что касается конституционных принципов правосудия, то они носят общепроцессуальный характер, обусловлены существом судопроизводства независимо от его процессуальных форм³, что не исключает, однако, и определенных особенностей их реализации с учетом специфики конкретной сферы правосудия.

Для третейской сферы конституционные принципы, относящиеся к государственному суду, значимы именно в той мере, в какой от них зависит

конституционные принципы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 10; Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2009; 9; Невинский В.В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционных принципов // Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002. С. 194; Постников А.Е. Конституционные принципы и конституционная практика // Журнал российского права. 2008. № 12.

¹ См.: абз. 21 мотив. части Постановления КС РФ от 27 января 1993 г. № 1-П // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 508; абз. 5 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656; абз. 3 п. 3.3 мотив. части Постановления КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П // СЗ РФ. 2007. № 6. Ст. 828; абз. 6 п. 3.3 мотив. части Постановления КС РФ от 20 декабря 2010 г. № 22-П // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 264; абз. 1 п. 6.2 мотив. части Определения КС РФ от 3 июля 2007 г. № 633-О-П // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5642.

² Как подчеркивает Р. Алекси, норма права, в зависимости от ее содержания и порядка реализации, может быть правилом или принципом. См.: Алекси Р. Понятие и действительность права. М., 2011. С. 86-89.

³ См., напр.: Анишина В.И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006; Виноградова С.А. Принципы правосудия как основа судебной деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017; Киселев В.С. К вопросу о классификации конституционных принципов организации и функционирования судебной власти // Государство и право. 2015. № 6; Коротенко В.И. Конституционные принципы правосудия в арбитражном судопроизводстве: теоретико-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006; Ляхова А.И. Принципы процессуального права. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011.

справедливость любого судебного разбирательства, что не предполагает тождественности государственного судопроизводства и третейского. Третейская процедура носит не властно-организованный, а конвенциональный (договорно-согласовательный) и координационный (применительно к функционалу третейского суда) характер, основана на доминантах диспозитивности и самоорганизации как процессуальных эквивалентах экономической свободы. Ввиду этого реализация конституционных принципов правосудия в третейской сфере должна обуславливаться ее спецификой. Отсюда следует также, что имеющие конституционное значение принципы третейского разбирательства не тождественны конституционным принципам судопроизводства в государственных судах, отличаются особенностями (порой существенными) нормативного содержания, в том числе при текстуальном совпадении таких принципов, и при этом к данным принципам не сводятся, не исчерпываются ими, а дополняются иными принципами, через которые выражается оригинальная правовая природа третейского способа защиты.

В свете изложенных обстоятельств конституционные принципы третейского разбирательства можно определить как прямо или имплицитно выраженные в Конституции РФ его наиболее общие нормативно значимые идейно-ценностные начала, которые, будучи основаны на общеюрисдикционных стандартах правосудия и специфике третейского суда как института гражданского общества, обеспечивают эффективное достижение целей третейского разбирательства в условиях справедливой процедуры и доверие к нему сторон спора, общества и государства.

При отсутствии прямого конституционного закрепления принципов третейского разбирательства особая ответственность по созданию условий для их четкого, единообразного, непротиворечивого понимания и применения ложится на законодателя. Именно от него зависит систематизированное изложение данных принципов, конкретизация и развитие их нормативного содержания, создание необходимых общих

гарантий их соблюдения. Анализ законодательства свидетельствует о том, что эти задачи пока не нашли удовлетворительных решений. Безоговорочное распространение на третейский суд в буквальном (не конкретизированном) виде ряда тех же самых принципов, которые действуют в государственном судопроизводстве, при одновременном отсутствии законодательного закрепления в соответствующем качестве (ранге) некоторых важных специфических принципов третейского разбирательства создает предпосылки для искажения третейской процедуры.

В действующей системе регулирования принципы третейского разбирательства получили закрепление в ст. 18 Закона об арбитраже, в которой их выделено пять: независимость и беспристрастность арбитров, диспозитивность, состязательность сторон, равное отношение к сторонам.

Исследуя сходную норму ст. 18 прежнего Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» КС РФ заключил, что в ней перечислены основные принципы третейского разбирательства, относящиеся к числу фундаментальных; при этом в третейском разбирательстве их проявление имеет особенности, обусловленные частной, негосударственной природой третейского суда (абз. 1 п. 3.1 мотив. части Постановления от 18 ноября 2014 г. № 30-П).

Сложившаяся в современных правовых государствах доктрина и практика третейского разбирательства по-разному подходит к определению конкретной номенклатуры принципов третейского разбирательства. Разнятся и методологические приемы их закрепления. При этом традиционным, общепринятым является отнесение к их числу наряду с обозначенными в Законе об арбитраже принципов конфиденциальности, добровольности обращения в третейский суд, автономности (отделимости) арбитражного соглашения, «компетенции-компетенции»¹.

¹ Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. С. 157-168.

Так, Модельный закон о третейских судах и третейском разбирательстве СНГ называет в составе принципов арбитража, помимо упомянутых в Законе об арбитраже, законность и конфиденциальность, а вместо принципа равного отношения к сторонам использует формулу «равноправие сторон» (ч. 1 ст. 5). Сходный состав принципов арбитража дан в ст. 4 Закона Республики Узбекистан от 16 октября 2006 г. № ЗРУ-64 «О третейских судах», но независимость характеризует здесь деятельность третейских судов, а беспристрастность адресована арбитрам¹.

Пространный и дефинитивный (с разъясняющими определениями) перечень принципов деятельности третейского суда содержится в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О третейских судах»².

Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 г. № 488-V «Об арбитраже»³ также использует метод дефиниций. В ст. 5 названы принципы автономии воли сторон, законности, независимости, состязательности и равноправия сторон, конфиденциальности, автономности арбитражного соглашения. Также выделен принцип справедливости, в силу которого «арбитры и арбитражи при разрешении переданных им споров и стороны арбитражного разбирательства должны действовать добросовестно, соблюдая установленные требования, нравственные принципы общества и правила деловой этики».

¹ [https://nrm.uz/contentf?doc=114067_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_16_10_2006_g_n_zru-64_o_treteyskih_sudah_\(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_08_02_2006_g_odobren_senatom_25_08_2006_g_\)](https://nrm.uz/contentf?doc=114067_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_16_10_2006_g_n_zru-64_o_treteyskih_sudah_(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_08_02_2006_g_odobren_senatom_25_08_2006_g_))
(дата обращения: 17.02.2020)

² Среди них: *законность*, означающая, что при разрешении споров третейские судьи руководствуются нормами Конституции, настоящего Закона и иных актов законодательства Республики Беларусь; *независимость* – при разрешении споров третейские судьи независимы, принимают решения в условиях, исключающих какое-либо воздействие на них; *автономия воли сторон* – стороны по предварительному согласованию между собой имеют право самостоятельно решать вопросы, касающиеся порядка третейского разбирательства по возникшему спору; *конфиденциальность* – участники третейского разбирательства не вправе без согласия сторон разглашать сведения, ставшие им известными в ходе третейского разбирательства; *обязательность для сторон решений третейского суда* – стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять решения третейского суда; *окончателность принятых третейским судом решений* – они не могут быть обжалованы в рамках третейского разбирательства; *возмездность деятельности третейских судей* – за свою деятельность по разрешению спора третейские судьи имеют право получить вознаграждение, при том что деятельность третейских судей не является предпринимательской. Кроме того, к принципам отнесены: состязательность и равенство сторон, соблюдение права сторон на юридическую помощь и содействие сторонам в достижении ими мирового соглашения на любой стадии третейского разбирательства.

³ http://online.zakon.kz/document/?doc_id=35110250#pos=3;-184 (дата обращения: 17.02.2020).

В то же время Закон Республики Армения от 22 января 2007 г. № ЗР-55 «О коммерческом арбитраже»¹ вообще не упоминает о принципах арбитража, оговаривая лишь принципы для толкования данного Закона (ч. 1 ст.1).

Различия в определении состава принципов третейского разбирательства не свидетельствует о неоднородности понимания основных, базовых стандартов, на которых должно строиться третейское разбирательство. Вариативность перечней сочетается с практически повсеместным присутствием «ядровых», системообразующих принципов, и служит скорее проявлением их дробления, детализации, обусловлена во многом целями экономической и судебной политики государства. Речь идет о стремлении через воздействие на принципы третейского разбирательства придать определенное стратегическое направление развитию всего института третейской защиты. При этом в рамках обусловленного таким образом казуально-политического формирования структуры принципов третейского разбирательства может происходить как редуцирование общеправовых идей, так и возвеличивание до ранга принципов норм и правил, таковыми не являющихся.

Понятно, например, что законность имеет общеправовое значение и пронизывает всю систему правового регулирования третейских отношений. Квалификация ее в качестве принципа третейского разбирательства, с одной стороны, снижает роль законности, с другой – порождает двусмысленность в отношении сохранения признания приоритета саморегулирования в третейских отношениях. Справедливость, понимаемая в свете стандартов справедливой процедуры, как таковая не является для третейского разбирательства специфической, и в то же время приобретает в этой сфере особое звучание, сопряженное с широким усмотрением участников третейской процедуры, отсутствием жесткой связанности требованиями действующего материального законодательства и сложившейся судебной практики, существенным влиянием нравственно-

¹ <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2887&lang=rus> (дата обращения: 17.02.2020)

этических норм. В третейской сфере справедливость приобретает в первую очередь казуальное значение, требует выявления и оценки в контексте каждого дела и с учетом аргументов, предложенных в обоснование конкретного решения. Автономия воли сторон является одним из аспектов принципа диспозитивности, а автономность арбитражного соглашения характеризует соотношение этого соглашения с основным договором, конкретизирует вопросы прекращения его действия и вообще не может рассматриваться как относящаяся к принципиальным элементам процедурной формы третейской защиты. Возмездность деятельности третейских судов отражает не принципиальное требование, предъявляемое к третейскому способу урегулирования правового спора, а характеризует одно из условий осуществления этого способа. Обязательность для сторон решений третейского суда – атрибутивный признак таких решений, а их окончательность – факультативное свойство, в отношении которого законодатель и заинтересованные лица обладают усмотрением.

Конституционно значимыми самостоятельными принципами третейского разбирательства являются конфиденциальность и компетенция в отношении компетенции («компетенции-компетенции»). Конфиденциальность отражает суть третейского разбирательства, которое строится на доверительных началах, ориентировано на создание максимальной защищенности от разглашения чувствительной производственно-технологической и иной коммерческой информации и частных сведений, а также на минимизацию репутационных рисков. Конфиденциальность как общее правило третейского разбирательства контрадикторна открытости как основному принципу государственного судопроизводства (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ). Гласный характер государственного правосудия определяется его властностью, всеобщностью и связанными с этим такими моментами, как необходимость общественного контроля, с одной стороны, и обеспечение определенности правоприменения, оказание воспитательно-профилактического влияния на субъектов

правоотношений, гарантирование независимости судей – с другой¹. При этом важно учитывать, что конфиденциальность третейской процедуры определяется автономией, диспозитивностью сторон, которые могут от нее и отказаться², и в любом случае не должна служить препятствием для обеспечения публичной доступности в отношении тех юридических и деперсонализированных сведений о третейской процедуре, которые являются значимыми для развития правовой системы и самой третейской защиты.

Крайне существенным является принцип «компетенции в отношении компетенции» третейского суда, позволяющий самим арбитрам решать вопросы о своей компетенции, в частности, когда они касаются существования, юридической силы, действительности, исполнимости соглашения о передаче дела в третейский суд. Данный принцип служит выражением автономии третейского суда как института гражданского общества, обеспечивает его функциональное отграничение и самостоятельность во взаимоотношениях с государством и одновременно гарантирует добросовестное, ответственное поведение сторон. Интересна позиция по этому поводу Конституционного Суда Республики Перу, который в постановлении от 1 декабря 2010 г., дело № 01869-2010-РА/ТС, признал «полную состоятельность принципа “компетенция в отношении компетенции”» как имеющего «огромное практическое значение», поскольку он «позволяет избегать того, чтобы одна из сторон, не желающая обращаться к услугам третейского суда и оспаривающая арбитражные решения и (или) компетенцию арбитров в отношении определенного спора могла прибегнуть к обычному суду путем подачи некоего гражданского или уголовного иска и

¹ См., подробнее: *Анишина В.И.* Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // *Мировой судья*. 2006. № 11; *Аносова Л.С., Агальцова М.В.* Гласность судебных заседаний: российский опыт через призму Европейской конвенции по правам человека // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 3; *Бумагин А.Н.* Принцип публичности (открытости, гласности) судебного разбирательства в конституционном праве России и ряда зарубежных стран: сравнительный анализ // *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 8; *Чаплинский А.В.* Содержание конституционного права на информацию в сфере судебной власти // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 8.

² *Чорновол Е.П., Чельшева Н.Ю.* К вопросу о принципах третейского разбирательства гражданских дел // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2013. № 3.

тем самым попытаться перенести спор в сферу полномочий судебных органов общей юрисдикции»¹.

Основные, получившие закрепление в Законе об арбитраже, принципы третейского разбирательства буквально воспроизводят по существу конституционные принципы правосудия. Специфика их нормативного содержания для данной сферы законодателем не определена.

Принцип независимости и беспристрастности арбитров коррелирует с ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, согласно которой судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону². Независимость судей имеет подчиненное отношение к более важной конституционной цели обеспечения беспристрастности, объективности и справедливости правосудия³. Особенности этого принципа в третейской сфере подробно обоснованы в Постановлении КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П.

Из мотивировочной части Постановления следует:

— принцип независимости и беспристрастности арбитров «производны от требований к судьям государственных судов, аналогичны и подходы к основополагающим гарантиям их деятельности, направленным на обеспечение реализации... права на справедливое разбирательство дела» (абз. 3 п. 3.1);

— независимость арбитра двунаправленная: а) от организации, являющейся учредителем третейского суда; б) от сторон спора (отсутствие трудовых, гражданских, иных правоотношений); беспристрастность же обеспечивается законодательным закреплением специальных требований, предъявляемых к третейским судьям (абз. 5-6 п. 3.1);

¹<http://www.adhoc.pe/PDF/Sentencias%20del%20Tribunal%20Constitucional%20en%20Materia%20Arbitral.pdf>. С. 67-73. (дата обращения: 17.02.2020).

² Севастьянов Г.В. Дискуссия о содержании принципа независимости и беспристрастности третейских судей // Третейский суд. 2011. № 5.

³ Шеломанова Л.В. Реализация принципа независимости судей в конституционном праве современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 27.

— рассмотрение третейским судом спора, где стороной является учредитель организации, создавшей третейский суд, не ставит под сомнение независимость и беспристрастность третейских судей (п. 3.2, абз. 7 п. 4.1);

— для отмены (отказа в принудительном исполнении) решения третейского суда необходимо установить нарушение принципа беспристрастности при рассмотрении конкретного спора именно составом третейского суда, но не исключается учет в этих целях его организационно-правовых связей со сторонами спора (абз. 2 п. 4.2). Отсюда – недопустимость рассмотрения государственным судом вопросов соблюдения независимости и беспристрастности третейскими судьями на будущее время, т.е. до проведения третейского разбирательства¹.

Следующий основной принцип третейского разбирательства – диспозитивность, отражает в целом универсальные черты правосудия, свойственные любой процессуальной форме², и вместе с тем имеющего свои предметные особенности реализации. Диспозитивность в гражданском судопроизводстве служит процессуальным эквивалентом основных начал гражданских правоотношений, таких как равенство участников, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела и т.п.³ В силу принципа диспозитивности процессуальные отношения в гражданском судопроизводстве возникают, изменяются и прекращаются, главным образом, по инициативе самих участников спорного материального правоотношения, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом⁴.

¹ См.: абз. 5 п. 3 мотив. части Определения КС РФ от 23 апреля 2015 г. № 940-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision196519.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

² Так, согласно правовой позиции КС РФ, законодатель вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности. См.: абз. 2 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904; абз. 7 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6123.

³ См.: абз. 3 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П; абз. 1 п. 4.2 мотив. части Постановления КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.

⁴ См.: абз. 8 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700; абз. 3 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П // СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894; абз. 2 п. 8 мотив. части Постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932; абз. 3 п. 3.1 мотив. части Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

В третейском разбирательстве, подчеркнул КС РФ, принцип диспозитивности имеет более широкое содержание, поскольку отражает волю сторон договора на заключение третейского соглашения как основы третейского разбирательства и на согласование его правил (абз. 2 п. 3.1 мотив. части Постановления от 18 ноября 2014 г. № 30-П)¹. Иными словами, диспозитивность здесь – институциональная категория, распространяющаяся в том числе на организационную и регулятивную стороны третейских отношений. При этом процедурные аспекты третейской диспозитивности не сводятся к свободе процессуальных действий, а ориентированы на процессуальное партнерство, поскольку именно согласованная воля сторон лежит в основе самого третейского договора. Поэтому не происходит, как в государственном правосудии, полное опосредование пользования средствами защиты через суд как властный организатор процесса. Третейская диспозитивность имеет прежде всего координационный, а не субординационный характер.

Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) – содержательная характеристика правосудия, в том числе третейского. Состязательность проявляет себя как на статусном (процессуальная деятельность сторон и суда), так и на институционном (состязательная форма процесса) уровне, а равенство предполагает формально равные возможности сторон в пользовании средствами защиты². Из принципа состязательности и равноправия сторон вытекает также требование добросовестного пользования процессуальными правами³.

¹ Сходную позицию занимает ВС РФ. Компетенция третейского суда, отмечается в его решениях, в отличие от государственного правосудия, основана на автономной (свободной и независимой) воле сторон; автономия воли сторон является основополагающим принципом третейского разбирательства и компетенции третейского суда. См.: Определение ВС РФ от 4 июля 2016 г. № 304-ЭС16-5975 по делу № А45-18852/2014 // http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1453294 (дата обращения: 17.02.2020)

² См.: абз. 5 п. 3, абз. 3 п. 5 мотив. части Постановления КС РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П; абз. 1 п. 2.1, абз. 1 п. 6 мотив. части Постановления КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026; абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 16 января 2007 г. № 33-О-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16102.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 4 апреля 2017 г. № 698-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision269334.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

³ См.: п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О.

В третейском разбирательстве с учетом особенностей его конвенциональной, координационной и примиряющей природы состязательность не может раскрываться в значении противостояния, противоборства сторон, которое властным образом снимает суд. Здесь стороны призваны сотрудничать ради достижения наиболее компетентного, экономного и эффективного решения через согласование позиций по многим вопросам реализации процессуальных действий.

Что касается процессуального равноправия, то вновь избранную законодателем формулу, сместившую акцент с равенства сторон на «равное отношение к сторонам» и, соответственно, редуцировавшую процессуальное равноправие до метода взаимоотношений третейского суда со сторонами, нельзя считать удачной. Процессуальное равноправие предполагает прежде всего равный процессуальный статус и возможности сторон, корреспонденцию прав и обязанностей, а в третейском разбирательстве еще в особой степени – равные процессуальные условия для согласованных, кооперативных действий в интересах качества и экономности процесса.

Проведенный анализ свидетельствует, что конституционные принципы правосудия получают реализацию в третейской сфере с учетом ее особенностей и не должны переноситься в данные отношения и применяться автоматически. Использование законодателем в настоящее время тождественных словесных формулировок при урегулировании принципов арбитража в отсутствие специальных пояснений относительно их специфики дезориентирует правоприменительную практику, которая все еще далека от восприятия и поощрения автономных негосударственных институтов правосудия, склонна к расширительным трактовкам норм, позволяющих вторгаться в функционирование третейских институтов. При формировании в законе структурного состава принципов третейского разбирательства должен применяться конституционно взвешенный подход, предполагающий надлежащее сочетание третейской автономии и соблюдения гарантий справедливой процедуры. Положительный эффект от дробления принципов

связан с возможностями укрепления ценностных основ третейского разбирательства и оказанием более серьезного воспитательного и дисциплинирующего воздействия на практику. В условиях переходного общества это приобретает особое значение. Вместе с тем произвольное умножение состава таких принципов сопряжено с серьезными рисками, поскольку объективно способствует расширению возможностей для государственного контроля за соблюдением их реализации. Возможный примиряющий подход состоит в том, чтобы прибегнуть к апробированному в других переходных обществах методу дефинитивного закрепления соответствующих принципов, который позволяет четче определить их смысловые, предметные рамки, целевые ориентиры и границы применения.

Действующее законодательство, будучи декларативно привержено некоторым основным принципам арбитража, не обеспечивает в должной степени их определенность для целей правового регулирования и практики. Связанный с этим негативный эффект серьезно усиливается отсутствием закрепления в надлежащем качестве принципов сотрудничества сторон и примирительной роли третейского суда, принципов конфиденциальности и «компетенции в отношении компетенции». Скорее это создает предпосылки для произвольного поглощения третейской процедуры процессуальными формами, характерными для государственного судопроизводства, и существенные риски сохранения конституционной идентичности третейской защиты как альтернативной формы неофициального правосудия.

ГЛАВА 3. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

§1. Проблемы совершенствования организационной основы третейского суда: в поисках баланса государственного контроля и конкуренции

Развитие юрисдикционной системы на основе оптимального соотношения и взаимодействия официальных и неофициальных институтов правосудия, основных и альтернативных средств защиты права составляет вопрос конституционной безопасности личности, общества, государства. Качество юрисдикционной системы во многом определяет степень гарантированности основных прав и защищенность от произвола, цивилизованное урегулирование социальных противоречий, служит одним из главных факторов непротиворечивого функционирования всей правовой системы. В основе достижения необходимого уровня качества юрисдикционных институтов в их системном единстве лежит императив конституционализации, в силу которого предназначение, цели, принципы, применимые источники, организационные формы и процедуры, последствия и все иные существенные параметры защиты права, разрешения споров о нем должны определяться с учетом безусловного признания верховенства и прямого действия Конституции РФ, ее приверженности общему конституционному наследию современной цивилизации.

В наиболее общем виде конституционализация представляет собой последовательное развертывание, т.е. освоение, раскрытие посредством просветительской, регулятивной, правоприменительной и иной юридической деятельности, конституционных идеалов, целей, ценностей, принципов, норм в правовой системе. Через конституционализацию происходит, по словам В.И. Крусса, превращение правовой системы «в систему конституционно-правовую», что предполагает «конституционное насыщение» правового

сознания, системы права, юридической практики¹. Конституционализация, подчеркивает А.Г. Кузьмин, является «базой» и «генеральным фактором» конституционной законности в сфере правосудия; включает нормативное, институциональное и функциональное измерения, в единстве которых достигается прежде всего закрепление статусов и компетенций судов, принципов и критериев правосудного обеспечения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, охраны и защиты иных конституционных ценностей².

Конституционализация юрисдикционной системы как императив ее функционирования и развития не просто задает для нее программно-целевые стратегические условия и рамки, подлежащие применению в правовой политике государства, а определяет требования и критерии оценки, предъявляемые к конкретным текущим регулятивным решениям и актам правоприменения. Характеризуя влияние, оказываемое конституционным правом на третейские отношения, П. Рутледж использует оригинальный термин «просачивание» (*seepage*), подчеркивающий разносторонний, комплексный и одновременно неизбежный характер такого влияния, которое обеспечивается в деятельности всех ветвей власти и принимает различные формы (воздействие на третейское законодательство и заключение арбитражных соглашений, судебное толкование арбитражных договоров, правил арбитража и т.п.)³.

Устойчивое развитие третейских отношений, подобных иным юрисдикционным отношениям, в том числе в аспекте структурной сложности (комплексности), – а она в данном случае не только не ослабевает, а усиливается ввиду высокого удельного веса начал автономии, диспозитивности, самоорганизации, – предполагает необходимость учета и

¹ Красс В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма; Инфра-М, 2016. С. 16, 17, 113-114, 118, 129.

² Кузьмин А.Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации. Автореф. дис. ... докт. Юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 14-15.

³ Rutledge P. B. Arbitration and the Constitution. Cambridge University Press, 2013.

конституционного обоснования институциональных аспектов третейского суда, организационной стороны его деятельности.

Конституционная сторона организационных моментов третейского суда значима уже потому, что именно вопросы образования и деятельности учреждений (институтов, организаций), обеспечивающих осуществление третейской защиты путем создания для этого необходимых административно-управленческих, материально-финансовых, информационно-коммуникационных и иных условий, наиболее концентрированно выражают тип конкретной правовой модели взаимоотношений власти и гражданского общества в юрисдикционной (третейской) сфере. Без организационной обособленности, самостоятельности третейских институтов (учреждений) от системы публичной власти не могут быть обеспечены никакие иные элементы третейской автономии (правовой, компетенционной, процедурной) и, соответственно, невозможна подлинная третейская защита права. Организационная сторона третейского суда является в этом плане одним из значимых показателей зрелости и достигнутого уровня гарантирования общественной свободы. В условиях постсоциалистической трансформации, для которой характерны, с одной стороны, слабые, неустоявшиеся формы гражданской самоорганизации и неразвитые инструменты самообеспечения правомерного, добросовестного поведения, а с другой – инерционные автократические и корпоративно-олигархические деформации, вопросы сбалансирования начал централизации и децентрализации, автономии и зависимости в организации третейских судов выдвигаются на передний план.

Актуальность конституционного осмысления организационной стороны третейской защиты в российской юриспруденции обусловлена как доктринальной неразработанностью широкого круга связанных с этим вопросов, так и проблемами третейской правовой политики. Законодательная основа третейских отношений демонстрирует «маятниковое» развитие – из одной крайней точки к другой, и при этом непоследовательные, внутренне

противоречивые решения на новом этапе, свидетельствующие об отсутствии четких стратегических ориентиров и ситуативном превалировании определенных узкобюрократических, групповых интересов¹.

Обращаясь к конституционному анализу поднятых вопросов, следует прежде всего отметить, что получивший закрепление в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ принцип диспозитивности, оставляющий выбор любых не запрещенных законом способов самозащиты своих прав на усмотрение заинтересованных субъектов, охватывает, безусловно, и организационно-структурные моменты. Заложенный в этой норме общедозволительный метод регулирования предполагает, что на случай возникновения спора частные субъекты могут самостоятельно организовать механизм его урегулирования, включая определение оптимальных, на их взгляд, административных, процедурных и иных параметров. На признании организационной автономии частных субъектов в улаживании своего спора, которой они могут распорядиться как непосредственно, так и прибегнув, с расчетом на удобство, комфорт и качество, к услугам других лиц, строится и самостоятельность субъектов, осуществляющих соответствующие функции в третейской сфере на постоянной (институциональной) основе.

Право на третейскую защиту включает в себя правомочие организовывать третейское разбирательство, в том числе: а) через посредство других лиц, если речь идет о его реализации самими сторонами спора; либо б) в интересах других лиц, если речь идет о взаимодействии субъектов гражданского общества для образования устойчивых организационно-правовых форм, обеспечивающих посредством саморегулирования необходимые инфраструктурные, институциональные условия для добровольного примирительного улаживания правовых споров.

Правомочие на организацию третейского разбирательства сопряжено с экономической свободой и правом на объединение. Из этого исходит и

¹ См. об этом подробнее: *Бенедская О.А.* Администрирование третейского разбирательства: конституционное измерение // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 67-72.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях», относящий разрешение споров к целям создания некоммерческих организаций (ч. 2 ст. 2). В одном случае экономическая свобода и право на объединение соотносятся с правом на третейскую защиту преимущественно в обеспечительно-гарантийном аспекте, направлены на организацию содействия в защите права посредством урегулирования правового спора. В другом – служат основой для совместного осуществления систематической квалифицированной деятельности по возмездному оказанию услуг в сфере организационного обеспечения третейского разбирательства. Соответственно, организационное обеспечение третейского разбирательства, определяемое в системе действующего законодательства с помощью термина «администрирование арбитража» (п. 3 ст. 2 Закона об арбитраже), базируется на принципах общественной самоорганизации и саморегулирования, организационной обособленности от системы публичной власти, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, свободного равного конкурентного доступа к осуществлению данной деятельности.

Организационное обеспечение третейской защиты характеризуется сочетанием частноправовых начал, связанных с самостоятельным решением сторонами правового спора – непосредственно или через обращение к услугам третьих лиц – вопросов наиболее оптимальной организации урегулирования возникшего конфликта, и публично-правовых начал, связанных с общественно значимым интересом в таком организационном сопровождении третейского разбирательства, которое бы не подвергало сомнению достижение с его помощью целей правосудия и не приводило к ущемлению прав и интересов лиц, прибегнувших к соответствующим услугам. Ввиду этого законодатель правомочен определять порядок создания и деятельности структур, на которые возложено организационное обеспечение третейской защиты, в целях согласования частной инициативы с потребностью в предоставлении определенного объема публично значимых услуг должного качества.

Законодательное воздействие на организационную сторону третейской защиты должно учитывать объективную специфику данных отношений, которые характеризуются сочетанием экономического содержания, организационно-объединительной формы и юрисдикционно-ориентированных целей реализации. Это предполагает их нормативное обособление от регулирования правового статуса иных общественных структур, недопустимость универсализации в отношении субъектов, организационно обеспечивающих третейскую защиту, правовых конструкций, применяемых к иным лицам, данные функции не осуществляющим, – во избежание нивелирования и утраты ценности третейской защиты и обеспечения на ее основе справедливого решения споров о праве.

Законодательное регулирование создания и деятельности третейских судов и организационного обеспечения третейской защиты – с учетом ее основного смысла, направленности, приверженности общим целям функционирования юрисдикционной системы – не может не учитывать предъявляемые к любой юрисдикционной деятельности универсальные требования правосудия, имеющие значение и для регламентации его организационного сопровождения.

Это означает, по крайней мере, что: а) решение вопроса о создании структур, организационно обеспечивающих третейскую защиту, не может происходить на основе применения общего порядка создания коммерческих или некоммерческих организаций, требует специального правового механизма, опирающегося на необходимость соблюдения основных, фундаментальных гарантий правосудия при его организационном сопровождении; б) регламентация организационного обеспечения третейской защиты не может ставить под сомнение институциональную обособленность, самостоятельность соответствующих структур во взаимоотношениях с публичной властью и приводить к огосударствлению, забюрокративанию третейской сферы; в) надлежащей правовой формой регулирования

организационного обеспечения третейской защиты является закон, тогда как решающее регулятивное воздействие на данные отношения со стороны исполнительной власти создавало бы предпосылки недопустимого административно-бюрократического вмешательства в сферу правосудия; г) в рамках урегулирования организационного обеспечения третейской защиты не могут быть отвергнуты, выхолощены экономические начала соответствующей деятельности, предполагающей извлечение дохода и конкурентные условия, что не исключает введение определенных разумных ограничений на применение рыночно-экономических принципов для обеспечения надлежащего баланса интересов всех участников правоотношений; д) структуры, организационно обеспечивающие третейскую защиту, должны создаваться на основе равенства некоммерческих организаций перед законом, что исключает персональные законы о наделении таким статусом (кроме случаев признания за конкретными субъектами соответствующего исторически сложившегося статуса).

Как свидетельствует международный опыт, создание структур, организационно обеспечивающих третейскую защиту, на основе разрешительного режима, предполагающего прямой административно-государственный контроль (участие) со стороны исполнительной власти, не свойственно ни одной из стран, в которых функционируют признанные международные центры арбитража. Отступление от общего правила, предполагающего создание таких структур на основе приоритета общественной самоорганизации, притом что исполнительная власть может выполнять лишь формально-учетную (регистрационную) функцию, связано, обычно, с двумя обстоятельствами. Либо это присуще странам, в которых последовательно не проведено разделение властей или имеются устойчивые отклонения, деформации в системе сдержек и противовесов, так что исполнительная власть занимает фактически главенствующие позиции. Либо это может быть вызвано наличием неких исключительных обстоятельств,

характеризующих деградацию самого третейского разбирательства и требующих в этой связи применения экстраординарных мер.

Конституция РФ не наделяет органы исполнительной власти регулятивными или организационными функциями в сфере правосудия. Хотя третейская форма защиты отличается от государственного судопроизводства, а третейские суды не входят в систему судебной власти, законодательное регулирование организационного обеспечения третейской защиты предполагает необходимость учета принципа разделения властей, который в современных реалиях правосудия нуждается в эволютивном толковании. В условиях расширения институциональных форм частного (неофициального) правосудия разделение властей должно исключать внеконституционное вмешательство исполнительной власти в сферу окончательного решения споров о праве и в деятельность по организационному обеспечению решения таких споров, с тем чтобы прерогативы правосудия и судебной власти не были выхолащены. Иное означало бы, что реализация принципа разделения исполнительной и судебной ветвей власти ставится в зависимость от дискреционного усмотрения законодателя в вопросе о соотношении третейского и государственного судопроизводства.

Между тем, в действующем законодательстве организационное обеспечение третейской защиты поставлено в зависимость от получения административного разрешения. Если прежний Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» был привержен принципу минимального вмешательства государства в третейские отношения, предусматривал создание третейских судов в уведомительном порядке, то вновь принятый Закон об арбитраже закрепил совершенно иную правовую модель. Данным Законом разграничены понятия арбитража – процесса разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (п. 2 ст. 2) и администрирования арбитража – его организационного обеспечения (п. 3 ст. 2). Последнее означает меры организационного, финансового, материально-технического, информационного и иного

характера, направленные на создание условий для полноценного осуществления третейского разбирательства. Администрирование арбитража допускается лишь постоянно действующими арбитражными учреждениями, которые создаются некоммерческими организациями, и предполагает получение права на осуществление соответствующих функций.

В первоначальной редакции Закона об арбитраже предоставление права администрировать арбитраж было отнесено к компетенции Правительства РФ, а согласно поправкам, внесенным в него Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ и вступившим в силу 29 марта 2019 г., – к компетенции Минюста России. При этом, хотя формально-процедурный механизм предоставления данного права может создавать впечатление решающего участия в принятии решения образованного при Минюсте России Совета по совершенствованию третейского разбирательства (задуманного как общественно-государственный орган профессиональной независимой квалификационной оценки соискателей и призванного давать рекомендацию по этим вопросам), в действительности ключевую роль играет именно позиция Минюста России. Совет же институционально и фактически интегрирован в организационный механизм Минюста России, не имеет возможности действовать самостоятельно.

Совет формируется и функционирует при Минюсте России, который определяет, в том числе, порядок, процедурные основания его деятельности (ч. 5 ст. 44 Закона об арбитраже). Председателем Совета является заместитель Министра юстиции РФ, а секретарем – представитель в Совете от этого органа (п. 20,22 Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства, утв. приказом Минюста России от 20 марта 2019 г. № 45). Именно в Минюст России для первичного рассмотрения направляется заявление некоммерческой организации – соискателя (ч. 6.1 ст. 44 Закона об арбитраже). При этом п. 38 Положения о Совете допускает участие в первичном рассмотрении документов гражданских служащих Минюста России. По итогам

рассмотрения документов, даже если они передаются для принятия итогового решения в Совет, формулируется и представляется в Совет обобщающая характеристика некоммерческой организации с точки зрения соответствия установленным Законом об арбитраже требованиям (пп. 3 п. 21 Положения о Совете). В итоге Совет изначально ставится в условия, когда оценка некоммерческой организации вне связи с уже имеющейся позицией Минюста России невозможна, и Совет, вынося то или иное решение, по сути соглашается или не соглашается с данной позицией. Вместе с тем уже на этапе первичного рассмотрения могут возникать труднопреодолимые преграды для оценки заявления по существу¹. Хотя ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже обуславливает решение Минюста России по вопросу предоставления права на администрирование арбитража характером рекомендации Совета, данная гарантия объективности принимаемого решения становится во многом декларативной при имеющихся на более ранних стадиях рассмотрения заявления административных возможностях Минюста России.

Введение разрешительного порядка предоставления права на администрирование арбитража не было лишено оснований. Существовала острая потребность обеспечить в третейской сфере правовую дисциплину, элементарную законность и добросовестность, исключить различные манипуляции третейскими процессами для прикрытия противоправных действий. Однако нельзя забывать, что конституционный принцип соразмерности распространяется и на решение государством задач по пресечению злоупотреблений правом.

¹ Как показывает практика, получить доступ к администрированию арбитража в установленном порядке смогли только три российских некоммерческих организации. Одна – в силу прямого указания в ч. 2 ст. 36.2 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Кроме того, функции администрирования арбитража осуществляют в силу Закона об арбитраже (т.е. вне связи с прохождением разрешительной процедуры) Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при ТПП РФ. При этом согласно официальным данным Совета, с заявлениями о получении соответствующего разрешения в 2017 г. обратились около 50 некоммерческих организаций, а в 2018 г. – 28. См.: https://minjust.ru/sites/default/files/publichnyy_otchet_soveta_za_2017_god.docx; https://minjust.ru/sites/default/files/publichnyy_otchet_2018_g_.docx (дата обращения: 17.02.2020).

Вопрос конституционной достоверности существующих нормативных критериев допуска некоммерческих организаций к организационному обеспечению третейской защиты требует отдельного анализа. Важно то, что законодатель сознательно пошел на их формулирование в абстрактно-оценочном виде. Так, в качестве критериев используются надлежащая репутация, масштаб деятельности, необходимые материально-финансовые ресурсы, а подтверждение соответствия этим требованиям, которые никак не поясняются, возложено на самого заявителя. По сути речь идет об использовании презумпции порочных (противоправных) намерений лица, претендующего на доступ к соответствующей деятельности, которую это лицо должно каким-то образом опровергнуть. В увязке с делегированным ведомственным регулированием вопросов рассмотрения заявлений на соискание соответствующего права это дает чрезвычайно широкий усмотренческий простор исполнительной власти для фильтрации претендентов. При этом игнорируется правовая позиция КС РФ, согласно которой в рамках взаимоотношений некоммерческих организаций с публичной властью следует исходить из «презумпции добросовестности и законности их деятельности» (Постановление от 8 апреля 2014 г. № 10-П, определения от 18 июля 2017 г. № 1738-О, от 17 июля 2018 г. № 1689-О). Трудно объяснить и разумность причин, побудивших к введению указанной презумпции при использовании законодателем в других, столь же общественно значимых сферах совершенно иного подхода, когда наличие неудовлетворительной репутации определяется в виде основания для отказа в выдаче разрешения на конкретную деятельность и подлежит доказыванию уполномоченным органом в соответствии с нормативно установленным исчерпывающим перечнем признаков неудовлетворительной репутации¹.

¹ См., напр.: п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», ст. 4.1-1 Федерального закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», ч. 6.1 ст. 32.1 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», пп. 4 п. 1 ст. 4.1, п. 3 ст. 6.2 Федерального закона «О негосударственных пенсионных фондах».

Решающее участие исполнительной власти в санкционировании допуска к администрированию арбитража конфликтует с идеей разделения властей и порождает губительные централизаторские, олигопольные эффекты в отношении самого третейского разбирательства. При этом при таких условиях правового регулирования возможности судебной защиты приобретают сугубо формальный, иллюзорный характер, поскольку суд, оценивая отказ в выдаче разрешения на соответствующую деятельность, не располагает четкими нормативными критериями для проверки законности такого отказа, а в организационно-процедурном аспекте вынужден руководствоваться нормами, которые определены самим Минюстом России.

Конституционно адекватным решением могло бы стать наделение полномочиями по предоставлению соответствующего права судебной власти (например, в лице Верховного Суда РФ) либо создание для решения данных вопросов специального органа (организации) при Президенте РФ. При этом критерии квалификационного отбора должны исчерпывающе регулироваться в законе, а их несоблюдение – доказываться.

В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ были внесены изменения в Закон об арбитраже, в соответствии с которыми в него введена новая ч. 1.1 ст. 44, исключившая администрирование арбитража из сферы действия антимонопольного законодательства. Логика законодателя была в том, что администрирование арбитража – особая публичная функция, а не предпринимательство, и конкурентные начала здесь не действуют. Данный подход, не безупречный с концептуальных позиций, серьезно ослабил и без того невысокие гарантии права на организационное обеспечение третейской защиты.

КС РФ указывал на то, что отношения, складывающиеся в связи с передачей дела в третейский суд (а значит, от себя заметим, и в связи с организационным обеспечением ведения такого дела) основаны на конституционных гарантиях поддержки конкуренции (постановления от 26 мая 2011 г. № 10-П, от 18 ноября 2014 г. № 30-П). Собственно, ссылка на

принцип конкуренции к самим участникам оборота применительно к обращению в третейский суд вообще не применима.

Деятельность по администрированию арбитража проистекает из экономической самоорганизации, обусловлена наличием частного соглашения, носит возмездный характер (п. 7 ч. 1 ст. 22 Закона об арбитраже). По сути речь идет об оказании определенной разновидности публично значимых возмездных услуг. Отсюда — понимание организационного обеспечения третейской защиты как формы осуществления «иной экономической деятельности» в смысле ч. 1 ст. 34 Конституции РФ. Экономическая деятельность вполне может иметь публичное значение. Осуществление же публичных функций не обособлено от рыночно-экономических принципов — напротив, тенденцией является создание симбиотических форм реализации социально значимых задач, основанных на сопряжении властно-административных и хозяйственных начал. Что касается организационного обеспечения третейской защиты, то для этой сферы здоровое экономическое соперничество естественно и необходимо для поддержания высокого уровня качества и ценовой доступности услуг. Законодатель, имея возможность определить специфику допуска к организационному обеспечению третейской защиты, не может произвольно устранить из этой сферы конкурентные начала, поощрять неуместную и непродуктивную монополизацию.

Стоит затронуть также конституционно значимые аспекты отношений между некоммерческой организацией, осуществляющей организационное обеспечение третейской защиты, и арбитрами. Очевидно, данные отношения должны строиться с учетом требования независимости, самостоятельности арбитров, недопустимости произвольного вмешательства в их деятельность.

Закон об арбитраже ставит создание постоянно действующего арбитражного учреждения в зависимость от наличия рекомендованного списка арбитров (п. 7 ч. 6.1 ст. 44). С момента включения в данный список у лица возникают определенные корпоративные права (ч. 5 ст. 47). Однако в

действующем законодательстве природа отношений, связанных с вхождением в рекомендованный список, не определена, как и применимое отраслевое законодательство. В свою очередь, судебная практика не рассматривает эти отношения ни как трудовые, ни как гражданские (в частности, корпоративные или возмездного оказания услуг). В итоге за некоммерческими организациями, осуществляющими организационное обеспечение третейской защиты, признается дискреция в вопросах формирования и изменения состава рекомендованных списков, что не исключает принятия произвольных решений, в частности путем исключения конкретных лиц из рекомендованного списка в качестве последствий занятия определенной позиции по делу. Гарантии справедливого правосудия требуют установления надлежащих формально-определенных оснований прекращения соответствующего статуса, при которых независимость, беспристрастность арбитра не были бы поколеблены.

Таким образом, действующее регулирование организационной стороны третейской защиты характеризуется, с одной стороны, несбалансированным и неадекватным по характеру воздействием публичной (исполнительной) власти на третейские институты, приводящем к их огосударствлению и бюрократизации, а с другой – дефицитом правовых гарантий справедливой третейской защиты в системе внутренней организации данных институтов. Решение этих проблем должно быть комплексным, предполагает четкое определение стратегии третейской формы в направлении обеспечения реальной самостоятельности (автономии) третейского суда. Для этого инструменты государственного контроля в этой сфере должны быть в основном последующего характера, а основной упор необходимо сделать на эффективных средствах самозащиты своих прав субъектами третейских отношений в рамках четкого закрепления применимых правовых гарантий.

Конституционализация организационной стороны третейской защиты ставит и иные требующие глубокого осмысления проблемные вопросы, без

решения которых российскому третейскому суду будет не просто состояться как успешному.

§2. Конституционные аспекты повышения эффективности третейского разбирательства и его взаимодействия с государственным правосудием

Конституционное понимание третейского суда как института гражданского общества, осуществляющего неофициальное правосудие в рамках общей юрисдикционной системы, предполагает, что вопросы функционирования и развития третейской защиты должны решаться с учетом ее взаимосвязей с государственным судопроизводством, на основе институционального, компетенционного разграничения и одновременно – взаимодействия третейских и государственных судов. Определяющим объединительным фактором является в данном случае генеральная направленность данных институтов на защиту права, а различия проистекают из несовпадения оснований, способов, методов, средств реализации юрисдикционных задач и правовых последствий, относящихся к итоговым актам юрисдикционной деятельности. Это предполагает, с одной стороны, взаимодействие, взаимное подкрепление институтов, образующих юрисдикционную систему, с другой – их разграничение, функциональную и организационную самостоятельность.

Развитие третейского суда в юрисдикционной системе – в свете отмеченной общности и его объективных особенностей – требует учета того обстоятельства, что третейский суд не только служит вспомогательным средством рационализации государственной судебной деятельности, но и обладает собственной конституционной ценностью. Для него характерны свойства незаменимости и исключительности, влекущие невозможность иного порядка решения спора, если и пока заинтересованные лица предпочитают третейскую защиту. Государственное и третейское виды судопроизводства равнозначны в той мере, в какой призваны обеспечивать

общий минимальный стандарт юрисдикционных гарантий защиты, что открывает возможности для рассмотрения аналогичной категории дел в альтернативном порядке. Однако специфика третейской защиты, ее понимание в качестве самостоятельного конституционного права исключает произвольное ограничение сферы и условий ее реализации под предлогом того, что заинтересованные лица не лишаются при этом государственной судебной защиты. Это касается в равной мере и законодателя, и правоприменителей.

Безусловное признание и гарантирование автономной конституционной ценности права на третейскую защиту является важнейшим фактором успеха в развитии как самих третейских институтов, так и юрисдикционной системы в целом. Очевидно, данная система может быть эффективной, лишь если каждый образующий ее институт надлежаще выполняет свое предназначение, не стеснен и не подменяется другими такими институтами.

Существенное значение в обеспечении конституционализации функционирования и развития юрисдикционной системы с точки зрения соотношения государственного и третейского судопроизводства имеет достижение компетенционной определенности применительно к каждому виду юрисдикции. Важную роль в этом играет как ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, подразумевающая применение третейской защиты прежде всего для защиты «своих прав и свобод», так и ст. 47 Конституции РФ, определяющая право на надлежащий суд.

Понятие «свои права», которое употреблено в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, не только индивидуализирует субъекта третейской защиты, каковым является именно заинтересованное лицо, действующее для обеспечения собственного, а не чужого блага. Оно также, надо полагать, характеризует и особенности прав, подлежащих защите в порядке, предусмотренном данной нормой. Речь идет о таких правах, в которых преобладает «свой», т.е. частный, интерес, и которые в силу своего диспозитивного характера

позволяют их носителям самостоятельно определять процедуры защиты, поскольку это возможно «всеми способами, не запрещенными законом».

В свою очередь, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ усиливает требования к нормативным основам компетенции третейского суда, обязывая законодателя четко, однозначно, непротиворечиво урегулировать правила, позволяющие в каждом случае установить, какой именно суд должен рассмотреть конкретное дело. В законе, как неоднократно указывал КС РФ, должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению дело, что позволило бы избежать неопределенности, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т.е. не на основании закона¹. Это имеет значение и для третейской сферы².

Если определение надлежащего суда оказывается затруднено, возникает вопрос о качестве обеспечения конституционных гарантий в отношении реализации стандарта рассмотрения дела судом, созданным на основании закона³. Отсутствие надлежащей определенности в компетенции третейского суда создает угрозу его эффективности. Если принимаемые в третейском порядке решения могут неожиданно для заинтересованных лиц не получить должного государственного признания и подкрепления вследствие установленного апостериори выхода третейского суда за пределы предметной компетенции, это подрывает доверие к третейской защите, делает ее малопривлекательной и рискованной (включая риски невозможности потерь на оплату третейского разбирательства). В этой связи

¹ См., напр.: абз. 4 п. 4 мотив. части Постановления КС РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П // СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1459; абз. 7 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357; абз. 4 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 1 марта 2012 г. № 5-П // СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1366; абз. 4 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П // СЗ РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

² См.: абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П; абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П; абз. 1 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2750-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision182762.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); абз. 2 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 15 января 2015 г. № 5-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision185578.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

³ Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 21.

проблемы регулирования компетенции третейских судов приобретают особое конституционно-правовое значение.

Вопросы определения компетенции третейского суда, прежде всего с точки зрения предметных критериев споров, которые могут быть рассмотрены в таком порядке (так называемая арбитрабельность), носят острый дискуссионный характер¹. Законодатель, следуя идеологии ч. 2 ст. 45 Конституции РФ последовательно исходит из подведомственности третейскому суду любых споров между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 1 Закона о третейских судах, ч. 3 ст. 1 Закона об арбитраже). Отдельные исключения сделаны в ч. 2 ст. 33 АПК РФ, ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ и некоторых отраслевых законах (например, ч. 22 ст. 4.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Однако востребованный законодателем диспозитивный метод компетенционного регулирования в сочетании с критерием гражданско-правового характера спора не упрощает задачу определения компетенции третейского суда на практике.

Признание ценности третейской защиты на практике не является устоявшимся, и она нередко все еще воспринимается скорее с подозрением на недобросовестность. Серьезное значение имеет и фактор противоборства во взаимоотношениях с третейскими судами государственных судов, которые в силу различных обстоятельств не готовы поступаться своей

¹ См., напр.: *Скворцов О.Ю.* Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 381-435; *Андрианова М.А.* Арбитрабельность трудовых споров // В.А. Кабатов, С.Н. Лебедев. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов / науч. ред. А.И. Муранов, О.Н. Зименкова, А.А. Костин; сост. А.И. Муранов. М.: Статут, 2017. С. 342-351; *Балкаров А.Б.* Арбитрабельность споров третейским судам в российской и зарубежной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3; *Беляева О.А., Габов А.В.* Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5; *Гавриленко В.А.* Компетенция третейских судов // Юрист. 2008. № 1; *Еремин В.В.* Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8; *Инишкова А.О.* Арбитрабельность корпоративных споров: позитивное право и экономические реалии // Юрист. 2014. № 21; *Куручкин С.А.* Арбитрабельность и подведомственность: вопросы теории // Третейский суд. 2015. № 1; *Попов Н.В.* Современные проблемы арбитрабельности сквозь призму исторического развития третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3; *Ротко С.В.* Теоретические и практические вопросы арбитрабельности споров третейским судам // Администратор суда. 2014. № 3; *Чупрунов И.С.* Проблематика определения права, применимого к вопросам арбитрабельности // Вестник гражданского права. 2011. № 5.

компетенцией. В этих условиях при объективно нарастающей комплексности в правовом регулировании, где выделение рафинированных гражданско-правовых отношений сопряжено со все более серьезными объективными сложностями¹, в судебной практике преобладает ограничительный подход к толкованию норм о компетенции третейского суда с опорой на наличие в конкретных правоотношениях публичного (государственного, бюджетного, общественного и т.п.) элемента.

С учетом возрастающих на современном этапе потребностей в активизации, развитии различных направлений взаимодействия бизнеса и власти, что объективно подразумевает расширение присутствия публичного элемента в правоотношениях, данная тенденция на практике создает серьезные риски как для реализации права на третейскую защиту, так и работоспособности, эффективности всей юрисдикционной системы, в которой реальная роль третейского суда может оказаться при таком подходе выхолощена. При таких обстоятельствах критерий гражданско-правового существования спора, приобретающий в значительной мере размытый и оценочный (усмотренческий) характер, не может считаться удовлетворительной и достаточной гарантией компетенционной определенности третейского суда.

¹ Весьма примечательно в этом плане, что уже сама категория собственности, являющаяся центральной для гражданско-правовых отношений, более не исчерпывается классическим предикатом неприкосновенности, а «обязывает», в том числе в публично-правовом смысле (напр., абз. 3 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П // СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4075), должна «использоваться и защищаться исходя из общего блага» (напр., абз. 5 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П). КС РФ также неоднократно подчеркивал, что законодатель вправе прибегать к использованию правовых средств не только в рамках одной отраслевой модели, в частности использовать частноправовые средства для достижения публично значимых целей (напр., абз. 5 п. 3 мотив. части Постановления КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П // СЗ РФ. 2009. № 28. Ст. 3581; абз. 6 п. 3.1 мотив. части Постановления КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П). На «стирание резких границ между публичным и частным правом» как одну из несомненных перспектив развития права указывал еще Г.Ф. Шершеневич (*Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 1. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. С. 567). В современной доктрине эта позиция подтверждается как в цивилистическом аспекте (*Толстой Ю.К.* Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5; *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 7), так и в конституционно-правовом (*Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 56; *Талатина Э.В.* Публичное право и экономика. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 46-47).

Как свидетельствует зарубежный опыт, в современном мире компетенция третейского суда не сужается. Происходит ее последовательное расширение, в том числе за счет распространения на правоотношения, связанные с публичным интересом¹. Публичный элемент правоотношений не рассматривается как преграждающий доступ к третейской защите, а лишь служит фактором определенного усиления судебного контроля за итоговым третейским решением. Возможность реализации третейской защиты по делам с публичным элементом не подвергается сомнению и в российском законодательстве². Более того, законодателем совершенно определенно обозначена цель по применению третейской защиты для споров, возникающих в связи с контрактным обеспечением публичных нужд³. Оно и понятно. Участие в государства в экономических правоотношениях с частными лицами требует дополнительных гарантий, обеспечивающих уверенность частных субъектов в том, что их права, связанные с такими отношениями, будут надежно защищены посредством независимой и беспристрастной, дистанцированной от политических властей юрисдикционной процедуры, не осложненной фактором возможного учета государственной целесообразности. В конечном счете, возможность в таких случаях прибегнуть к третейской защите, организационно обособленной от государства, способствует развитию различных форм государственно-частного сотрудничества, партнерства.

¹ См., напр.: Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 196-203; Севастьянов Г.В. Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // Закон. 2008. № 1. С. 58.

² См., напр.: ч. 2 ст. 64 ЗК РФ; ст. 50 Закона РФ «О недрах», ст. 35 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», ст. 22 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», ст. 17 Федерального закона «О концессионных соглашениях», ст. 28 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», ч. 3 ст. 17 Федерального закона «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах».

³ См.: ч. 8 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. I). Ст. 29.

Предметная сфера деятельности третейского суда, выраженная через его компетенцию, задается многими факторами, включая: приоритеты государственной экономической, социальной политики; степень развитости и востребованности третейских институтов и уровень доверия к ним; степень конфликтности в разных сферах правоотношений и уровень рабочей нагрузки, приходящейся по делам данной категории на государственные суды; сложившиеся правовые и судебные традиции; наличие реальных инструментов контроля над деятельностью третейских судов по осуществлению арбитража. В Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П КС РФ разъяснил, что наличие в правоотношениях публичного элемента само по себе не препятствует отнесению вытекающих из них споров к компетенции третейского суда (абз. 4 п. 3.1 мотив. части), а определение надлежащего баланса частных и публичных интересов, влекущего ограничение пределов компетенции третейского суда, составляет прерогативу законодателя, а не правоприменителей. На этом основании КС РФ был отвергнут получивший распространение на практике подход, отрицающий возможность третейского разбирательства по спорам о недвижимости как якобы сопряженных с концентрацией публичного интереса, выраженного в государственной регистрации прав на данное имущество.

В настоящее время при неизменной позиции законодателя по поводу определения принципов формирования компетенции третейского суда, которая носит открытый (неисчерпывающий) характер, судебная практика сохраняет в отношении третейской защиты недружественной настрой. В частности, возобладал не имеющий законодательного подкрепления подход, согласно которому споры, возникающие из договоров, предполагающих расходование бюджетных средств, по общему правилу, не подлежат рассмотрению третейским судом¹.

¹ См.: п. 45 Обзора судебной практики ВС РФ № 5 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 27 декабря 2017 г. // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 12; определения ВС РФ от 11 мая 2018 г. № 308-ПЭЖ17 по делу № А40-188599/2014, от 1 октября 2018 г. № 305-ЭС18-8129 по делу № А41-97770/2017, от 20 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-21132 по делу № А40-148669/2017.

Обеспечение компетенционной определенности третейского суда и, тем самым, четкости предметных границ и условий реализации права на третейскую защиту предполагает – в контексте конституционной логики выделения предмета для осуществления самозащиты, получившей закрепление в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, – ориентацию на критерий «своих прав» как ключевой в компетенционном регулировании третейской сферы. Не материальная сфера правоотношений, а степень самостоятельности субъекта в пользовании правами, о защите которых идет речь, должна служить основным различительным признаком компетенции третейского суда, поскольку предполагается, что обращение к третейской защите основано на соглашении равноправных субъектов. Наличие в правоотношениях публичного элемента само по себе не свидетельствует о стеснении самостоятельности их субъекта, исключающей усмотрение в выборе средств защиты. В частности, участие государства в экономических правоотношениях подразумевает, что оно действует как публичный собственник и подчинено тем же принципам, что и их другие, частноправовые, субъекты. Забота о публичном интересе, выраженная в сомнениях относительно совместимости принципов третейского разбирательства (прежде всего конфиденциальности) с характером реализации публичных функций и задач, которая призвана быть открытой, гласной, подверженной эффективному контролю со стороны гражданского общества, должна быть учтена не в виде презумпции некомпетентности третейского суда решать такого рода споры, а через обеспечение надлежащего стандарта качества самой третейской защиты и доверия к ней общества и государства, через определение при необходимости пределов применения принципа конфиденциальности в третейской сфере. Ограничения же, налагаемые на компетенцию третейского суда, должны быть соразмерными, удовлетворять традиционно принятым критериям ограничения конституционных прав. В конкретных условиях недружественного толкования в правоприменительной практике пределов

компетенции третейского суда важно для становления третейской защиты на законодательном уровне оговорить принцип толкования сомнений в пользу компетенции третейского суда.

Государственное гарантирование третейской защиты требует обеспечения правовой определенности также в отношении итоговых актов ее реализации, пересмотр (отказ в принудительном подкреплении) которых возможен лишь в исключительных случаях, связанных с фундаментальными нарушениями. Отсюда — необходимость не только узкого понимания состава таких случаев, но и отнесения их установления к функциям государственных судов высокого уровня (не ниже суда второй инстанции, как это имеет место, например, в Германии). Концентрация таких споров в ограниченном числе государственных судов позволяет обеспечить более высокое качество их разрешения на профессиональной основе и соотносится с самим предназначением данных контрольных процедур как ориентированных на решение в основном вопросов права.

Эффективность третейской защиты как элемента юрисдикционной системы во многом определяется, как уже было отмечено, качеством взаимодействия институтов третейского и государственного правосудия. Данное взаимодействие, с одной стороны, предполагает соблюдение установленных пределов невмешательства, а с другой — реализуется через различные формы сотрудничества, содействия, контроля. Закон об арбитраже вполне обоснованно привержен разрешительному принципу судебного вмешательства в деятельность третейского суда, которое требует наличия прямых оснований, установленных законом (ст. 5). Но вопрос о конституционной достоверности самих таких оснований остается открытым.

Очевидно, в частности, что содействие государственного суда в реализации третейской защиты можно считать оправданным в случаях, если в ходе реализации третейской защиты возникают затруднения на пути достижения целей правосудия, которые не могут быть устранены (преодолены) третейским судом самостоятельно в силу объективных причин,

главным образом связанных с самой природой третейской защиты. Инструменты содействия государственного суда не могут служить целям ограничения реализации третейской защиты.

Действующее законодательство не позволяет третейскому суду самостоятельно, без содействия государственного суда, получать необходимые доказательства, распоряжаться по собственной инициативе о принятии принудительных мер, что серьезно снижает потенциал третейской защиты. Между тем, заинтересованные лица, решившие прибегнуть к третейской защите, добровольно подчиняют себя правилам данной процедуры, что предполагает как самоограничение ими в реализации своих прав, так и принятие ими на себя обязанностей, необходимых для эффективного достижения целей правосудия посредством третейской процедуры. В этом плане спорным и неконструктивным следует считать получивший распространение в судебной практике подход, отвергающий наличие при реализации третейской защиты инструментов экономического принуждения, в частности допустимость применения третейским судом денежных санкций при неисполнении его решения в установленный срок¹.

Существенным в плане функционального взаимодействия третейского и государственного судопроизводства является также решение вопросов о преюдиции. Преюдициальность судебного акта, как подчеркивал КС РФ, направлена на обеспечение его стабильности и обязательности, исключение возможного конфликта судебных актов, служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности². В системе действующего регулирования преюдициальность во взаимоотношениях государственных и третейских судов действует односторонне, от первых ко вторым, тогда как решения третейских судов преюдициальными не признаются. Обращаясь к вопросу о

¹ См. определения ВС РФ: от 30 сентября 2014 г. № 305-ЭС14-48 по делу № А40-105897/13-52-988, от 9 августа 2016 г. № 305-ЭС16-8895 по делу № А40-173700/2015, от 24 апреля 2017 г. № 305-КГ17-323 по делу № А40-179125/2016.

² См.: абз. 5 п. 3.1 мотив. части Постановления КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

преюдициальности решения третейского суда, КС РФ пришел к выводу, что непризнание за решениями третейских судов этого свойства соответствует их пониманию как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, основанной на соглашении, которое может быть проверено государственным судом, и данный суд не связан обязательным для сторон решением третейского суда¹. Однако, очевидно, что вопрос преюдициальности решения третейского суда касается (как и в отношении судебных актов государственного правосудия) лишь решений, принятых при наличии для этого легальных оснований, и вообще не относится к реализации механизмов инстанционного контроля над принятыми судебными решениями. Если третейская защита исполнена надлежащим образом и ее основания под сомнение не поставлены, не должны создаваться условия, при которых достигнутый в таком процедурном порядке результат можно было бы обойти в смежном судебном разбирательстве в государственном суде, которому позволено решение третейского суда проигнорировать.

Взаимодействие третейских и государственных судов предполагает налаживание между ними прямых и обратных связей на основе баланса частных и публичных интересов и исходя из уважения к третейской процедуре. Особое внимание должно уделяться внеюрисдикционному (профессионально-научному) сотрудничеству третейских и государственных судов. Речь идет о совместных конференциях, семинарах, круглых столах, участии представителей третейского сообщества в правовом мониторинге применения третейского законодательства и судебной практики по вопросам содействия и контроля в сфере третейского разбирательства. Отдельное и значимое направление взаимодействия – систематизация правовых позиций третейских судов (разумеется, в обезличенном, деперсонализированном

¹ См.: абз. 4-5 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 28 мая 2013 г. № 851-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision133862.pdf> (дата обращения: 17.02.2020); абз. 3 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 25 сентября 2014 № 2136-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177231.pdf> (дата обращения: 17.02.2020). Сходную позицию высказал ВАС РФ. См.: постановление Президиума ВАС РФ от 11 февраля 2014 г. № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051.

варианте), которая может играть положительную роль в прецедентном развитии российского права.

Раскрывая вопросы взаимодействия третейских и государственных судов, следует специально остановиться на проблеме участия третейских институтов в конституционном механизме судебного гарантирования прямого действия Конституции РФ. Ключевым здесь является выявление связей третейского разбирательства с конституционно-судебным контролем.

Обращаясь к поставленным вопросам, нужно прежде всего отметить, что принципы прямого действия, верховенства Конституции РФ связывают в равной мере всех субъектов права, в том числе оказывают регулирующее воздействие при осуществлении третейского разбирательства. Прямое действие Конституции предполагает, что «именно на ее основе складываются и развиваются общественные отношения, признаваемые ею необходимыми, желательными, соответственно не подлежат существованию и развитию те отношения, которые для Конституции нежелательны»¹. При этом обязанность соблюдать Конституцию РФ, установленная в ее ст. 15 (ч. 2), адресована в том числе общественным структурам. Вместе с тем третейский суд не просто подчинен этим императивам с точки зрения обязанности их соблюдения, но и, будучи правоприменительным субъектом, должен обеспечивать их надлежащую реализацию, в частности, при выборе норм, подлежащих применению, разрешении коллизий, восполнении пробелов и т.п., должен, иными словами, участвовать в отборе «желательных» и «нежелательных» с позиции конституционности отношений. Как верно замечено, судья как субъект правоприменения, не ограничивается применением конкретных норм, но и проверяет меру сбалансированности закрепленных прав, обязанностей, ответственности, функций, компетенции, процессов, интересов личности, общества, государства, тем самым создавая

¹ Авакьян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18.

условия для принятия справедливого судебного акта¹. Это утверждение, касающееся судей государственных судов, применимо и к третейским судьям, для которых определение надлежащего баланса в спорных правоотношениях выступает приоритетом.

Решение третейского суда должно отвечать принципу законности², который в данном случае имеет свою специфику. Основной смысл данного принципа в третейской сфере сводится к тому, что решение третейского суда, нарушающее основополагающие принципы российского права или вынесенное вне рамок компетенции, может быть отменено компетентным судом *ex officio*³. Нельзя согласиться с тем, что третейский суд обязан «строго и точно применять закон как в сфере материального, так и процессуального права»⁴, обеспечивать «единообразное понимание и применение закона»⁵. Третейский суд не состоит в инстанционных связях, определяющих судебную систему, и не связан императивно теми разъяснениями в отношении порядка применения норм права, которые даны высокими инстанциями государственных судов. В действительности, третейский суд призван находить оптимальные и прогрессивные правовые формы реализации справедливого компромисса на основе активного использования нормативных тенденций в развитии деловой практики и обращения к правовой доктрине. Разумеется, это не означает свободу на произвол, поскольку решения третейского суда, ориентированные российским правом, должны быть с точки зрения этой избранной заинтересованными лицами нормативной системы предсказуемыми,

¹ Орлова К.А. Теоретико-правовые аспекты статуса судьи как субъекта права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2017. С. 9.

² См.: абз. 2 п. 4 мотив. части Определения КС РФ от 4 октября 2012 г. № 1831-О; абз. 1 п. 3.2 мотив. части Определения КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О; абз. 4 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 24 ноября 2016 г. № 2479-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision255291.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

³ См.: абз. 2 п. 3.1 мотив. части Постановления КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П // СЗ РФ. 2014. № 47. Ст. 6634.

⁴ См., напр.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 мая 2018 г. № Ф05-5926/2018 по делу № А40-201366/2017.

⁵ См., напр.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 декабря 2014 г. № Ф04-12212/2014 по делу № А45-17098/2014.

обоснованными и убедительными, не вступать с ней в фундаментальное противоречие.

Реализация задачи по достижению третейским судом справедливого компромисса в рамках принципа законности может быть описана следующим важным общеметодологическим размышлением А.Т. Боннера. «Юридическая справедливость», пишет А.Т. Боннер, заключается в нахождении и вынесении наиболее оптимального, в наибольшей степени соответствующего обстоятельствам дела решения, пригодного для данного конкретного случая, она всегда находится в рамках закона или во всяком случае в рамках правовой системы. Соответственно, для нахождения этого «юридического оптимума» необходима правильная оценка установленных правоприменительным органом обстоятельств дела, в том числе их правильная социально-политическая оценка, верное истолкование, а в необходимых случаях и выход за пределы данной правовой нормы, но в рамках правовой системы¹.

Третейское разбирательство призвано обеспечивать защиту прав и законных интересов на уровне не ниже, чем это предусмотрено законодательством, не может порождать ограничений, обременений и иных стеснений правовой свободы сверх тех, которые прямо закреплены законом. В своем интерпретационном познании и развитии действующего правового регулирования в контексте складывающейся практики делового оборота третейский суд не может безосновательно выходить за логико-семантические пределы толкования нормы, вне рамок которых по существу отвергается конкретное законоположение.

Статус третейского суда предполагает, что, действуя в рамках минимального стандарта справедливого правосудия, он не может произвольно игнорировать подлежащие применению нормы права, а при выборе норм, подлежащих применению, должен осуществлять казуальный нормоконтроль. Судебный контроль в сфере нормотворчества является

¹ Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. С. 32.

одним из важных элементов системы судебной защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций¹. Нет оснований полагать, что специфика третейского разбирательства исключает распространение на него требования ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, обязывающего суд при разрешении дела осуществить правовую оценку подлежащих применению норм в их иерархии и в случае их противоречия принять решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими большую юридическую силу². Соблюдение этого конституционного предписания в отношении третейского суда обеспечивается прежде всего репутационными факторами, но может получать подкрепление и в официальной форме судебного акта, которым конкретное отступление от требований иерархии правовых норм признано нарушающим основы публичного правопорядка.

В современных условиях третейский суд безусловно является одним из существенных элементов системы судебного конституционализма как режима судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей³.

Контроль конституционности при применении норм права в силу ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ носит всеобщий распределенный характер и ложится на всех субъектов, участвующих в осуществлении публичных функций и задач и вовлеченных в реализацию правоприменительной деятельности, не исключая третейские суды. Единственным же субъектом, уполномоченным окончательно решать вопрос о конституционности законов и иных правовых актов, перечисленных в ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, является КС РФ.

Логика ст. 125 Конституции РФ сводится к тому, что выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа

¹ Никитин С.В. Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Издательство Юрайт, 2018. С.4

² См.: абз. 2 п. 2 мотив. части Постановления КС РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7912; абз. 4 п. 2 мотив. части Определения КС РФ от 27 сентября 2016 г. № 1783-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision247472.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

³ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд, перераб. М., 2015. С. 21.

действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции¹. В зарубежной практике рассмотрение дел по запросам судов является одним из самых распространенных видов индивидуального доступа к конституционному правосудию, а его эффективность в том, что обычные суды хорошо осведомлены и могут составить обоснованный запрос².

Несмотря на явную тенденцию расширительно толковать нормы о субъектах конституционного обращения, КС РФ все же не признает право на конституционный запрос за третейскими судами по чисто формальной причине, состоящей в том, что термин «суд» в ч. 4 ст. 125 Конституции РФ якобы охватывает только органы судебной власти³.

В доктрине уже отмечалось, что такая позиция значительно проигрывает по сравнению с подходом конституционных судов некоторых других стран. Так, решением Конституционного Суда Италии от 22 ноября 2001 г. № 376 признано право третейского суда, когда его решение имеет обязательную силу, на конституционное обращение. То, что действительно имеет значение, констатировал Конституционный Суд, – это эффективная система отправления правосудия, вне зависимости от того, ставится ли вопрос национальным судом или иным органом разрешающим споры⁴.

При обосновании права третейского суда на конституционный запрос необходимо учитывать следующие основные моменты.

1) Существо, предназначение института конституционно-судебного запроса определяет его двуединые характеристики в качестве: а) одной из процессуальных форм взаимодействия юрисдикций; б) опосредованной конституционной жалобы. Третейский суд, действующий как

¹ См.: абз. 2 п. 3.1 мотивировочной части Постановления КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

² Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию / Венецианская комиссия. Венеция, 2010. С. 18. <http://concourt.am/armenian/news/doc/CDL-AD-2010-039-ru.pdf>. (дата обращения: 17.02.2020)

³ Определение КС РФ от 13 апреля 2000 г. № 45-О. // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33794.pdf> (дата обращения: 17.02.2020)

⁴ Балеевских Л.С. Третейский суд как заявитель в Конституционном Суде России // Третейский суд. 2014. № 6. С. 123-124.

юрисдикционный орган и одновременно в интересах заинтересованных лиц, должен обладать полномочиями самостоятельно разрешить спор на основе убежденности в том, что подлежащие применению нормы права соответствуют Конституции РФ, не воздерживаться от реагирования на возникшие сомнения относительно того, что конкретная норма является конституционно-дефектной, иметь возможность наиболее полной защиты интересов лиц, решивших прибегнуть к третейской защите.

2) Представляется неконструктивной, снижающей ценность и эффективность третейской защиты отсрочка решения вопроса о конституционности нормы, на основании которой решается третейский спор, на период после рассмотрения вопроса о принудительном исполнении решения третейского суда.

3) Закон об арбитраже допускает возможность сторон по своему прямому соглашению предусмотреть, что арбитражное решение является для сторон окончательным и, соответственно, не подлежит отмене (ст. 40). Тем самым не исключаются ситуации, когда постановка вопроса о конституционности норм, на основании которых был решен третейский спор, оказывается для сторон невозможной. Сам же третейский суд, осознавая подобные последствия, ставится перед необходимостью либо применить норму вопреки убежденности в ее несоответствии Конституции РФ, либо отказаться от ее применения при отсутствии для этого формально-юридических оснований.

4) Признание за третейским судом права на конституционный запрос соответствует целям правовой политики по укреплению роли и статуса третейского суда в юрисдикционной системе.

Вместе с тем обеспечение конституционного режима применения норм в третейском суде может достигаться на основе понимания третейского дела как «конкретного дела» для целей допустимости конституционной жалобы (ст. 96 и 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Признание права стороны третейского разбирательства на обращение в КС РФ, если при этом утрачены

(отсутствуют) иные возможности судебной защиты, может рассматриваться как адекватный механизм правовой защиты от решений третейских судов, посягающих на основы публичного порядка. Стоит учитывать, что право конституционной жалобы в связи с третейским разбирательством известно и европейским правопорядкам. Так, в силу позиции Хорватии, представленной в 1995 г. на рассмотрение Венецианской комиссии, конституционная жалоба может быть подана в связи с арбитражным разбирательством, если решение нарушило конституционные права; при этом жалоба на отмену арбитражного решения не является обязательной для подачи конституционной жалобы; если же арбитражное соглашение предусматривает оспаривание арбитражного решения в государственном суде, конституционная жалоба может быть подана только после завершения этой процедуры¹.

Таким образом, представляется, что духу и смыслу ст. 125 Конституции РФ, соответствует наделение третейских судов, наравне с государственными судами, правом на подачу запроса в КС РФ, если третейский суд придет к убеждению, что подлежащая применению норма закона нарушает конституционные права или иным образом расходится с требованиями Конституции РФ.

¹ The protection of fundamental rights by the Constitutional Court :Proceedings of the UniDem Seminar organised in Brioni, Croatia, on 23-25 September 1995 in co-operation with the support of the European Commission and the Office for Democratic institutions and Human Rights of the OSCE / Council of Europe. European Commission for Democracy through Law. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1996. Pp. 71-80. <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-STD%281995%29015-e> (дата обращения: 17.02.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях эффективная реализация задач правосудия во многом определяется развитием альтернативных (в соотношении с государственными) юрисдикционных институтов, включая третейское разбирательство. Третейский суд – общепризнанный в правовом обществе способ решения гражданских и некоторых других правовых споров. Третейская защита характеризует самоорганизацию гражданского общества, призванного играть ключевую роль в освоении верховенства права, и вместе с тем она не может быть противопоставлена правосудию, стандарты которого (независимость, беспристрастность, справедливость) носят общеюрисдикционный характер.

Понимание третейского суда как альтернативного средства правовой защиты является основой для признания его автономной ценности, но не исключает того, что третейский суд интегрирован на началах самостоятельности в юрисдикционную систему. Осуществляемые им функции и задачи, которые инициированы в договорном порядке сторонами правового спора, и в то же время основаны на санкции государства и сопряжены с возможностью окончательного определения прав и обязанностей, имеют публично значимый характер.

Конституционализация третейского суда, в том числе путем оформления в учредительных актах зарубежных стран, отражает процессы социализации и интернационализации конституционного права, включая расширение его воздействия на экономические отношения в целях создания наиболее комфортных и безопасных условий предпринимательства. Демонстрирует усиление начал децентрализации и субсидиарности в системе публичной власти в современном государстве и одновременно с этим развитие институтов гражданского общества, самоорганизация которого охватывает в том числе юрисдикционную сферу. Очевидно, востребованность третейской защиты и отклик на эту тенденцию со стороны

конституционного права определяется также возрастанием уровня юридизации и, соответственно, коллизионности общественных отношений, при котором государственное правосудие может не справляться с увеличивающейся нагрузкой.

Имплицитный (подразумеваемый) тип конституционного регулирования третейских отношений, широкого распространенный до настоящего времени, и в том числе присущий конституционной модели Российской Федерации, свидетельствует о том, что с учетом автономии третейской сферы и приверженности началу стабильности конституции конституционное воздействие на вопросы третейской защиты может достигаться через «живую» конституцию. Однако в условиях переходного общества это повышает риски сохранения конституционной идентичности третейского суда, который может подвергаться серьезным административно-бюрократическим искажениям.

В системе российского конституционализма нормативно-правовыми конституционными предпосылками третейского суда, выявленными в практике конституционного правосудия, выступают взаимосвязанные положения ст. 8, 34 и 45 Конституции РФ. При этом предполагается, что третейское производство по своим сущностным характеристикам должно отвечать вытекающим из фундаментальных принципов правосудия стандартам справедливого судебного разбирательства, вытекающим из ст. 46, 118, 120, 123 Конституции РФ.

Конституционная сущность третейского разбирательства характеризует его как содержательно родственную правосудию деятельность, которая имеет также определенные специфические черты, но не отрицающие, а дополняющие, развивающие его правосудные начала. Третейское разбирательство должно рассматриваться в единстве юрисдикционных, регулятивных и медиативных (примирительных) моментов. С его помощью обеспечивается не только собственно разрешение юридической коллизии, но и формирование основанного на сложившихся в деловой практике и

юридической доктрине подходах наиболее оптимального и справедливого индивидуального регулирования. Исходя из этого должны раскрываться особенности правовой природы решений третейских судов и участие третейского суда в судебном конституционализме, определяться направления по совершенствованию правового регулирования третейской сферы.

Будучи естественной и традиционной формой разрешения споров о праве, третейское разбирательство должно пониматься в свете конституционного императива признания государством сложившихся форм проявления свободы человека с учетом горизонтального эффекта прав и свобод. В связи с этим законодатель, определяя основы третейского разбирательства, должен избегать снижения уровня гарантий юрисдикционной защиты.

Из ст. 2, 18 и 45 Конституции РФ следует, что средства правовой защиты, доступные для использования в целях восстановления нарушенных прав, должны отвечать критерию эффективности. Это в полной мере относится к третейскому разбирательству, которое не должно быть иллюзорным. В этой связи актуальной является необходимость расширения собственных процессуальных возможностей третейского суда.

Обеспечение функциональной определенности третейского суда на основе четкого закрепления презумпции наличия его компетенции при отсутствии прямого законодательного исключения и одновременно ориентация на расширение в русле современных тенденций предметной сферы третейской защиты будет способствовать укреплению как третейского суда, так и юрисдикционной системы в целом.

Становление третейского суда является важным конституционным фактором повышения авторитета и эффективности всей системы правосудия, служит целям его демократизации. Развитие третейского суда должно рассматриваться в качестве одного из приоритетов судебно-правовой реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (с изменениями, принятыми в 2006 году) с пояснительной запиской Секретариата ЮНИСТРАЛ. Вена, 2008. 55 с.
4. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1961 г. URL: http://icarb.kodeks.ru/files/material_518/european-convention-interarbitr-1961_rus.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
5. Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно-технического сотрудничества 1972 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901798161> (дата обращения: 17.02.2020).
6. Рекомендация № 92 Международной организации труда от 29 июня 1951 г. «О добровольном примирении и арбитраже» URL: <http://docs.cntd.ru/document/901750553> (дата обращения: 17.02.2020).
7. Рекомендация № R (81) 7 от 14 мая 1981 г. Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=090000168050e7e4 (дата обращения: 17.02.2020).
8. Рекомендация № R (84) 5 от 28 февраля 1984 г. Комитета министров Совета Европы «О Принципах гражданского судопроизводства,

направленных на усовершенствование судебной системы» // Российская юстиция. 1997. № 7.

9. Рекомендация № R (86) 12 от 16 сентября 1986 г. Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f7b86 (дата обращения: 17.02.2020).

10. Рекомендация № R (98) 1 от 21 января 1998 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно семейной медиации. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804ecb6e (дата обращения: 17.02.2020).

11. Рекомендация № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно медиации в уголовных делах. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=090000168062e02b (дата обращения: 17.02.2020).

12. Рекомендация Rec(2001)9 от 5 сентября 2001 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам об альтернативах судебному разбирательству между административными органами и частными сторонами. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e2b59 (дата обращения: 17.02.2020).

13. Рекомендация Rec (2002)10 от 18 сентября 2002 г. Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о медиации в гражданских делах. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e1f76 (дата обращения: 17.02.2020).

14. Межамериканская конвенция о международном коммерческом арбитраже 1975 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900688> (дата обращения: 17.02.2020).

15. Европейская конвенция о введении Единообразного закона об арбитраже 1966 г. (не вступила в силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901909541> (дата обращения: 17.02.2020 г.).

16. Доклад о верховенства права, утв. Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 г.) (CDL-AD(2011)003rev). URL: <https://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282011%29003rev-rus> (дата обращения: 17.02.2020).

17. Заключение № 7 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (CCJE(2005) ОР № 7) от 25 ноября 2005 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.

18. Заключение № 17 (2014) Консультативного совета европейских судей «Об оценке работы судей, качества правосудия и соблюдения принципа независимости суда» (CCJE(2014)2) от 24 октября 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3.

19. Заключение № 18 (2015) Консультативного совета европейских судей «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве» (CCJE(2015)4) от 16 октября 2015 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 12.

20. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29 июля 2018 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

21. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

22. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 30 октября 2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

23. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 6 марта 2019 г.) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

24. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

25. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. (в ред. от 18 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. (в ред. от 18 марта 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

27. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. (в ред. от 2 августа 2019 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

28. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

29. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. (в ред. от 17 октября 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

30. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

31. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (в ред. от 25 декабря 2018 г.) «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

32. Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 (в ред. от 30 декабря 2015 г.) «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1309.

33. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 20 декабря 2017 г.) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

34. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 29 июля 2018 г.) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

35. Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2018 г.) «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

36. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

37. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2018 г.) «О третейских судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

38. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3528.

39. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

40. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

41. Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. I). Ст. 2.

42. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

43. Приказ Минюста России от 20 марта 2019 г. № 45 «Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства». URL: <https://rg.ru/2019/03/29/minjust-prikaz45-site-dok.html> (дата обращения: 17.02.2020).

44. Закон Республики Дагестан от 9 октября 1996 г. № 18 (в ред. от 6 июня 2014 г.) «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2003. № 12. Ст. 926.

45. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 4 декабря 1998 г. № 26-З (в ред. от 3 июня 2017 г.) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» // Северная Осетия. 1999. 5 окт.

46. Закон Республики Татарстан от 13 ноября 2017 г. № 81-ЗРТ «О Торгово-промышленной палате Республики Татарстан» // Собрание законодательства Республики Татарстан. 2017. № 85 (Ч. I). Ст. 3086.

47. Закон Чеченской Республики от 20 декабря 2006 г. № 57-РЗ (в ред. от 17 октября 2018 г.) «О Торгово-промышленной палате Чеченской Республики» // Вести Республики. 2006. 28 дек.

48. Закон Краснодарского края от 10 октября 1997 г. № 101-КЗ (в ред. от 11 ноября 2019 г.) «О недропользовании на территории Краснодарского края». URL: <http://docs.cntd.ru/document/461600067> (дата обращения: 17.02.2020).

49. Закон Краснодарского края от 1 июля 2008 г. № 1511-КЗ (в ред. от 25 июня 2015 г.) «Об оптовых сельскохозяйственных рынках» // Кубанские новости. 2008. 10 июл.

50. Закон Пермского края от 27 апреля 2018 г. № 220-ПК «О Пермской торгово-промышленной палате» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2018. № 17. Ч. 1.

51. Закон Нижегородской области от 8 ноября 2013 г. № 146-З (в ред. от 26 декабря 2018 г.) «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2013. 22 ноябр.

52. Закон Нижегородской области от 3 мая 2017 г. № 50-З «О Торгово-промышленной палате Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2017. 16 июн.

53. Закон Томской области от 17 декабря 2012 г. № 234-ОЗ (в ред. от 29 декабря 2016 г.) «О государственно-частном партнерстве в Томской области» // Собрание законодательства Томской области. 2012. № 12/2. Ч. 1.

54. Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 г. № 627-100 (в ред. от 18 октября 2019 г.) «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2007. № 2.

55. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/download/02C92880-2685-48EB-9414-1C0C10096CF3> (дата обращения: 17.02.2020).

56. Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству на проект федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/download/EA294670-1E67-4340-A5F2-BBA5614841E9> (дата обращения: 17.02.2020).

57. Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации от 17 декабря 2015 г. № 5.1-3302 на проект Федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/download/5191778E-184A-487C-BC0F-B22E25AD6448> (дата обращения: 17.02.2020).

58. Высочайше утвержденное 15 апреля 1831 г. Положение о третейском суде // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение первое. 1831. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. № 4500.

59. Устав гражданского судопроизводства Российской империи, утвержденного 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1864. № 41477.

60. Декрет ВЦИК от 16 февраля 1918 г. «О третейском суде» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 336; Приложение № 3 к ГПК РСФСР 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

61. Закон Республики Армения от 22 января 2007 г. № ЗР-55 «О коммерческом арбитраже». URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2887&lang=rus> (дата обращения: 17.02.2020).

62. Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах». URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11100301> (дата обращения: 17.02.2020).

63. Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 г. № 488-V «Об арбитраже». URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=35110250#pos=3;-184 (дата обращения: 17.02.2020).

64. Закон Республики Узбекистан от 16 октября 2006 г. № ЗРУ-64 «О третейских судах». URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=114067_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_16_10_2006_g_n_zru-64_o_treteyskih_sudah_\(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_08_02_2006_g_odobre_n_senatom_25_08_2006_g_\)](https://nrm.uz/contentf?doc=114067_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_16_10_2006_g_n_zru-64_o_treteyskih_sudah_(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_08_02_2006_g_odobre_n_senatom_25_08_2006_g_)) (дата обращения: 17.02.2020).

65. Федеральный арбитражный акт Соединенных Штатов 1925 г. URL: http://r-ilc.ru/sites/default/files/federalnyy_arbitrazhnyy_akt_ssha.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

Материалы судебной практики

66. Постановления КС РФ от 13 января 2020 г. № 1-П по делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д.Свечниковой. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision447466.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

67. Постановление КС РФ от 16 июля 2018 г. № 32-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 69 ВК РФ, пп. 1 п. 2 ст. 78 БК РФ, а также п. 3 и 6 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги, в связи с жалобами ПАО «Аэропорт Кольцово» и АО «Международный аэропорт Нижний Новгород» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4810.

68. Постановление КС РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487 и п. 1, 2 и 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

69. Постановление КС РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П по делу о проверке конституционности абз. 13 ст. 12 ГК РФ и ч. 2 ст. 13 и п. 1.1 ч. 1 ст. 29 АПК РФ в связи с жалобой гражданина В.Г. Жукова // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7912.

70. Постановление КС РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П по делу о проверке конституционности п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других // СЗ РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

71. Постановление КС РФ от 6 октября 2017 г. № 23-П по делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 115 СК РФ и п. 1 ст. 333 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Р.К. Костяшкина // СЗ РФ. 2017. № 42. Ст. 6220.

72. Постановление КС РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положения п. 1 ст. 302 ГК РФ в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца // СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4075.

73. Постановление КС РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 81 и ст. 401.6 УПК РФ в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

74. Постановление КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П по делу о проверке конституционности пп. 1 ст. 1301, пп. 1 ст. 1311 и пп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края // СЗ РФ. 2016. № 52 (Ч. V). Ст. 7729.

75. Постановление КС РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П по делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 25 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

76. Постановление КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абз. 3 пп. 1 п. 1 ст. 342 НК РФ в связи с жалобой ОАО «Газпром нефть» // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

77. Постановление КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 6, п. 2 ст. 21 и п. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с

жалобами общественных организаций и гражданки С.А. Ганнушкиной // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

78. Постановление КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений ст. 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», п. 2 ч. 3 ст. 239 АПК РФ и п. 3 ст. 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой ОАО «Сбербанк России» // СЗ РФ. 2014. № 47. Ст. 6634.

79. Постановление КС РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2920.

80. Постановление КС РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений ст. 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 КоАП РФ в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами ООО «Барышский мясокомбинат» и ООО «ВОЛМЕТ», ОАО «Завод “Реконд”», ОАО «Эксплуатационно-технический узел связи» и ОАО «Электронкомплекс», ЗАО «ГЕОТЕХНИКА П» и ЗАО «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 “Нейрон”» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики // СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.

81. Постановление КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П по делу о проверке конституционности положений ст. 11 и п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

82. Постановление КС РФ от 17 января 2013 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положения ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ в связи с жалобой общества с ООО «Маслянский хлебоприемный пункт» // СЗ РФ. 2013. № 4. Ст. 304.

83. Постановление КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П по делу о проверке конституционности положений ч. 5 ст. 244.6 и ч. 2 ст. 333 ГПК РФ

Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.

84. Постановление КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

85. Постановление КС РФ от 1 марта 2012 г. № 5-П по делу о проверке конституционности абз. 2 ст. 215 и абз. 2 ст. 217 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Д.В. Барабаша и А.В. Исхакова // СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1366.

86. Постановление КС РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П по делу о проверке конституционности положения пп. 3 п. 2 ст. 106 ВК РФ в связи с жалобами ЗАО «Авиационная компания “Полет”» и ОАО «Авиакомпания “Сибирь”» и ОАО «Авиакомпания “ЮТэйр”» // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 39.

87. Постановление КС РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П по делу о проверке конституционности ч. 1 и 2 ст. 133 УПК РФ в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6123.

88. Постановление КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 11 ГК РФ, п. 2 ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», п. 1 ст. 33 и ст. 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда РФ // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

89. Постановление КС РФ от 20 декабря 2010 г. № 22-П по делу о проверке конституционности ч. 8 ст. 4 и ч. 2, 3 и 4 ст. 9 Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего

предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой администрации города Благовещенска // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 264.

90. Постановление КС РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и ООО «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

91. Постановление КС РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П по делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

92. Постановление КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений п. 2 и 4 ст. 12, ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и ст. 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» // СЗ РФ. 2009. № 28. Ст. 3581.

93. Постановление КС РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого ст. 3 и п. 3 ст. 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова // СЗ РФ. 2008. № 31. Ст. 3763.

94. Постановление КС РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 21 АПК РФ в связи с жалобами ЗАО «Товарищество застройщиков», ОАО «Нижекамскнефтехим» и ОАО «ТНК-ВР Холдинг» // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1352.

95. Постановление КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами ОАО «Нижекамскнефтехим» и ОАО «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

96. Постановление КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ в связи с жалобами ООО «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева // СЗ РФ. 2007. № 6. Ст. 828.

97. Постановление КС РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и УПК РФ в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда // СЗ РФ. 2006. № 16. Ст. 1775.

98. Постановление КС РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П по делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

99. Постановление КС РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

100. Постановление КС РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных

средств» в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2311.

101. Постановление КС РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 59 АПК РФ в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3282.

102. Постановление КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

103. Постановление КС РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П по делу о проверке конституционности положений ст. 115 и 231 ГПК РСФСР, ст. 26, 251 и 253 ГПК РФ, ст. 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

104. Постановление КС РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой ОАО «Приаргунское» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656.

105. Постановление КС РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 140 ГПК РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер // СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894.

106. Постановление КС РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О

несостоятельности (банкротстве)», а также ст. 106, 160, 179 и 191 АПК РФ в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц // СЗ РФ. 2001. № 12. Ст. 1138.

107. Постановление КС РФ от 25 января 2001 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

108. Постановление КС РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П по делу о проверке конституционности ст. 44 УПК РСФСР и ст. 123 ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1459.

109. Постановление КС РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П по делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

110. Постановление КС РФ от 27 января 1993 г. № 1-П по делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда РФ, регулирующих данные вопросы // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

111. Определение КС РФ от 29 мая 2019 г. № 1433-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы АО «Полад» на нарушение конституционных прав и свобод п. 2 Положения о МКАС при ТПП РФ, положениями ст. 2, 22 и 45 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision409790.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

112. Определение КС РФ от 12 апреля 2018 года № 865-О по запросу Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ о

проверке конституционности положений АПК РФ, а также федеральных законов «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», «О третейских судах в Российской Федерации» и «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision327769.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

113. Определение КС РФ от 27 марта 2018 г. № 744-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы АО «Восточно-Сибирский институт по проектированию объектов электроэнергетики» на нарушение конституционных прав и свобод п. 5 ч. 3 ст. 239 АПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision327883.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

114. Определение КС РФ от 23 ноября 2017 г. № 2678-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Хохтиф Девелопмент Руссланд» на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 65 и 233 АПК РФ и ст. 46 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision306603.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

115. Определение КС РФ от 4 апреля 2017 г. № 698-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова В.В. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 106 и ч. 3 ст. 159 ГПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision269334.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

116. Определение КС РФ от 28 февраля 2017 г. № 431-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ПАО «Ксеньевский прииск» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений ГК РФ и АПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision266438.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

117. Определение КС РФ от 24 ноября 2016 г. № 2479-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Логинова И.В. на нарушение

его конституционных прав ст. 32 и п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision255291.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

118. Определение КС РФ от 24 ноября 2016 г. № 2447-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Центр инжиниринга и технологического аудита» на нарушение конституционных прав и свобод п. 1 ст. 333 ГК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision255056.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

119. Определение КС РФ от 27 сентября 2016 г. № 1783-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гурмана Ю.А. и Мальцева С.С. на нарушение их конституционных прав положениями ч. 3 ст. 55, п. 2 ч. 2 ст. 125, п. 4 и 5 ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 130, ч. 9 ст. 208 и ч. 3 ст. 209 КАС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision247472.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

120. Определение КС РФ от 22 декабря 2015 г. № 2964-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Спецавтосервис» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 42 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision220818.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

121. Определение КС РФ от 27 октября 2015 г. № 2474-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федыны А.Н. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 379 УПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision213689.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

122. Определение КС РФ от 23 апреля 2015 г. № 940-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ГСК № 596 на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 7, 8, 10 и 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». URL:

<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision196519.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

123. Определение КС РФ от 5 февраля 2015 г. № 234-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы некоммерческой организации «Союз учредителей третейских судов» на нарушение конституционных прав и свобод п. 2 ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», п. 1 ст. 11 ГК РФ и ч. 8 ст. 9 Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision188648.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

124. Определение КС РФ от 15 января 2015 г. № 5-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Форест-групп» на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями ст. 1, 24, 61, 74, 81, 82, 83, 101 ЛК РФ, пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и ст. 26.12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision185578.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

125. Определение КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2753-О по запросу Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва о проверке конституционности ч. 3 ст. 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате // Вестник КС РФ. 2015. № 2.

126. Определение КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2750-О по жалобе ЗАО «Ямалгазинвест» на нарушение конституционных прав и свобод п. 1 ст. 8, ст. 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и п. 2 ч. 3 ст. 233 АПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision182762.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

127. Определение КС РФ от 25 сентября 2014 № 2136-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санаевой Т.В. на нарушение ее конституционных прав ст. 61 ГПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177231.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

128. Определение КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2003-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркова В.А. на нарушение его конституционных прав ч. 5 ст. 348 и ст. 379 УПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision150150.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

129. Определение КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 1908-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Строительная компания “Строй-Инвест”» на нарушение конституционных прав и свобод положением ч. 4 ст. 198 АПК РФ // Вестник КС РФ. 2014. № 3.

130. Определение КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1052-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко В.И. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 379 УПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135884.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

131. Определение КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135992.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

132. Определение КС РФ от 17 июня 2013 г. № 982-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сорокиной Т.Ю. на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 46 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 426 ГПК РФ. URL:

<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision134969.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

133. Определение КС РФ от 28 мая 2013 г. № 851-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева С.А. на нарушение его конституционных прав ст. 61 и 220 ГПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision133862.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

134. Определение КС РФ от 6 марта 2013 г. № 324-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1745.

135. Определение КС РФ от 4 октября 2012 г. № 1831-О по запросу Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности абз. 6 ст. 222 ГПК РФ во взаимосвязи с положениями п. 1 ст. 16, п. 1 и 2 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» и пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» // Вестник КС РФ. 2013. № 2.

136. Определение КС РФ от 8 декабря 2011 г. № 1714-О-О по запросу Благовещенского городского суда Амурской области о проверке конституционности п. 3 ч. 5 ст. 12, ч. 3 ст. 17 и ч. 1 ст. 34 Основ законодательства РФ о нотариате // Вестник КС РФ. 2012. № 3.

137. Определение КС РФ от 1 июня 2010 г. № 754-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Газпром экспорт» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 40 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», п. 1 ч. 1 ст. 150 и ч. 1 ст. 230 АПК РФ // Вестник КС РФ. 2010. № 6.

138. Определение КС РФ от 13 мая 2010 г. № 685-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Е.Ю. на нарушение

его конституционных прав п. 3 и 4 ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» // Вестник КС РФ. 2010. № 6.

139. Определение КС РФ от 5 февраля 2009 г. № 247-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимофеева А.А. на нарушение его конституционных прав положениями ч. 6 ст. 19 Федерального закона «Об общественных объединениях» и п. 5 ст. 23 Федерального закона «О политических партиях» // Вестник КС РФ. 2009. № 5.

140. Определение КС РФ от 3 июля 2007 г. № 633-О-П по жалобе гражданина Тимова Е.М. на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «О радиационной безопасности населения» и Положения о лицензировании деятельности в области использования источников ионизирующего излучения // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5642.

141. Определение КС РФ от 16 января 2007 г. № 33-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайлович Д.И. на нарушение ее конституционных прав положением ч. 2 ст. 159 ГПК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16102.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

142. Определение КС РФ от 12 июля 2006 г. № 182-О по жалобам гражданина Каплина А.Е., ОАО «Кузбассэнерго», ООО «Деловой центр “Тагаринский”» и ЗАО «Инновационно-финансовый центр “Тагаринский”» на нарушение конституционных прав и свобод положениями п. 1 ч. 1 ст. 150, ст. 192 и ч. 5 ст. 195 АПК РФ // СЗ РФ. 2006. № 40. Ст. 4204.

143. Определение КС РФ от 7 октября 2005 г. № 342-О по запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о проверке конституционности п. 1 ст. 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33022.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

144. Определение КС РФ от 4 октября 2005 г. № 437-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Правительства Москвы о проверке

конституционности положений п. 6 Указа Президента РФ от 6 февраля 1995 г. № 96 «О втором этапе приватизации в г. Москве», пп. 1.5 и п. 4 Положения о порядке продажи объектов нежилого фонда на территории города Москвы. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33021.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

145. Определение КС РФ от 23 июня 2005 г. № 292-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прудникова В.К. на нарушение его конституционных прав положениями ч. 1, 2 и 3 ст. 15, ст. 16 и п. 5 ст. 34 УПК РСФСР, ч. 1 ст. 1 и ч. 2 и 4 ст. 8 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32634.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

146. Определение КС РФ от 12 мая 2005 г. № 244-О по жалобе граждан Вихровой Л.А., Каревой Е.И. и Масловой В.Н. на нарушение их конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220 и 253 ГПК РФ // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3396.

147. Определение КС РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 169 ГК РФ и абз. 3 п. 11 ст. 7 Закона РФ «О налоговых органах Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32028.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

148. Определение КС РФ от 15 мая 2001 г. № 204-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерной компании «Алроса» и запроса Верховного Суда Республики Саха (Якутия) о проверке конституционности п. 1 ст. 35 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» // Вестник КС РФ. 2002. № 1.

149. Определение КС РФ от 26 октября 2000 г. № 214-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО АКБ «Сберегательный банк

Российской Федерации» на нарушение конституционных прав и свобод п. 2 ст. 34 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30907.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

150. Определение КС РФ от 13 апреля 2000 г. № 45-О об отказе в принятии к рассмотрению обращения Независимого арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности ст. 333 ГК РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33794.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

151. The European Court of Human Rights. Judgment of 26 June 1984. Campbell and Fell v. the United Kingdom. Application no. 7819/77; 7878/77. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57456> (дата обращения: 17.02.2020).

152. The European Court of Human Rights. Judgment of 8 July 1986. Lithgow and Others v. the United Kingdom. Application no. 9006/80; 9262/81; 9263/81; 9265/81; 9266/81; 9313/81; 9405/81. [Электронный ресурс].: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57450> (дата обращения: 17.02.2020).

153. The European Court of Human Rights. Judgment of 3 April 2008. Regent Company v. Ukraine. Application no. 773/03. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85681> (дата обращения: 17.02.2020).

154. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 года № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.

155. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 (в ред. от 7 февраля 2017 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

156. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

157. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

158. Решение Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № АКПИ18-566. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1682944 (дата обращения: 17.02.2020).

159. Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2018 года № 305-ЭС17-7240. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/692507fe-d800-4152-b90f-77af1b4a9444/d3cee1bc-9974-4791-948f-e62880bb8672/A40-165680-2016_20180711_Opredelenie.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

160. Определение Верховного Суда РФ от 24 апреля 2017 г. № 305-КГ17-323 по делу № А40-179125/2016. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1536424 (дата обращения: 17.02.2020).

161. Определение Верховного Суда РФ от 9 августа 2016 г. № 305-ЭС16-8895 по делу № А40-173700/2015. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1462530 (дата обращения: 17.02.2020).

162. Определение Верховного Суда РФ от 4 июля 2016 г. № 304-ЭС16-5975 по делу № А45-18852/2014. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1453294 (дата обращения: 17.02.2020).

163. Определение Верховного Суда РФ от 24 февраля 2015 г. по делу № 304-ЭС14-495, А67-1587/2014. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/d55b08a6-306e-4c4a-8942-8a324f01c6b9/056e79e4-b561-4d28-ae01-9892f1ff6a04/A67-1587-2014_20150224_Opredelenie.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

164. Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 г. № 305-ЭС14-48 по делу № А40-105897/13-52-988. URL:

http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7532abc9-3083-4557-9ff1-9e7fa55561de/A40-105897-2013_20140924_Opredelenie.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

165. Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № ГКПИ2001-1293. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/885105171> (дата обращения: 17.02.2020).

166. Постановление Президиума ВАС РФ от 11 февраля 2014 г. № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_f7966588-badb-4592-bc18-a5c8b269d79d (дата обращения: 17.02.2020).

167. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

168. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 15 февраля 2002 г. № 1-П об официальном толковании пункта 2 статьи 13 и пункта 1 статьи 75 Конституции Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1029073 (дата обращения: 17.02.2020).

169. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 7 февраля 2008 г. № 1 о пересмотре постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 15 февраля 2002 года № 1 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13 и пункта 1 статьи 75 Конституции Республики Казахстан» и дополнительного постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 12 апреля 2002 года № 1/2 «О ходатайствах Верховного Суда Республики Казахстан и Генерального Прокурора Республики Казахстан в отношении постановления Конституционного Совета Республики Казахстан «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13 и пункта 1 статьи 75 Конституции Республики Казахстан» от 15 февраля

2002 года». URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30160552 (дата обращения: 17.02.2020).

Книги

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. 6-е изд. Т. 1. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 864 с.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. 6-е изд. Т. 2. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 928 с.
3. Актуальные вопросы правоприменения: сборник рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде города Москвы / под общ. ред. С.А. Чуча; отв. ред. В.А. Лаптев. М.: Проспект, 2016. 176 с.
4. Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М.: Проспект, 2016. 552 с.
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010. 781 с.
6. Алекси Р. Понятие и действительность права. М., 2011. 192 с.
7. Арбитражный процесс: Учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 752 с.
8. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001. 254 с.
9. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. 592 с.
10. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд, перераб. М., 2015. 528 с.
11. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 272 с.
12. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма, 2018. 224 с.

13. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. 320 с.
14. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
15. Ведерников А.Н. Конституционное право личности на судебную защиту в законодательстве и судебной практике России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. 151 с.
16. Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2009. 424 с.
17. Волков А.Ф. Торговые третейские суды: историко-догматическое исследование. СПб.: Типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1913. 302 с.
18. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. 320 с.
19. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 736 с.
20. Головачев В.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация. М.: Норма, 2015. 256 с.
21. Голубев Н.Н. Международные третейские суды XIX века. М.: Университетская типография, 1904. 316 с.
22. Гражданин, закон и публичная власть. М.: Норма, 2005. 368 с.
23. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 441 с.
24. Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество / Под ред. докт. юрид. наук, проф. С.М. Петрова. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. 464 с.
25. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991. 124 с.
26. Децентрализованные органы и учреждения в системе исполнительной власти зарубежных государств: научно-практическое пособие/ Н. М. Касаткина, Ф.А. Лещенков, А.Н. Пилипенко и др.; отв. ред. А. Н. Пилипенко. М.: Норма, 2018. 208 с.

27. Ершов В.В. Основополагающие принципы права и принципы российского гражданского права. М.: РАП, 2010. 224 с.
28. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М., 2010. 576 с.
29. Зайцев А.И. Комментарий к модельному закону «О третейских судах и третейском разбирательстве». М.: Издательство Юрайт, 2018. 148 с.
30. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.
31. Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 416 с.
32. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2011. 521 с.
33. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 600 с.
34. Комментарий к законодательству о судебной системе Российской Федерации / Под ред. Т.Г. Морщаковой. М., 2003. 351 с.
35. Конституционное право / отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2013. 584 с.
36. Конституционное право России / под ред. Б.С. Эбзеева. М., 2012. 671 с.
37. Конституционное право Российской Федерации / под общ. ред. Н.В. Витрука, 2010. 656 с.
38. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма, 2011. 656 с.
39. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / Под ред. д.ю.н., проф. Ю.А. Дмитриева. М.: Деловой двор, 2009. 600 с.
40. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016. 240 с.

41. Крусс В.И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности / Отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юристъ, 2003. 672 с.

42. Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008. 296 с.

43. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. 288 с.

44. Кучерена А.Г., Дмитриев Ю.А. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. 255 с.

45. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. 384 с.

46. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. 384 с.

47. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т.3. М.: Мысль, 1988. 668 с.

48. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. 800 с.

49. Миряшева Е.В., Павликов С.Г., Сафонов В.Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность: монография. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 303 с.

50. Морозов М.Э. Правовая природа законодательства, регулирующего третейское судопроизводство. Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 2008. 176 с.

51. Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2009. 112 с.

52. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 312 с.

53. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева и др.; под общей ред. В.В. Хвалея. М.: РАА, 2017. 935 с.

54. Никитин С. В. Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Издательство Юрайт, 2018. 150 с.

55. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М., 2001. 354 с.

56. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева и др.; отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 269 с.

57. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2017. 784 с.

58. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. 256 с.

59. Российская Конституция: первые 20 лет. Лекции в Государственной Думе. 2013-2014. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 544 с.

60. Саидов А.Х. Общепризнанные права человека / Под ред. И.И. Лукашука. М.: МЗ-Пресс, 2002. 267 с.

61. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В. Ершова. М.: Юрист, 2006. 493 с.

62. Саратовский проект Конституции России / Предисловие В.Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. 64 с.

63. Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан: историко-правовое исследование. М.: Норма, 2007. 272 с.

64. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. 704 с.

65. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / Под ред. Т.Г. Морщаковой. М., 2012. 584 с.
66. Судебная защита конституционных прав и свобод в Российской Федерации. М.: Российский гос. ун-т правосудия, 2017. 210 с.
67. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.
68. Талапина Э.В. Публичное право и экономика. М.: Волтерс Клувер, 2011. 520 с.
69. Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М.: НОРМА, 2018. 256 с.
70. Тихомиров Ю.А. Государство. М.: Норма, 2013. 320 с.
71. Третьейское разбирательство в Российской Федерации / под ред. О.Ю. Скворцова. М.: Волтерс Клувер, 2010. 392 с.
72. Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М.: РГУП, 2016. 672 с.
73. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2007. 320 с.
74. Хегер С. Комментарий к австрийскому арбитражному законодательству. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 208 с.
75. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука, 1997. 392 с.
76. Чепурнова Н.М., Белоусов Д.В. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод: конституционно-правовой аспект. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и прав, 2010. 167 с.
77. Чепурнова Н.М., Гончаров Е.И. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010. 160 с.
78. Чупахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. М.: Инфотропник Медиа, 2015. 188 с.

79. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.

80. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. 488 с.

81. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. 608 с.

Статьи

1. Авакьян С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5-11.

2. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3-7.

3. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3-12.

4. Авакьян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18-26.

5. Авдеев М.Ю. Правоохранительная функция судебной власти в системе органов государственной власти Российской Федерации // Право и государство. 2017. № 11. С. 135-140.

6. Алиэскеров М.А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // Lex russica. 2017. № 12. С. 54-67.

7. Анишина В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. 2006. № 11. С. 21-23.

8. Аносова Л.С., Агальцова М.В. Гласность судебных заседаний: российский опыт через призму Европейской конвенции по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 66-77.

9. Арапов Н.А. К вопросу о понятии «принцип» в конституционном праве: его определение и функции // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 102-113.

10. Багыллы Т.А., Тимошенко А.В. Роль и значение третейских судов как альтернативного способа разрешения споров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 199-202.

11. Балеевских Л.С. Третейский суд как заявитель в Конституционном Суде России // Третейский суд. 2014. № 6. С. 120-124.

12. Балкаров А.Б. Арбитрабельность споров третейским судам в российской и зарубежной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 12-14.

13. Беляева О.А., Габов А.В. Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 46-55.

14. Бергер А.Ю. Сравнительно-правовой анализ действия конституционных прав и свобод человека и гражданина в частном праве Германии и России // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 100-119.

15. Богомолова М.В. Процессуальные средства защиты лица, права и интересы которого затронуты третейским разбирательством // Вестник арбитражной практики. 2017. № 6. С. 55-61.

16. Бондарь Н.С. Конституционный строй как государственно-правовое выражение гражданского общества России // Конституционное развитие России. Вып. 4. Саратов, 2003. С. 62-81.

17. Бумагин А.Н. Принцип публичности (открытости, гласности) судебного разбирательства в конституционном праве России и ряда

зарубежных стран: сравнительный анализ // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 72-76.

18. Васильева С.В. Передача государственных полномочий организациям: правовой механизм // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 28-37.

19. Власов А.Ю. Третейские суды в судебной системе Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2014. № 5. С. 37-42.

20. Гавриленко В.А. Компетенция третейских судов // Юрист. 2008. № 1. С. 53-57.

21. Гаджиев Г.А. Конституционно-правовая аксиология: проблемы согласования конституционных принципов // Ученые записки юридического факультета. 2008. № 12. С. 93-102.

22. Гальперин М.Л. Третейские итоги // Закон. 2017. № 9. С. 34-40.

23. Голубцов В.Г. Публично-правовые элементы в отношениях, регулируемых гражданским законодательством: теория вопроса // Правоведение. 2006. № 5. С. 79-85.

24. Грудцына Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в гражданском судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2004. № 6. С. 35-42.

25. Губина Е.Н. Принцип законности в гражданском судопроизводстве как принцип демократического государства // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24-27 сентября 2015 г.) / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 176-179.

26. Джагарян А.А. Горизонтальный конституционализм: основания и перспективы // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы. Сборник материалов международной научной конференции 16-18 марта 2017 г. / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Авакьян. М.: Проспект, 2017. С. 47-53.

27. Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 1-9.

28. Зайков Д.Е. Процессуальные принципы: проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 113-121.

29. Зайцев А.И. Минусы реформированного третейского разбирательства в России // Третейский суд. 2017. № 4. С. 37-48.

30. Кажлаев С.А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 119-124.

31. Казанцев Д.А., Алфеева Ю.А. Значение производственной демократии для современного этапа развития экономики развитых стран // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 11-14.

32. Кенжебаева А. Конституционное право на судебную защиту и арбитражное соглашение // Казахстан. 2002. № 1. URL: <http://www.investkz.com/journals/30/354.html> (дата обращения: 17.02.2020).

33. Киселев В.С. К вопросу о классификации конституционных принципов организации и функционирования судебной власти // Государство и право. 2015. № 6. С. 102-104.

34. Комаров А.С. Некоторые замечания по поводу третейского разбирательства корпоративных споров // Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 544-560.

35. Корнева А.А. Принцип представительной демократии в трудовом праве Европейского союза // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 203-208.

36. Королев С.В. Действие основных прав по горизонтали и отказ от основных прав // Труды Института государства и права Российской академии наук. Конституция: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Институт государства и права РАН, 2008. № 6. С. 78-87.

37. Крусс В.И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 79-87.

38. Курочкин С.А. Арбитрабельность и подведомственность: вопросы теории // Третейский суд. 2015. № 1. С. 32-46.

39. Курочкин С.А. Реформа арбитража в России: общие подходы к оценке эффективности нового законодательства // Закон. 2017. № 9. С. 65-76.

40. Лексин И.В. «Действительные» и «мнимые» конституционные принципы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 10. С. 2-6.

41. Логинов А.В. Основные этапы развития законодательства о третейских судах в России // Правозащитник. 2014. № 2. URL: <http://pravozashitnik.net/ru/2014/2/11> (дата обращения: 17.02.2020).

42. Минц П.М. Третейская сделка и третейский суд // Журнал Министерства Юстиции. Петроград, 1917. № 5-6. С. 154-209.

43. Мирошниченко А.Ю., Царик А.С. Третейские суды в России: история и современность // Юрист – Правоведь. 2013. № 6. С. 63-67.

44. Михель Д.Е. Правовой статус третейского суда в отечественной и зарубежной доктрине права и конституционной практике // Юрист-Правоведь. 2011. № 6. С. 95-98.

45. Морщакова Т. Судебное управление в международных нормах «мягкого права» и российских практиках // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 81-94.

46. Мосин С.А. Актуальные вопросы исследования конституционных принципов // Закон и право. 2017. № 9. С. 24-25.

47. Невинский В.В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционных принципов // Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002. С. 194-199.

48. Никитин С.В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 88-101.

49. Никифоров В.А. Третейские суды на Руси // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 9. С. 74-78.

50. Попов Н.В. Современные проблемы арбитрабельности сквозь призму исторического развития третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 28-32.

51. Попова Ю.А. Конституционные формы реализации функций судебной власти и проблемы их совершенствования // Власть Закона. 2014. № 1. С. 43-49.

52. Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Подведомственность споров третейским судам в России // Арбитражные споры. 2008. № 1. С. 117-128.

53. Постников А.Е. Конституционные принципы и конституционная практика // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 38-43.

54. Почепко К.И. Конституционное право человека на самозащиту в условиях развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 33-40.

55. Романовская О.В. Конституция России и фронтолиз государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 22-25.

56. Ротко С.В. Теоретические и практические вопросы арбитрабельности споров третейским судам // Администратор суда. 2014. № 3. С. 19-26.

57. Севастьянов Г.В. Дискуссия о содержании принципа независимости и беспристрастности третейских судей // Третейский суд. 2011. № 5. С. 7-8.

58. Севастьянов Г.В. Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // Закон. 2008. № 1. С. 58-74.

59. Серков П.П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 162-174.

60. Скворцов О.Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 60-64.
61. Скуратов Ю.И., Кузьминых Н.В. Третейское судопроизводство в России: состояние и перспективы развития // Современное право. 2014. № 10. С. 9-20.
62. Тойбнер Г. Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 41-55.
63. Толстой Ю.К. Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5. С. 46-52.
64. Третейский суд по мысли Державина // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1862. Том XIII, Июль. С. 177-186.
65. Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Тенденции развития правовых и институциональных основ судебной власти в Российской Федерации // Российское правосудие. 2017. № 5. С. 44-54.
66. Умнова (Конюхова) И.А. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex Russica. 2018. № 11. С. 23-39.
67. Холоденко Ю.В. Третейское разбирательство: реформа или уничтожение? // Третейский суд. 2017. № 4. С. 28-36.
68. Хусейнов А.М. История законодательства о третейских судах и результаты реформы третейских судов в России // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 2. С. 200-207.
69. Чаплинский А.В. Содержание конституционного права на информацию в сфере судебной власти // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 68-71.
70. Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84-94.

71. Четвернин В.А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. С. 28-36.

72. Чорновол Е.П., Челышева Н.Ю. К вопросу о принципах третейского разбирательства гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 61-64.

73. Чупрунов И.С. Проблематика определения права, применимого к вопросам арбитрабельности // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 92-127.

74. Шабанова Т.Н. Согласительные процедуры в судопроизводстве США на примере штата Калифорния // Право и политика. 2005. № 8. С. 116-126.

75. Шеломанова Л.В. Реализация принципа независимости судей в конституционном праве современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 26-29.

76. Штейнберг И.Я. Третейский суд и пределы его компетенции // Вестник советской юстиции. 1925. № 15-16. С. 608-609.

77. Ясус М.В. Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 4-14.

78. Berg J.W. Understanding Waiver. *Houston Law Review*, vol. 40, pp. 256-287, 2003.

79. Brunet E. Arbitration and Constitutional Rights. *North Carolina Law Review*, Vol. 71, pp. 81-120, 1992.

80. Rutledge P.B. *Arbitration and the Constitution*. Cambridge University Press. 2013.

81. Sternlight J.R. Mandatory Binding Arbitration and the Demise of the Seventh Amendment Right to a Jury Trial. *Scholarly Works*, vol.16:3, pp.669-733, 2001.

82. Strong, S.I. Book Review Constitutional Conundrums in Arbitration Arbitration and the Constitution, Peter B. Rutledge (Cambridge University Press, 2013). Cardozo Journal of Conflict Resolution, paper No. 2013-06, pp.41-84.

83. Ware S.J. Arbitration clauses, jury-waiver clauses, and other contractual waivers of constitutional rights. Law and Contemporary Problems, vol. 67, pp.167-205, 2004.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Анишина В.И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 431 с.

2. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. 50 с.

3. Баньковский А.Е. Принципы единства и субсидиарности в организации государственной власти Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2013. 223 с.

4. Виноградова Е.А. Правовые основы организации и деятельности третейского суда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 37 с.

5. Виноградова С.А. Принципы правосудия как основа судебной деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 140 с.

6. Гаганова Н.А. Принцип субсидиарности в конституционном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 208 с.

7. Гайдей Ю.М. Судебная система в современной России: общетеоретический аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 26 с.

8. Гендзехадзе Е.Н. Третейский суд в СССР. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. 15 с.

9. Гимазов Р.Н. Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 33 с.
10. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
11. Гондаренко А.С. Конституционно-правовой механизм обеспечения реальности конституционных принципов правосудия в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2007. 27 с.
12. Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
13. Гумба М.Р. Система конституционных принципов правосудия и формы их реализации в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 185 с.
14. Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 255 с.
15. Илюхина Ю.Ю. Конституционно-правовые гарантии реализации права на предпринимательскую деятельность в современной России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 23 с.
16. Исаев А.К. Экономическая демократия и проблемы ее становления в современной России: политологический анализ. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 152 с.
17. Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 25 с.
18. Коротенко В.И. Конституционные принципы правосудия в арбитражном судопроизводстве: теоретико-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 26 с.

19. Курочкин С.А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 26 с.
20. Ляхова А.И. Принципы процессуального права. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. 199 с.
21. Мальцев М.Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 23 с.
22. Минина А.И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража. Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.
23. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации: судебные и несудебные. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 46 с.
24. Орлова К.А. Теоретико-правовые аспекты статуса судьи как субъекта права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2017. 22 с.
25. Пырх А.И. Самозащита прав предпринимателя: сравнительно-правовой анализ законодательств России и Германии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. 22 с.
26. Савостьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.
27. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
28. Скворцов О.Ю. Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. 46 с.
29. Усков Д.Г. Конституционные гарантии на предпринимательскую деятельность. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

30. Хохлов Б.В. Экономическая демократия и развитие демократических институтов в корпоративном управлении. Дис. ... докт. экон. наук. М., 2005. 257 с.

31. Чан Х.Х. Разбирательство и разрешение в третейском порядке хозяйственных споров в Социалистической Республике Вьетнам. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 19 с.

32. Чепурнов А.А. Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 34 с.